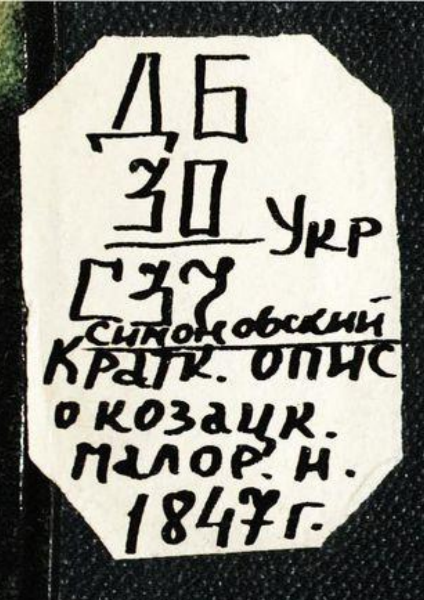
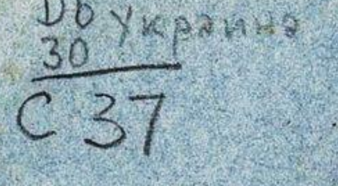


Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ
Принесъ въ даръ
Гофмейстеръ Двора
Его Императорскаго Величества
и Директоръ Архива (1841-1872 г.)
Тайный Совѣтникъ.
К. М. Оболенскій

№



КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

о

КОЗАЦКОМЪ МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРОДѢ

и

О ВОЕННЫХЪ ЕГО ДѢЛАХЪ,

собранное

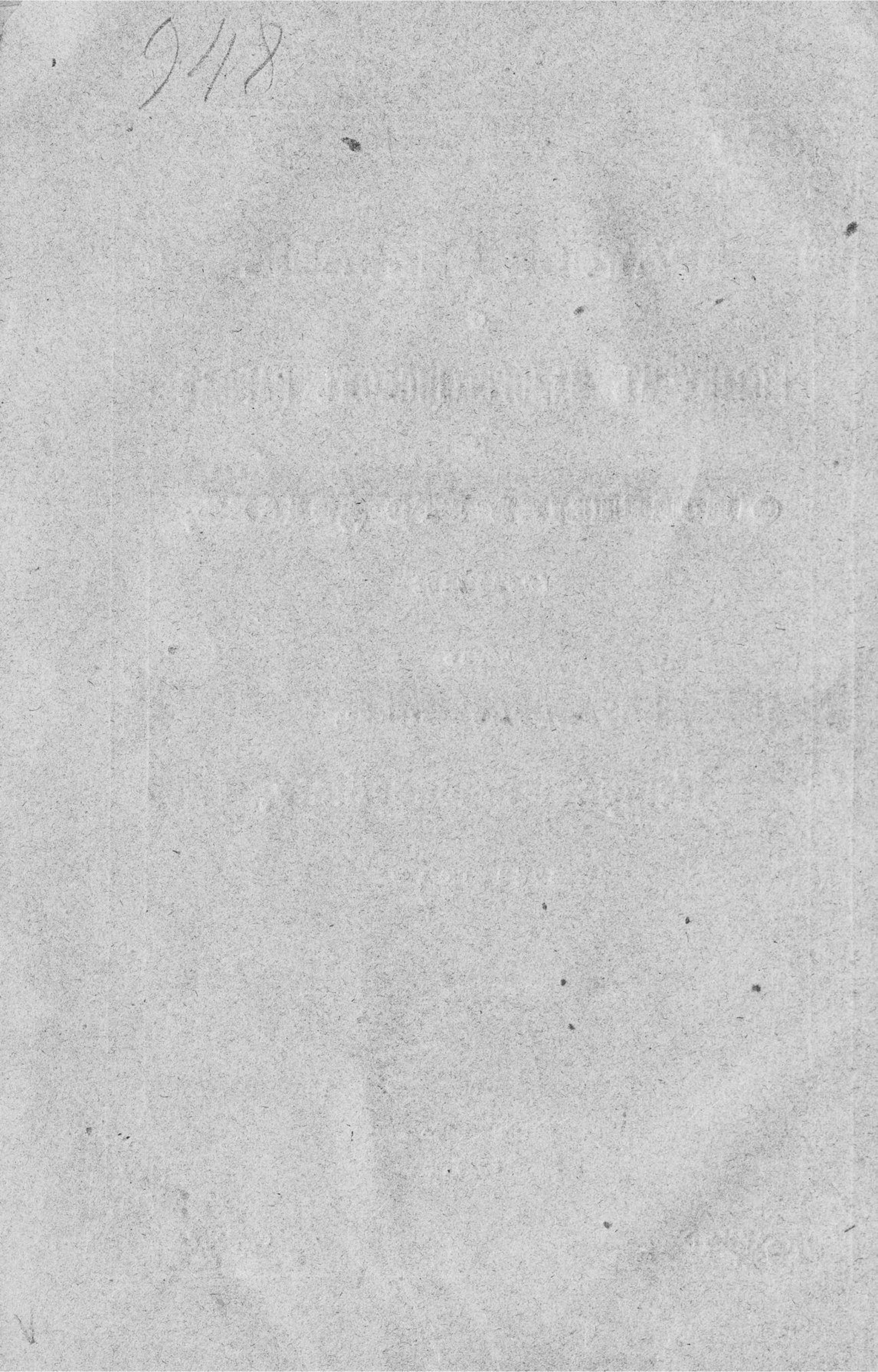
чрезъ

бунчуковаго товарища,

Петра Симоновскаго,

1765 года.

МОСКВА.
1847.


918

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

О

КОЗАЦКОМЪ МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРОДѢ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
О
КОЗАЦКОМЪ МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРОДѢ
И
О ВОЕННЫХЪ ЕГО ДѢЛАХЪ,

собранное

изъ

РАЗНЫХЪ ИСТОРІЙ ИНОСТРАННЫХЪ,

НѢМЕЦКОЙ — БИШЕНГА, ЛАТИНСКОЙ — БЕЗОЛЬДИ, ФРАНЦУЗСКОЙ — ШЕВАЛЬЕ

и

РУКОПИСЕЙ РУССКИХЪ,

чрезъ

Бунчуковаго Товарища

ПЕТРА СИМОНОВСКАГО,

1765 ГОДА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

По Опредѣленію Общества. Сентября 27 дня, 1847 г. Москва

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКГАО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочинитель этого „Краткаго Описанія о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ,“ Бунчуковый товарищъ, Петръ Ивановичь *Симоновскій*, неизвѣстно почему названный въ „Словарѣ Русскихъ свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія (II., стр. 165. М. 1845.) сотникомъ Кіевскаго полка, кончилъ полной кругъ ученія въ Кіевской Академіи, потомъ въ Варшавѣ, въ которой, по словамъ Евгенія, и самъ былъ учителемъ. Малороссійскій Генеральный Подскарбій, въ послѣдствіи Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Василій Андреевичь Гудовичь, пригласилъ его, въ *званіи гофмейстера, отправиться* въ путешествіе за границу съ дѣтьми его, игравшими послѣ такую важную роль у насъ, слушалъ чтенія Професоровъ Кенигсбергскаго, Галскаго, Лейпцигскаго и другихъ Университетовъ, а также посѣтилъ Парижъ. Товарищами ему въ этой поѣздкѣ были соученики его по Академіи, Гр. Вас. Козицкій, бывшій потомъ Статсъ-Секретаремъ Екатерины II-й, и Н. Мотонисъ, сынъ Придворнаго Капельмейстера. Воротясь на родину, онъ, въ 1765 году, составилъ издаваемое мною теперь это Краткое Описаніе, доведенное имъ только до пріѣзда Гетьмана Разумовскаго въ Глуховъ (1751 г.); послѣдующаго времени, которому, судя по окончанію его труда, не сочувствовалъ, не хотѣлъ описывать, не смотря на то, что умеръ лишь въ 1809 году, іюня 30 дня, почти около ста лѣтъ отъ рожденія, въ чинѣ Статскаго Совѣтника и Кавалера Св. Владиміра 4-й степени. Источники, на коихъ Симоновскій основалъ свое Описаніе, исчислены имъ въ самомъ заглавіи, но много, кажется, при-

бавлено и отъинуду. Слогъ его по тому времени довольно замѣчателенъ. Рукопись, съ которой напечатано Краткое Описаніе, принадлежитъ Д. Н. Бантышу-Каменскому и составляетъ, по его замѣчанію (выставленному на корешкѣ переплета, а также и въ его Исторіи Малой Россіи, I., стр. XV.), *автографъ*, на 86 лист. или 346 стран., въ листъ, писанный бойкимъ почеркомъ; потому нѣкоторыя особенности правописанія сочинителя удержаны и въ печати. Впрочемъ, при тисненіи, она сличена и съ спискомъ, принадлежащимъ ИМПЕРАТОРСКОМУ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, на 62 л. (124 пол.), весьма красиваго почерка, съ поправками, тамъ и сямъ, иными (желтыми) чернилами и рукою, кажется, сочинителя; знаковъ препинаній почти ни какихъ нѣтъ съ начала до конца (см. № 81-й, прежде 99, Библіотеки Общества, стр. 31). Собственноручная рукопись получена сочинителемъ Исторіи Малой Россіи въ даръ отъ бывшаго Хорольскаго Маршала, Степана Иларіоновича Алексѣева, 1818 г. Въ переплетѣ, въ которомъ находится эта рукопись, помѣщены сперва: „О началѣ Козацкаго имени и Козацкаго племени и рода и о давнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ вкратцѣ," писанное одною рукою съ самымъ Краткимъ Описаніемъ," но неполное (оканчивающееся 100-й стран. словами изъ Повѣсти о войнѣ Берестецкой: „*Посемъ Король собралъ Сенаторовъ, и всѣ совѣтовали не погубляючи Шляхты*,"), а за тѣмъ слѣдуютъ разные Универсалы, Указы и т. п., относящіеся къ Малороссіи. То и другое, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, явится въ свѣтъ.

О. Бодянскій.

Октября 22-го,
1847 г.
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

о

КОЗАЦКОМЪ МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРОДѢ

и

О ВОЕННЫХЪ ЕГО ДѢЛАХЪ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ИМЕНИ КОЗАКА ПО СУЩЕСТВУ И ДѢЙСТВІЮ ЕГО.

Сіе слово, *Козакъ*, утверждаютъ иные, что оное есть Турецкое и значитъ разбойника или грабителя, а другіе доводятъ, что происходитъ оно отъ Россійскаго нарѣчія, коза, въ разсужденіи тогдашней Козаковъ скорости и исправности ихъ, нѣкоторые же происхожденіе его думаютъ быть отъ косы, то есть, отъ гострэты и понятности Козацкой; но чтобъ оно ни значило, довольно, что имя оное, Козакъ, есть древнее и всѣмъ вѣстимое. Греческій Императоръ, Константинъ Порфирогеннета, въ девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, напоминаетъ, въ книгѣ De administr. Imper. (р. 113), о нѣкоторой провинціи Касахія, между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ лежачей, къ полуденной сторонѣ Кавказскихъ горъ, гдѣ издревле жили Татары, отъ которыхъ, слѣдовательно, оные Кавказскіе Козаки имѣли происхожденіе свое, а отъ ихъ, уповательно, со временемъ произошли и Россійскіе, переходя изъ одной въ другія стороны по примѣру другихъ, подобныхъ себѣ, народовъ, о коихъ перехожденіи съ мѣста на мѣсто многія имѣются Исторіи. Что ко мнѣ принадлежитъ, то я не инако содержу сіе наименованіе Козакъ какъ Россійское, потому что Козаки есть родъ Скифославенскій, кой жительство свое имѣлъ, чаятельно, въ провинціи, принадлежащей къ Кавказскимъ горамъ, называемой у древнихъ Hircania, кое Латинское нарѣчіе происходитъ отъ сего слова hircus, что на Россійскомъ языкѣ есть козелъ. Та провинція, Ирканія, по автору, Исидору Испаленскому, книги 14, имѣла многіе у себя народы отъ стороны Западной, кои, за неплодородіемъ земли, въ дальнія разныя переходили стороны, съ чего сходственнѣе заключить можно, что наименованіе Козакъ есть Россійское и происхожденіе его есть отъ провинціи Ирканіи, которую, уповательно, Императоръ Константинъ Порфирогеннета назвалъ Кас-

сахіею, въ согласіе Славенскаго нарѣчія, Козакія, что тоже есть, что и Hircania, или доказательнѣе сего, что сіе слово Козакъ есть сложено изъ сихъ двухъ нарѣчій, Каспіумъ (то есть, Каспійское море), и Сацы или Саги (то есть, Скифскій народъ); ибо Саками или Сагами именовали ихъ, по автору Плинію. И тако Касацы или Касаги неотмѣнно былъ Скифской народъ, живущій неподалече Каспійскаго моря. Сихъ Кассаговъ или лучшимъ Россійскимъ произношеніемъ назвать Козаковъ (яко Латинское двоякое ss перемѣняется на Россійское з, а с, или g, на k), уповательно, Князь Мстиславъ, сынъ Великаго Владимира, въ 1021 году воевалъ, какъ явствуетъ изъ Россійскихъ лѣтописей, слѣдовательно, статься можетъ, что въ то время и Козацкой народъ въ Малороссіи уже жительство имѣлъ.

Въ Россіи по губерніямъ и провинціямъ разные суть Козаки, какъ то: Донскіе, Волгскіе, Теркскіе, Гребянскіе, Семейскіе, Яицкіе и Сибирскіе. Но я родъ и начало тѣхъ описывать здѣсь не намѣренъ, а для вѣдѣнія каждому въ Малой Россіи что за нужно быть почелъ, представляю Малороссійскихъ Козаковъ, ихъ начало и происхожденіе, потому что, хотя о томъ на иностранныхъ языкахъ и многія суть Исторія, но на Россійскомъ весьма рѣдки, которыя не всѣмъ Малороссіянамъ и извѣстны.

Малороссійскіе Козаки, безъ сомнѣнія, суть древнѣйшіе отъ Донскихъ, яко сіи въ 1579 году, за государствованія Царя Ивана Васильевича, стали быть вѣстимы, а оные начали быть еще въ 1340 году, когда Польша Чермную Россію себѣ покорила.

Малороссійская земля главное было обиталище Россійскаго народа со времени Великаго Князя Игоря даже до времени Великаго Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, которой 1157 года изъ Кіева во Владимиръ Княженіе перевелъ, а Кіевъ между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени имѣлъ особливаго себѣ Князя, никому неподвластнаго. Такъ какъ и Галичь на вершинахъ рѣки Днѣстра, въ Чермной Россіи, имѣлъ же другой Великокняжеской престолъ, который Кіевскому въ первенствѣ не уступалъ, однако сіе недолго продолжалось, ибо когда Татары подъ руководствомъ своего Хана Батыя, 1240 года, Кіевомъ овладѣли и всю оную землю пустынею здѣлали, то, по соизволенію своему, они какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ наставляли и отставляли Россійскихъ Князей, покамѣстъ Гедеминъ, знаменитый Князь Литовскій, коего, по сношенію Россійской Исторіи съ Польской, за первѣйшаго предка *княжеской линіи* содержать надобно, 1320 года, Татарскому владѣнію надъ Кіевомъ конецъ учинилъ, тамошняго Кіевскаго Князя, Станислава, отъ крови древнихъ Россійскихъ Великихъ Князей, при рѣкѣ Ирпѣнь побѣдивъ, взялъ безъ малѣйшаго сопротивленія градъ Кіевъ и учредилъ въ немъ воеводъ своихъ, что обывателей земли той привело въ страхъ и многіе изъ нихъ принуждены оставить домы свои и искать поселенія себѣ внизу по Днѣпрѣ, гдѣ какъ скоро оселились, то Поляки, Литва и Татары, будучи въ сосѣдствѣ съ тѣми новопоселившимися Малороссіянами, безпрестанныя дѣлали на нихъ нападенія и разныя приключали имъ обиды, отъ

чего они, защищая себя, пріобыкли отъ мала по малу къ воинскому искуству, котораго они предъ тѣмъ совершенно не знавали.

А что они дѣйствительно суть природные Россіяне, а не избѣжище разныхъ народовъ, какъ то нѣкоторые, не хотя заникнуть въ древность Исторій, разсуждаютъ, докажетъ намъ языкъ ихъ, кой, хотя много въ разговорахъ сходственъ есть съ Польскимъ, однако основаніе его совсѣмъ Россійское или лучше сказать Славенское, хотя по Исторіямъ Россіяне отъ Славянъ и разнствуютъ, а по большей части потому должны быть одной природы, что они какъ всегда, такъ нынѣ и тогда, Грекороссійскаго были Исповѣданія, которое отъ града Кіева, въ 988 году, послѣ Рождества Христова, при Князѣ Владимирѣ, начало свое воспріяло. А если бы они изъ разныхъ народовъ были збѣжище, то бы, безъ сумнѣнія, и разныхъ Вѣръ могли быть люди, чего какъ тогда, такъ и нынѣ, между Козаками *нигдѣ не сыскуется*; разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они пришли во владѣніе Литовское и Польское, гдѣ тѣ Малороссіяне, въ отличность, а паче Козакамъ, состоящимъ подъ Россіею, названы Малороссійскіе Козаки.

Къ тѣмъ поселяющимся внизу по Днѣпрѣ Малороссіянамъ братія ихъ приумножались счаста, а паче когда въ 1415 годѣ другое отъ Татаръ на Кіевъ было нападеніе; сверхъ сего и тогда приумноженіе ихъ быть могло, когда Польскій Король Казимиръ, сынъ Ягелловъ, въ 1471 году Кіевское Княженіе къ Польской Коронѣ присовокупилъ. Оный премудрый и сильный Государь, подъ котораго протекціею Пруссія и Молдавія тогда была, для лучшаго порядка Кіевское Княженіе раздѣлилъ на провинціи и учредилъ въ нихъ вездѣ воеводъ, старостъ, каштеляновъ, судей и прочихъ чиновниковъ, всѣхъ съ Малороссійскаго народа, и, чтобъ таковое учрежденіе содержано вѣчно и ненарушимо было, обовязалъ и наслѣдниковъ своихъ, въ подтвержденіе чего имѣется и привилегіумъ Короля Сигизмунда Августа, сына перваго Сигизмунда, данной въ 1569 году, Декабря 23-го, въ которомъ, между протчимъ, написано: „Всѣ достоинства и чины, когда на вакансіи будутъ, обывателямъ земли Кіевской осѣдлимъ званія шляхетского отдавать;“ однако сіе недолго продолжалось. Многіе Поляки повходили въ тѣ провинціи, гдѣ разнообразно земли съ угодіями себѣ приобрѣли и знатнѣйшія урядовыя мѣста между собою разобрали, а Малороссіянъ вовся пренебрегать начали, не имѣя съ ними никакого равенства, и не инако ихъ, какъ за подданныхъ считали, отъ котораго угнетенія остальные принуждены къ братіи своей къ Днѣпру переселяться.

И такъ отъ мала по малу тѣ оставляющіе жилища свои Малороссіяне начали селиться по рѣкѣ Бугу и Днѣстру и оселили всю ту землю, которая тѣми рѣками и Днѣпромъ ограничена, основали они себѣ тамо города и села, въ которыхъ каждой въ зимнее время съ фамиліею своею жилъ, въ лѣтнее же время всѣ молодые и бодрые люди скиталися по степямъ, засѣдая на Турковъ и Татаръ, съ которыми они, въ примѣръ Кавалеровъ ордена Святаго Іоанна, без-

престанную брань имѣли, чѣмъ тѣмъ непріятелемъ всякой путь къ Польскому Королевству и Великому Княжеству Литовскому заградили, и были службою своею Польшѣ такъ какъ средостѣніе, о которомъ ихъ на Турковъ и Татаръ нападеніи отъ Польскихъ Королей тогда не токмо запрещенія не было, но еще и думано, какъ бы то войско Польскому государству учинить полезнѣйшимъ.

1516 года при осадѣ отъ Польской стороны Предиславомъ Ланскоронскимъ Бѣлгорода надъ Днѣстромъ, вспоминаетъ Польскій историкъ, Окольскій (Orbis Polon. par. 3, p. 318), о Козакахъ, кои подъ командою онаго Ланскоронскаго тамъ были, съ чего заключить можно, что не другіе какіе Козаки, какъ Малороссійскіе, на то употреблены были.

Тѣ Малороссійскіе Козаки всѣ были тогда одни и разнствія между ними не было ни какова. Обыкновенно назывались они Запорожцами, потому что по той сторонѣ Днѣпрскихъ пороговъ всѣ жили; но Король Польскій, Сигизмундъ Первый, которой съ 1507 по 1548 годъ государствовалъ въ Польшѣ и здѣлалъ между ними перемѣну, взялъ оттуда нѣкоторую часть того военнаго народа и поселилъ ихъ въ вершинѣ Днѣпровыхъ пороговъ, опредѣливъ имъ на то добрую и довольную землю, для того, чтобъ отъ Турецкихъ и Татарскихъ нападеній границы ими были защищаемы; притомъ и далъ имъ особливыя на вольности ихъ привилегіи, а прежнія дозволенія ихъ отъ предковъ его, Королей Польскихъ, подтвердилъ.

Для лучшей отъ непріятельскихъ нападеній безопасности, а паче для сохраненія оружія ихъ и воинскихъ припасовъ, необходимо должно быть здѣсь таковой крѣпости, съ которой бы оное новопоселенное войско съ лучшимъ сопротивленіемъ непріятелямъ стать могло; для чего надежно Чигринъ и Черкасы, откуда Малороссіяне и Черкасами въ Москвѣ названы, нарочно были тогда же здѣланы, или когда они и предъ тѣмъ уже находились (яко о семъ нигдѣ въ Исторіяхъ вспоминки нѣтъ), на то опредѣлены и отданы были во владѣніе Козакамъ, ибо Чигринъ всегда былъ резиденціяльной Козацкій, а Черкасы токмо во время Короля Сигизмунда.

И такъ, когда тѣ Козаки за государствованія Перваго Сигизмунда, Короля Польскаго, учинены оберегательми границъ Рускихъ, Волынскихъ, Подольскихъ и другихъ Польскихъ провинцій, то размножились они такъ сильно, что въ состояніи были, согласясь съ прочею братіею своею, Запорожцами, разбивать на Черномъ морѣ (по примѣру древняго Либурническаго народа, состоящаго подъ управленіемъ или царствованіемъ Царицы Тевктіи, кои легкими водяными судами на морѣ Адріатическомъ многихъ и самыхъ знатныхъ въ то время Рымлянъ разбивали и разграбляли) пловящія Турецкія галеры, съ которыхъ получали они много богатой добычи; сверхъ сего отваживались ѣздить дубами своими въ Анатолію, гдѣ цѣлые города, какъ то Трапезонтъ и Синопъ разоряли и разграбляли, а иногда и до самаго Константинополя подходили и похищали оттуда многихъ людей въ плѣнъ; собирались же они для сего нарочно отвсюду на Днѣпрскіе по-

роги, отъ которыхъ и походъ свой начинали, которой слѣдующимъ бывалъ образомъ:

Когда для такого грабительства приуготовлялись они, то собиралось ихъ обыкновенно отъ пяти до шести тысячей человѣкъ и садились въ большіе, нарочно для того здѣланные дубы, по 50 и по 60 человѣкъ вмѣстѣ съ ружьемъ, котораго всякъ имѣлъ у себя отъ пяти до шести, а при немъ и по два лука съ довольными стрѣлками. Въ томъ дубѣ, гдѣ сидѣлъ главный ихъ командиръ, стоялъ всегда значокъ на маштѣ для знанія; отпускались же они въ походъ въ послѣдней четверти мѣсяца, для того, чтобъ по темнотѣ отъ Турецкихъ галеръ, стоящихъ въ Очаковѣ, усмотрѣны не были; а инако, когда въ случаѣ усмотрѣны бываютъ, то тотчасъ отъ Турецкой стороны дѣлается окрикъ и шумъ повсюду и дается знать о томъ даже до Цариграда, посылаются куріеры въ Анатолію, Ромелію и Булгарію съ тѣмъ, чтобъ тамо всевозможная отъ ихъ принята была предосторожность. Однакъ ничто въ томъ не предуспѣвало, ибо Козаки такъ скоры плаваніемъ своимъ были, что ни одинъ куріеръ упредить ихъ не моглъ; въ четыре часа приспѣвали они въ Анатолію и тамо что ни похотѣли получали въ добычу и благополучно назадъ возвращалися. Когда же въ случаѣ повстрѣчивалися на морѣ съ Турецкими галерами, то пряталися они въ побережнія мѣста, заросшія рогозою, и, ожидая тамо ночи, примѣчали, гдѣ тѣ галеры остановливались; по примѣтѣ же мѣста, вставъ о полночи, подходили подъ тѣ галеры тайно и разбивали ихъ такъ, что ни слѣда сыскать не можно было; ибо, забравши все, что бы ни было на галерахъ, затопливали ихъ въ воду; если же въ день случалось таково съ ними сраженіе, рѣдко когда бывала удача, яко пушечная пальба преодолѣвала ихъ, чего для имъ найлучшее средство было заросные рогозою берега и темная ночь, о чемъ пишетъ Французской гисторикъ Шеваліе, о коемъ будетъ ниже сего; а въ подтвержденіе сей точности, смѣлости и храбрости прежнихъ Козаковъ, разсудилъ я за благо внесть сюда письмо, писанное отъ Кошеваго Ивана Сѣрка къ Крымскому Хану, гдѣ то же и одно, что выше о храбрости Козацкой прописано, отъ онаго Кошеваго къ Хану напоминается, кое гласитъ тако:

Отъ Кошеваго Ивана Сѣрка къ Хану Крымскому.

Ясне Вельможный Мосцѣ Хане Крымскій, съ многими Ордами, близкій нашъ сосѣде!

Не мыслилисьмо мы войско Низовое Запорожское съ Вашею Ханскою Милостію и со всѣмъ панствомъ Крымскимъ въ великую неприязнь и войну заходити, естьли бысьмо отъ васъ не увидѣли до того початку, которой прошлой зимы Ваша Ханская Милость учинилесь, послухавши дурной рады шаленого и безумного вейзира Цариградского, а по ней и неслушного ординансу найяснѣйшого и найвелможнѣйшаго Салтана своего. Приходилесь съ янчарами его и изъ многими ордами Крымскими до насъ, войска Низового Запорожского; ночною добою пришедши близко, къ Сѣчи нашей и знявши сторожу нашу, за Сѣчю стоявшую, вслалесь былъ въ Сѣчь пятнадцать тысячь ян-

чаръ, приказавши имъ (чего въ стыдъ было чинить) не по кавалерску всѣхъ насъ, молодцовъ войска Запорожского, сонныхъ и жадной бѣды не надѣявшихъ, выбити и выдавити, и кучку нашу Сѣчовую съ фундаменту вывернуть и разорити, а самъ и съ ордами около Сѣчи стоялесь, жебы и духа утѣкающихъ молодцовъ нашихъ не пустити. Лечъ тое намѣреніе и замыслъ вашъ Христосъ Богъ и Спаситель нашъ Премилосерднѣйшій премѣнилъ намъ въ доброе, а болѣзнь и упадокъ нашъ тогдашній обернулъ на упадокъ главъ янчаровъ вашихъ Турецкихъ, о чемъ самъ Ваша Ханская Мосцъ добре вѣдаешъ, якого злого замыслу вашого и недишкреціи яко тѣхъ людей, которыи рыцерскимъ промысломъ бавячися и правду у себе заховати любячи, яко нигды не сподѣвалисьмося, такъ и слушной осторожности и доданья отпору по готовности не имѣлисьмо; единъ Господь Богъ и Спаситель нашъ сохранилъ и защитилъ отъ напасти вашей и крайного упадку нашого, якой поступокъ вашъ вельми зневажилъ насъ, войско Запорожское, и не безъ шкоды нашой досадилъ намъ. Такъ и мы прикладомъ древнихъ предковъ нашихъ и братіи мусилисьмо постаратись витъ за витъ вашой Ханской Мосци и всему Панству Крымскому свою зневагу и обиду повѣтовати и отмстити, но явно, а не тайно, по рыцерску и кавалерску, а не такъ, какъ вы съ нами поступили, и Богъ, сердцевѣдецъ, при нашей правдѣ лучше намъ помогъ гостити въ Панствѣ вашемъ Крымскомъ, нежели вамъ около кучки нашей Сѣчовой; и ежели тая гостьня наша въ Панствѣ вашемъ показалась быти недишкреціею, то може и такъ есть, бо Козаки, якъ не одной матери дѣти, такъ не едного суть нраву: едни на право, другіе на лѣво, а третіе просто стрѣляли, только добре же цѣлью не минали. Да и недишкреціи тоей отъ васъ научились, а не сами вымыслили, бо и въ Крыму ваша Ханская Мосцъ, не принявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ, поспѣшилесь былъ съ ордами своими сильными до Сивашу къ той переправѣ, которою мы ввойшли въ Панство ваше, гдѣ стоячи, мѣлися нашего повороту дождаться и тамъ насъ поглонути, на переправу не пустивши; но и тутъ намѣреніе ваше судьбами Всемогущаго Бога нашего въ страхъ премѣнися, а намъ милость Божія, при нашей правдѣ, допомогла и торжествовати надъ вами позволила; въ якомъ торжествѣ еслисьмо потурбовали вашу Ханскую Мосцъ и если съ стороны нашей що показалось недишкретного, то мусишъ ваша Ханская Мосцъ въ томъ намъ выбачити, уважаючи тое, что ваша недишкреція недишкреціею платиться обыкла, подобно и не снилось вашей Ханской Мосци тое, жебы войско наше Низовое Запорожское въ маломъ и вельми щупломъ числѣ посмѣло и отважилося на знаменитое и многолюдное Панство Крымское воевати и наступовати (яко жъ и не было бы того), не для якой боязни нашой, але для давной сосѣдской съ Крымомъ приязни, естьли бы зъ стороны вашей не подана была оказія и причина до войны и неприязни съ нами, войскомъ Запорожскимъ.

Не рачъ теды впредъ ваша Ханская Мосцъ мѣти (якъ приказуютъ) поля за бовдура и насъ, войско Запорожское, легко у себе важити и

войною впредъ на насъ наступовати, гды жъ если бы было иначе, то и мы взаимно въ большой уже силѣ войска нашего и съ лучшимъ до войны приборомъ не на Сивашу переправу, але на самой Перекопъ, выломивши и отворивши себѣ въ немъ ворота (яко певный до того имѣемъ способъ), завытаемъ въ Панство Крымское и потоль изъ него не выйдемъ, поколь, при всесильной помощи Божіей, желаемого намѣренія нашего не узримъ скутку, бо, ежели отважные и мужественные кавалеры, прежніе войска Запорожского вожди, предки и славные антецесоры наши, здавна на Крымъ и на царство Турецкое, моремъ и землею, воевали, яко то Самусь Кушка, Атаманъ и Гетьманъ Кошовый, воевалъ по Черномъ морѣ; по немъ року 1575 Богданко съ Козаками Крымъ воевалъ и плюндровалъ; потомъ 1609, Петро Конашевичъ Сагайдачный, прежде Гетьманства своего, съ Запорожцами заплынувши човнами въ Таврыку вашу, взялъ въ ней знаменитое и крѣпкое мѣсто, Кефу, и съ многими корыстьми до Сѣчи повернулся счастливо; по немъ року 1621, то жъ прежній Гетьманъ, Богданъ Хмельницкій, на морѣ Черномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли и каторги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ року 1629, братія наша, Запорожци, съ певнымъ вождемъ своимъ воюючи въ човнахъ по Евксипонту, коснулися мужественно до самихъ стѣнъ Константинопольскихъ и оныя довольно окуривши дымомъ мушкетнымъ, превеликій Султану и всѣмъ мѣшканцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе и нѣкоторыя отлеглѣйшія селенія Константинопольскія запаливши, тожъ счастливе и съ многими добычами до Коша своего повернулись. Въ року Божіемъ 1633, Сулима, Гетьманъ войска Запорожского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днѣпру на Черномъ морѣ чрезъ островъ Крымской въ Меотицкое заплинувши озеро, досталъ былъ прекрѣпкого Турецкого во Азіи града, Азака. А що найхвалебнѣйше и найславнѣйше, же тіе жъ славно именитіе вожди наши Козацкіе и Скифославянскіе не токмо Царкграду, но и всему Царству Греческому первѣйшимъ отъ оныхъ сосѣдственныхъ народовъ были страхомъ, гдѣ, кромѣ Константинополя, за тысячу миль и вящше Евксинопонтъ въ лодкахъ переплинувъ, грады Азіатскіе, Синопъ и Трапезонтъ выстинали и иные замки по берегу тамошнему сплюндровали, не токмо моцному Бѣлограду не разъ крыла осмалили, але Варну, Смаиловъ и иныя фортеціи Подунайскія повыдирали и внивецъ обернули.

Тому ежели ваша Ханская Мосцъ не повѣришъ, то изволь въ своихъ Крымскихъ и Константинопольскихъ лѣтописныхъ книгахъ писарямъ своимъ приказати поискати, певне найдешъ; а ще болше здаемся на лѣтописцы Греческіе, Римскіе и Польскіе, въ которыхъ ясно оглашается немерцающая слава Козацкая и хвалебныя дѣла воинскія войска Запорожского; то намъ, ихъ наслѣдникамъ, кто заборонитъ тѣмъ же хвалебнымъ предковъ нашихъ ити торомъ? И такъ любо не желаемъ мы, войско Низовое Запорожское, съ вашею Ханскою милостію и со всѣмъ Панствомъ Крымскимъ воеватись и быти въ гнѣвѣ, однакъ, ежели знову увидимъ початокъ вашъ до войны, то мы вза-

имно на Панство ваше Крымское воевать не убоимся. Що зась съ охочихъ молодцовъ, табуны ваши и наши по розлеглымъ мѣстамъ и дикимъ степамъ гуляючи, сходитимутся и битимутся, того вамъ и намъ дозаиста въ войну великою причиною ставить сполнѣ не треба.

Не ширячи болше писма нашого до вашей Ханской Мосци, тое еще доносимъ, ижъ неволниковъ вашихъ Крымскихъ начальныхъ и простыхъ знайдуется у насъ на Кошу четыре тысячи, якіе сами реестръ именъ своихъ и откупу намъ отъ себе поступленого написавши, у насъ войска трехъ Татаръ упросивши, посылаютъ чрезъ оныхъ до рукъ вашей Ханской Мосци, который откупъ если изволишъ ваша Ханская Мосць приказати крдвнымъ ихъ вскорѣ выстачити и до насъ на Кошъ прислати, и съ особливымъ отъ своей Ханской дишкреціи на насъ, войско Запорожское, подарункомъ, то и мы невольниковъ вашихъ всѣхъ заразъ въ Крымъ отпустимъ; а если не далѣй за полтора мѣсяца откупу того не будетъ, то декляруемъ же всѣхъ невольниковъ до Пресвѣтлѣйшого Его Царского Величества, добраго и богатого Государя и добродѣя нашего, отослати маемъ, которой певне съ казны своей Монаршей уконтентуетъ насъ слушне за присылку тѣхъ Татаръ. Тое все выразивши, жичимъ вашей Ханской Мосци доброго здоровья и счастливаго повоженья. Писанъ въ Сѣчи Запорожской. Вашей Ханской Мосци зычливіе пріятели, Иванъ Сѣрко, Атаманъ Кошовый, со всѣмъ войска Запорожского Низового товарыствомъ.“

Король Стефанъ Баторій, которому Польша, за многія добрыя учрежденія, много долженствуетъ, разсуждая, какъ нужны и полезны Козаки къ войнѣ, здѣлалъ съ нихъ въ 1576 году воинской корпусъ, раздѣля его на шесть полковъ, въ каждомъ полку по 1,000 человѣкъ, а тѣ полки разбилъ на сотни, съ тѣмъ, чтобъ каждой Козакъ, принадлежащій къ полку, вписанъ былъ въ сотню и, когда потребуется, въ оной стать неотмѣнно долженъ былъ. Всякой полкъ и всякая сотня имѣли себѣ опредѣленнаго отъ Короля начальника, которой, по опредѣленію Королевскому, тогда былъ безъ перемѣны; но мало послѣ, по вольности того народа, частію въ начальникахъ послѣдовали перемѣны; надъ всѣми же тѣми полками здѣлалъ имъ главнѣйшаго командира съ титуломъ Гетьмана, которому, для лучшаго уваженія и почитанія, жаловалъ Королевское знамя, бунчукъ, булаву и печать съ изображеніемъ Козака, стоячаго въ полѣ, которою и нынѣ Малороссія печатается; тогда жъ и войсковымъ старшинамъ быть опредѣлилъ, какъ то во первыхъ Обозному, Судьѣ, Писарю и Есаулу.

О ПЕРВОМЪ ГЕТЬМАНѢ, КНЯЗѢ РОЖИНСКОМЪ.

Первой Козацкой Гетьманъ (по новоизданной и выпечатанной въ Гамбургѣ, 1763 года, Исторіи о Россійскомъ Государствѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ, чрезъ доктора Бишинга) былъ Князь Богданъ Рожинскій которому Король Стефанъ Баторій во вѣчное и наслѣдственное владѣніе пожаловалъ городъ Терехтемировъ, Козакамъ же дозволилъ отъ онаго города и до

самаго Кіева безпрепятственно селитися и занимать всякія угодія, такъ и въ вершинѣ по Днѣпру еще на двадцать миль земли Козакамъ прибавилъ.

И такъ Терехтемировъ сталъ тогда резиденціяльной Козацкой городъ вмѣсто Черкасъ, кой былъ таковымъ за Короля Сигизмунда, но безъ Гетьманства.

Въ томъ городѣ Терехтемировѣ долженъ былъ Гетьманъ правленіе свое имѣть и войска собирать и ихъ смотрѣть; тамъ же и всѣ привилегіи на вольности Козацкія содержались. Служили же они и содержали себя во всякой воинской исправности почти отъ собственнаго своего кошту, кромѣ что Король всякому реестровому, то есть, выборному, Козаку жаловалъ ежегодно одного червонца, волову кожу, а иногда и нагольную шубу.

При Гетьманѣ всегда извѣстное число было Козаковъ, а протчіе имѣли свободу жить по деревнямъ и работать для себя.

Тѣми Козаками всѣ пустыя земли по той сторонѣ городовъ Брацлава, Бара и Кіева тотчасъ оселены, и подѣланы были многіе города и крѣпости, въ которые и изъ другихъ близшихъ сторонъ многіе люди, кои токмо одного исповѣданія были, приходили на жительство.

Первѣйшіе Козацкіе города были слѣдующіе: Кіевъ, Бѣла Церковь, Корсунь, Константиновъ, Баръ, Черкаскъ, Чигринъ, Кудакъ, Ямполь, Брацлавъ, Винница, Умань, Черниговъ, Переясловъ, Лубны, Паволочь, Хвастовъ, которые всѣ со временемъ устроены были порядочно инженеромъ Г. де Бопланъ, кой тогда въ службѣ при великомъ Гетьманѣ Конецпольскомъ находился, и здѣлалъ на Украинѣ двѣ ланкарты по гисторіи на Французскомъ языкѣ г. Шеваліе.

Оное войско, такимъ образомъ учрежденное, состояло всегда въ вѣрности Польскому Государству и безпримѣрно полезнѣйшимъ, нежели прежде, когда главнаго своего шефа и другихъ старшинъ не имѣло; Поляки же ни до нихъ самихъ, ни до ихъ земель, кои имъ отъ Королей наданы были, ни какова дѣла не имѣли и въ правленіе ихъ никогда не мѣшалися, что продолжалось потоль безпрепятственно, пока Король Стефанъ Баторій въ живыхъ находился.

О ГЕТЬМАНѢ ПОДКОВѢ.

По смерти же его, когда Сигизмунтъ Третій вступилъ на престолъ, начала быть Козакамъ отмѣнность: разные Польскіе магнаты на опредѣленной Козакамъ землѣ въ Малой Россіи позанимали себѣ села и деревни и тѣмъ Козаковъ въ разныхъ случаяхъ утѣснять и въ подданство ихъ привлекать начали; самаго же Козацкаго Гетьмана подъ вѣдѣніе и власть Коронному Гетьману отдали и знатнѣйшія урядовыя мѣста въ Малой Россіи природнымъ Полякамъ роздали, что Козакамъ столь чувствительно стало, что они снесть сего будучи не въ состояніи и видя себя нѣсколько въ силѣ, всему тому воспротивились и, не принимая ни какихъ отъ Поляковъ повелѣній, въ 1587 году, за руководствомъ бывшаго тогда у нихъ Гетьмана, именемъ Подковы, взбунтовались; однакъ въ томъ авантажу и удачи ни какой не имѣли, ибо Гетьманъ ихъ вскорѣ подхваченъ и каз-

ненъ смертію, отсѣченіемъ головы.

Между тѣмъ Турецкій Султанъ новому Королю занеслъ жалобы на тѣхъ Козаковъ, за чинимыя ими на Черномъ морѣ разбои и грабительства, по которымъ Король Сигизмундъ Третій, 1596 года, тотчасъ оныя грабительства дѣлать запретилъ, не разсуждая, что чрезъ то видимой государству воспослѣдуетъ вредъ; ибо одни только Козаки Татарамъ и Туркамъ тогда и опасны были, а Польшѣ отъ непріятельскихъ нападеній за каменную служили стѣну.

О ГЕТЬМАНѢ НАЛИВАЙКѢ.

Когда же между протчимъ и самой Вѣрѣ Греческо-Россійской начато быть утѣсненіе, а Рымско-Каѳолической распространеніе, ибо уже въ Кіевѣ Рымскія церкви, монастыри и школы заведены были, и для соединенія обѣихъ Церквей Малороссійское Духовенство созывано 1595 года на соборъ въ Брестье Литовское, съ тѣмъ, чтобъ и въ Малой Россіи Папу признано за главу, а Греческаго Константинопольскаго Патріярха, къ которому тогда Малороссійское Духовенство принадлежало, оставлено, чѣмъ опять Козаки будучи огорчены, хотя за силу повелѣнія Королевскаго отъ нападеній на Турковъ и Татаръ поудержались, всчали дѣлать аттаки на Русь и Литву, гдѣ неслыханныя причинили разоренія и грабительства по предводительству шефа своего, Гетьмана Наливайка.

О чемъ извѣстясь Республика, многія насылала къ нимъ указы, чтобы они, отложа оружіе, возвратилися въ домы свои; но всуе было и сіе повелѣніе; они, пренебрегая то, сильнѣйшимъ порядкомъ отъ часу въ часъ соединялись въ одно мѣсто и толикое число уже ихъ набралось, что въ состояніи были и противу Польской арміи стать храбро.

Республика, видя таковыя ихъ продерзости, принуждена была отправить противу ихъ Польскія войска, коими командовалъ тогда Гетьманъ Золкіевскій. Козаки, услышавъ о томъ, построились въ ордеръ-баталію подъ Бѣлою Церковію, куда когда прибылъ Золкіевскій съ Польскою арміею, то они сначала сразились такъ сильно, что ни въ чемъ Полякамъ не уступили и лучшой отъ нихъ имѣли надъ ними авантажъ, а наконецъ, когда Золкіевскій, поколику онъ былъ искусной храбрости мужъ, обложилъ ихъ войскомъ своимъ вокругъ, то они принуждены были куда можно ретироваться, и тою ретирадою зашли въ такъ опасныя мѣста, что оттуда имъ живымъ отнюдь выйдти не можно было, чего для, въ избѣжаніе большаго кровопролитія, принуждены были они на пароль Гетьману Золкіевскому выдать шефа своего, Наливайка, которой однакъ равнымъ образомъ пострадалъ отъ Поляковъ, какъ и антецессоръ его, Подкова.

О РАЗНЫХЪ ГЕТЬМАНАХЪ.

Въ таковомъ замѣшательномъ дѣлъ состояніи, Козаки не имѣли у себя настоящаго Гетьмана, который бы имъ жалованъ былъ отъ Короля, но избрали на то достоинство кого способнаго усмотрѣли смежду себя вольными голосами и по избраніи, если онъ усмотрит-

ся вѣренъ Малороссійскому Козацкому отечеству, почитали и слушались его такъ, какъ бы онъ былъ жалованный отъ Королей; а если бы что въ немъ противнаго отечеству усмотрѣли, то таковаго тотчасъ отставляли, а временемъ и убивали.

Хотя же за царствованія Короля Сигизмунда Козаки отъ Поляковъ многія имѣли обиды и разныя претерпѣвали угнетенія, однакъ искра вѣрности ихъ къ отечеству еще совсѣмъ не угасла; ибо когда, 1620 года, новая съ Польшею и Оттоманскою Портою, за разореніе огнемъ отъ Татаръ Подоліи, пространной государства Польскаго провинціи, а напротивъ того за опустошеніе отъ Козаковъ Татарскаго Коша Болгарской Варны и Трапезонта въ Азіи, знатнѣйшихъ Турецкихъ городовъ, зачалась война, которой отъ тѣхъ поръ, какъ миръ съ Турецкимъ Султаномъ, Могаметомъ Вторымъ, и Польскимъ Королемъ, Казимиромъ, Ягеловымъ сыномъ, заключенъ, не бывало, Козаки великое Польшѣ здѣлали пособіе: десять тысячь ихъ тогда отправлено было отъ самаго Короля на Черное море подъ командою Хмельницкаго, прежде гетманства его, для разоренія Турецкихъ владѣній и для недопущенія ни какихъ припасовъ и помощныхъ войскъ, идущихъ къ Туркамъ, которые тамо такъ храбро оказали себя, что двѣнадцать военныхъ Турецкихъ суденъ тотчасъ на Черномъ морѣ взяли и глубинѣ предали, а кои отъ нихъ убѣжали, то они гналися за ними даже подъ самыя Цариградскія стѣны, гдѣ всѣхъ привели въ страхъ. Сверхъ тѣхъ десяти тысячь Козаковъ, сорокъ тысячь Козаковъ же было въ арміи Польской подъ командою Польскаго Гетьмана, Карла Ходкевича, кой въ то время на то достоинство, на мѣсто убитаго въ Валахіи не вдавнѣ предъ тѣмъ отъ Турковъ, Гетьмана Золкіевскаго, вновь произведенъ былъ; однакъ оные Козаки, какъ скоро цѣлая Польская армія пришла въ Валахію и переправилась чрезъ рѣку Тирасъ (что 1621, Августа 30 было), стали въ лагерѣ, ожидая сильнаго Турецкаго войска; они особливымъ стояли лагеромъ и всегда въ самомъ челѣ полагались противу Турецкой арміи, которая чрезъ полтора мѣсяца съ одними почти Козаками и дѣло имѣла, о чемъ пространно въ Цариградской исторіи, на Латинскомъ языкѣ изданной авторомъ Христофоромъ Безолдомъ, пишется, объясняя, что именно и какого дня послѣдовало, и какъ Козаки въ той войнѣ Польшѣ надобны и нужны, а Туркамъ вредны были, за которые мужественные ихъ поступки Польскій Король особливымъ своимъ манифестомъ благоволеніе свое и благодарность къ нимъ оказалъ. По смерти Короля Сигизмунда Третьяго, когда Владиславъ Четвертый принялъ престолъ, Польскіе магнаты въ дачахъ Козацкихъ распространились и болѣе, а паче когда имъ между Козацкими селеніями пожалованы были отъ новаго Короля земли и посполитый народъ въ подданство, которой когда съ самаго начала похотѣли они подвергнуть таковымъ же тяжестямъ и работамъ, каковыя несутъ у нихъ и другіе ихъ подданные въ Польскихъ провинціяхъ, то имѣли въ томъ сопротивляющихся себѣ Козаковъ, которые братіи своей, яко единой Вѣры питомцевъ, хотя они Козац-

ко и не служили, а были только подъ Козацкою протекціею, къ таковому рабству не попускали, чѣмъ Польское дворянство будучи огорченнымъ, возможными мѣрами уговаривало Короля Владислава (хотя отъ него уже Козаки и подтвердительную на вольности свои имѣли грамоту) и Республику, чтобы таковыя Козацкія продерзости были усмирены и наказаны.

О ГЕТЬМАНѢ ПАВЛУКѢ.

Король а паче Республика, разсуждая, какимъ приличнѣйшимъ способомъ усмирить Козаковъ и привесть ихъ въ лучшее послушаніе, положили на мѣрѣ взглядомъ многихъ, бывшихъ отъ нихъ, ребелій, для недопущенія ихъ болѣе къ тому, здѣлать крѣпость на мѣстѣ, называемомъ Кудакъ, надъ Днѣпромъ, которое положеніе для прекращенія Козацкихъ бунтовъ показалось быть весьма способнымъ; а оная експедиція препоручена отъ Республики Гетьману Конецпольскому, который, для совершенія того дѣла, опредѣлилъ Полковника Французской породы, именемъ Меріона, съ двумя стами человѣкъ. Козаки, догадываясь, на каковъ конецъ та крѣпость дѣлается, въ 1637 году подняли бунтъ и приставленнаго для дѣланія той крѣпости Полковника тотчасъ убили. Чувствуя, что то имъ безъ отмщенія не пройдетъ, начали всѣми мѣрами собираться вмѣстѣ и, не имѣя у себя настоящаго шефа, кой предъ симъ былъ, Савва Кононовичъ, но они его, подозрѣвая, за невѣрность къ Козаковъ, убили, разсудили за благо избрать смежду себя Гетьмана, въ коего, за скоростью времени, и избрали нѣкотораго изъ старшинъ своихъ, именемъ Павлука, человѣка вовся къ тому неспособнаго, что и опытомъ самымъ вскорѣ оказалось. Ибо только что по собраніи выступили въ походъ и не могли еще построиться въ ордеръ баталіи, Гетьманъ Потоцкій поблизь Корсуна аттаковалъ ихъ и какъ не имѣли они много конницы, то вскорѣ были побѣждены, а остальные принуждены бѣжать и спрятаться въ Боровичахъ, гдѣ Потоцкій легкимъ способомъ осадилъ ихъ, яко то мѣсто ничѣмъ не было укрѣплено, и какъ оттуда спастись было имъ не можно, то, по требованію Потоцкаго, на пароль выдали они ему своего Гетьмана, Павлука, съ протчими четырьма главнѣйшими старшинами, которымъ всѣмъ, во время сейма въ Варшавѣ, не смотря и на пароль, головы отсѣчены.

Но сего не довольно: большее всего послѣдовало несчастіе, что Козаки, за потеряніемъ своихъ шефовъ, потеряли и мѣсто Терехтемировъ, а всего болѣе и привилегіи, наданныя имъ отъ Короля Стефана Баторія, а притомъ и форму ихъ Козацкую, которая тогда отмѣняема быть стала.

Что хотя имъ чрезъ чуръ было несносно и чувствительно, однакъ куражу своего они не теряли и, употребляя возможные способы къ одержанію опять свободы своей, подняли оружіе на удачу противъ Гетьмана Потоцкаго; но, видя себя сопротивиться не въ состояніи, ретранжировались по той сторонѣ Днѣпра, гдѣ, при рѣчкѣ Старчѣ, чрезъ два мѣсяца сильныя отъ Полякъ одержали аттаки, которые, потерявъ

множество своихъ тамо, принуждены были съ Козаками здѣлать капитуляцію и обѣщать имъ, что они опять по прежнему останутся при своихъ привилегіяхъ и воинской формѣ, то есть, имѣя войска шесть тысячь человѣкъ и главнаго надъ ними шефа, Гетьмана, кой имъ опредѣленъ будетъ отъ Короля, на чемъ они, по чистосердечію своему увѣрясь, и здались безъ сопротивленія. Поляки же, какъ видно къ нимъ были вѣроломны, не менѣе и въ семъ случаѣ содержали пароль свой, какъ и прежде: только что они отложили оружіе, то многіе изъ нихъ иные въ смерть побиты, а другіе до послѣднѣйшаго солдатами Польской арміи разграблены, и войско ихъ въ прежней формѣ не возставлено, но еще и настоящихъ Козаковъ причислено въ мужики, и Гетьмана ежечасно, по соизволенію своему, перемѣнно наставливано.

Между симъ какъ таковая въ Козацкомъ войскѣ воспослѣдовала перемѣна, то и Польшѣ видимый показался вредъ; ибо Татары, дѣлая уже чрезъ два года на Польскія границы нападенія, вступили и далѣе въ Украину и разоряли огнемъ и мечемъ, а паче плѣнно многихъ изъ уѣздовъ: Переясловскаго, Корсунскаго и Вышневецкаго, чего предъ тѣмъ тамо никогда не бывало.

О ГЕТЬМАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

При возшествіи на престолъ вышпомянутаго Короля, Владислава, Козаки настоящаго себѣ Гетьмана не имѣли, а содержалъ тогда, по избранію Поляковъ, войсковое правленіе Черкаскій Полковникъ, Барабашъ, который, вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельчицкимъ, отъ всего Малороссійскаго войска посыланъ былъ на сеймъ къ Рѣчи Посполитой и Королю Депутатомъ. Они оба съ протчимъ товариствомъ, 1636 года, при коронаціи, испросили у Короля, для всего войска Запорожскаго, подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ и вольностей, на которыя они и особливую, за собственоручнымъ Королевскимъ подписаніемъ получили грамоту; но помянутый Полковникъ Барабашъ, согласясь съ Поляками, во удовольствіе имъ, оную грамоту. такъ какъ и дозволительное письмо о сопротивленіи противу шляхетства, послѣдовавшее уже послѣ грамоты, на занесенныя отъ Козаковъ жалобы за разныя утѣсненія, утаилъ и войску не объявилъ. Козаки жъ, не вѣдая о таковомъ Королевскомъ благоволеніи, безпрестанно утѣсняемы были отъ Поляковъ, какъ и выше объявлено, и когда, наконецъ, таковому жъ несчастному жребію и Хмельницкій, кой въ то время былъ Козацкой старшина, подверженъ отъ Чигринскаго дозорцы, Чаплинскаго, стерпѣть болѣе тѣхъ причиняемыхъ отъ Поляковъ, Козакамъ и себѣ, обидъ не могъ, и, доставши хитростнымъ образомъ отъ Барабаша оную жалованную Королемъ грамоту и письмо, послалъ первѣе съ тѣми на Запорожье и внушилъ обстоятельно то всѣмъ Козакамъ, а паче изъяснивъ имъ, сколь несносны Козакамъ Поляки и какъ Вѣра Православная Греческо-Россійская отъ нихъ утѣсняется, побудилъ всѣхъ единомысленно къ поднятію на однихъ Поляковъ, а не противу Короля (который имъ то и учинить дозволилъ, въ уваженіи томъ, что Козаки ему и впредь надобны) оружія. Оные Запорожскіе Козаки, снесясь съ

протчіею братіею своею, тотчасъ единодушно на то согласились и для предводительства сего такъ какъ и навсегда, избрали его жъ, Хмельницкаго, себѣ за Гетьмана, о чемъ и Король безъ сомнѣнія былъ извѣстенъ, яко онъ употребить Козаковъ хотѣлъ на войну съ Перекопскими Татарами.

Въ подтвержденіе происхожденія сего привожу здѣсь онаго Гетьмана Хмельницкаго Универсалъ, публикованный по одержаніи двухъ уже надъ Поляками побѣдъ, въ Малороссійскомъ Козацкомъ народѣ, данной въ лагерѣ подъ Бѣлою Церковью, 1648 года состоявшійся, въ самомъ пунктѣ смерти Короля Владислава, о которой Хмельницкій еще неизвѣстенъ былъ, кой гласить тако:

„Зѣновій Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ славного войска Запорожского и всея по обѣихъ сторонъ Днѣпра сущей Украины Малороссійской.

Вамъ Украинскимъ по обѣихъ сторонахъ Днѣпра рѣки шляхетнымъ и посполитымъ большого и меньшого всякого чина людамъ, а особливо шляхетно урожонымъ Козакамъ, лѣпой братіи нашой знаменитымъ, симъ Универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ не безъ причинъ нашихъ слушныхъ мусилисьмо зачати войну и поднести оружіе наше на Поляковъ, чрезъ которое що ся, при всесильной помощи Божественной, на Жолтой Водѣ Мая 8-го, а потомъ подъ Корсуномъ Мая 16-го, надъ ними, Поляками, стануло, тое вамъ всѣмъ уже совершенно есть вѣдомо. Теперь засъ по двохъ оныхъ надъ ними, Поляками, генеральныхъ битвахъ скоро получили вѣдомость, же они тѣмъ нещастіемъ своимъ разгнѣваны и розъярены будучи, не только сами панове и княжата около Вислы и по за Вислою многія свои на насъ стягаютъ и совокупляютъ войска, але и самого Найяснѣйшого Короля своего, Владислава, Пана нашого милостивого и отца ласковoго, на насъ же подмовляютъ и возбуждаютъ, абы съ всѣми силами своими пришедши въ Украину нашу Малороссійскую, латво насъ огнемъ и мечемъ звоевати, мѣшканя наши разорити, въ прахъ и пепелъ обернути и насъ самыхъ всѣхъ выбити, а другихъ въ немилостивую неволю забрати и на иншія далечайшія мѣста за Вислу запровадивши, славу нашу не только въ части свѣта Европейскаго приснославную, но и въ отлеглыхъ за моремъ Чернымъ, странахъ Азіятицкихъ, довольно народомъ тамошнимъ вѣдомую, могли испразнити и поглотити, постановилисьмо въ намѣреніи нашомъ не противъ Короля, милостивого Пана нашого, но противъ Поляковъ гордыхъ и за ни за що Королевскія высокоповажныя привилегіи, намъ, Козакамъ, и всѣмъ обще Малороссіянамъ, данныя (права и вольности наши древнія при насъ заховуючія и укрѣпляючія), мѣючихъ, мужественнымъ и небоязненнымъ, при помощи Божіей, станути сердцемъ и оружіемъ. Для чего, притягнувши отъ Корсуна и станувши обозомъ нашимъ войсковымъ тутъ подъ Бѣлою Церковію, пишемъ до васъ сей Универсалъ, чрезъ который взываючи и заохочуючи васъ всѣхъ Малороссіянъ, братію нашу, къ намъ до компаніи военной, тое прикладаемъ и извѣствуемъ, ижъ они, Поляки, подлугъ ихъ же кроникаровъ Польскихъ свидѣтельства, отъ насъ, Савроматовъ и Русовъ уродивши-

ся и изшедши и самовластною братіею нашою, Савроматами и Русами, съ початку бывши, отъ сопрозыванія съ предками нашими древнихъ тѣхъ вѣковъ отдалились и иншое именованіе (еже есть Ляхи и Поляки) себѣ учинивши и за Вислу заволокшись, на чужихъ грунтахъ и земляхъ, тамъ, между знаменитыми рѣками, Одрою и Вислою, сѣли, многимъ околичнымъ землямъ и панствамъ Нѣмецкимъ и иннымъ Западнымъ и Полуночнымъ зашкодивши и державы ихъ съ людскими населеніями военнымъ и разбойническимъ способомъ прошлыхъ оныхъ древнихъ вѣковъ утрутивши и укравши себѣ, завладѣли; потомъ, за прешествіемъ многихъ временъ и въ селеніяхъ своихъ надъ Вислою и за Вислою въ пространныхъ тамошнихъ чужихъ земляхъ расплодившися и умножившися, а пререченными людскими шкодами и выдирствами недовольни будучи, повстали напрасно и безсовѣстно, яко иногда Каинъ на Авеля, на Русовъ, Савроматовъ властную (яко выше написалось), съ древности природную братію свою, и за предводительствомъ Короля своего, Казимѣра Великаго (иже есть имени того Третій), року отъ Рождества Христова 1333, альбо 1339, звлаща умалившимся и оскудѣвшимъ тогда Кіевскимъ и Острожскимъ и инымъ Русскимъ Князямъ нашимъ, завоевали и къ своей несытости попривлащали и подчинили истинныя съ древнихъ вѣковъ земли и провинціи наши Сарматскія и поселенія наши жъ Рускія отъ Подольья и Волохъ по Вислу и ажъ до самаго Вильна и Смоленска долгія и обширныя свои границы имущія, а именно: Кіевскую, Галицкую, Львовскую, Хельмскую, Бельзскую, Подольскую, Волынскую, Перемышлевскую, Мстиславскую, Витебскую и Полоцкую, и не только въ помененныхъ земляхъ и провинціяхъ нашихъ Рускихъ, славное имя наше Козацкое испразднили и загладили, але що найгорше и нажалостнѣйше, всѣхъ оныхъ братію нашу, Роксоляновъ, въ невольническое подданническое ярмо запрягши, отъ Вѣры отческой Православной душеспасительной Грекоруской отринули, а до пагубной Уніи и Рымского заблужденія силою, гвалтомъ и многими надъ совѣсть Христіянскую мученіями и тиранствомъ привлекали и приневоляли всѣхъ прежнихъ Князей и Королей своихъ Польскихъ, Благочестіе наше Грекоруское не хулившихъ и утвердившихъ, привилегіи и мандаты презрѣвши, уничтоживши и цѣле противъ политики шляхетской и доброй совѣсти скасовавши. Когда и того душевредного, въ погибель влекущого схизматического ихъ и несытного, учинку (еже есть Благочестіе святое на Унѣю обернули и честь Козацкую въ нечестіе и незнаніе претворили), за заздрость ихъ и гордость, мало быти показывалось, то, наконецъ, наложилися были, мимо волю Королевскую, Пана нашого милостивого, а изъ самихъ крайнихъ и остатныхъ, отъ Поль Дикихъ будучихъ (яко то Чигирина, Терехтемирова, Переясловля и Полтавы и иныхъ многихъ городовъ и селъ по обѣихъ сторонахъ рѣки Днѣпра зостаючихъ, Украино-Малороссійскихъ), власно предковѣчной отчизны нашой и Святого и Равноапостольного Князя Владимира Кіевского, святымъ крещеніемъ Русь просвѣтившого, благоче-

стіемъ истиннымъ и непоколебимымъ сіяющихъ, знатнѣйшихъ людей и Козаковъ выгубити и выкоренити, а самимъ посполитствомъ, альбо посполитымъ народомъ нашимъ завладѣвши, не только въ ярмо невольничое ихъ запрягти, но, по своей безбожной волѣ, въ душевредную, правиламъ священнымъ и Святыхъ Отецъ нашихъ противную врынути Унію, чего уже певные были знаки и документа, когда не только многихъ Козаковъ и мѣщанъ, братію нашу, псы дозорцы мѣскіе поѣли и ляда плетками фальшиве паномъ своимъ оскарживали и о потерянье головъ ихъ приправили и добрами и имѣніями ихъ завладѣли, що и мнѣ, Хмельницкому, отъ нецнотливого сына и брехуна, Чаплинского, дозорцы Чигиринского, пришло было терпѣти и головы позбути, але и Вѣру нашу Православную всегда ругали и безчестили, священниковъ нашихъ благочестивыхъ гдѣ колвекъ и изъ якой колвекъ, хотя и найменьшой, причины безчествуючи и ругаючи, бьючи, разрываючи волосы и брады вырываючи, и урѣзуючи. Якія зась вамъ всѣмъ Малороссіянамъ отъ нихъ, Поляковъ, и Жидовъ, ихъ арендаровъ и любимыхъ факторовъ, по сіе время являлися обиды, тяжести, озлобленія и разоренія, тутъ мы тѣхъ всѣхъ не именуемо, поневажъ вы сами объ оныхъ вѣдаете и памятаете; тое только тутъ вамъ припоминается, ижъ до такой есте пришли были неволи у Поляковъ, же двомъ или тремъ на мѣстцу, яко и на улицѣ, или въ домѣ своемъ зшедшимся, заказано и невольно было вамъ съ собою говорити и о потребахъ своихъ господарскихъ побесѣдовати, безъ чего и акты Христіянскіе и весельные не могутъ быть, и що Богъ далъ человѣку уста на глаголаніе, тіе Поляки строгими своими указами заградили и нѣмствовать надъ политику и всего свѣтный звычай вамъ было приказали. Якое несносное бремя и устъ заключеніе, поневажъ милость Божія всемогущая благоизволила и помогла намъ оружіемъ нашимъ военнымъ отсѣкти и одомкнути, побѣжденіемъ знаменитымъ въ двохъ вышереченныхъ потребахъ Поляковъ супостатовъ нашихъ, теди да будетъ о томъ присно хвалимо и превозносимо имя Божественное, яко не презрѣ бѣдъ и утисковъ, воздыханія и слезъ вашихъ, чрезъ Поляковъ пролитыхъ и проливаемыхъ. Аже мы нынѣшнюю съ Поляками войну начали безъ вѣдома и совѣту вашего всенародного, за тое вы насъ не ужасайтеся, гды жъ мы учинили такъ для лучшой пользы вашой и нашой, научившись осторожности и лучшого войнского управленія зъ прикладу прежней братіи нашой, подъ Кумейками и на устьѣ рѣки Старца съ Поляками, недавно прошлыхъ временъ войну имѣвшихъ, которые поневажъ прежде войны своей, Универсалами своими, до васъ во всю Украйну засланными, увѣдомили Поляковъ о своемъ противномъ намѣреніи, теди тѣмъ увѣдомленіемъ перестережены Поляки, якъ надлежало запобѣгти, злу своему приуготовлялися и на побѣжденіе войскъ Козацкихъ приспособилися. Мы тежъ таковаго нещасливого случая остерегаючись, удержалисьмося ажъ по сее время зъ симъ Универсаломъ и о начатомъ съ Поляками дѣлѣ военномъ увѣдомленіемъ нашимъ; а теперь, якъ вѣдати вамъ всѣмъ обще Мало-

россіяномъ о томъ доносимъ, такъ и до компаніи на предложенное съ ними жъ Поляки дѣло военное васъ взываемъ и заохочуемъ. Кому мила Вѣра Благочестивая, отъ Поляковъ на Унію претворенная, кому зъ васъ любима цѣлость отчизны нашой, Украйны Малороссійской, и честь ваша шляхетская, отъ Поляковъ ругаемая, уничтожаемая, весьма посмѣеваемая и попираемая, тотъ всякъ, не яко отродокъ, но зычливый и любезный сынъ отчизны своей, по выслуханьи сего Универсальнаго ознайменья нашого, къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковъ, на добрыхъ коняхъ исправныхъ, съ оружіемъ, неоткладно прибувати и сполне съ нами, прикладомъ старыхъ валечныхъ, славныхъ и многихъ въ околичныхъ народовъ сторонахъ предковъ своихъ станути мужественно и небоязненно, при всемогущой помощи Божіей, противъ Поляковъ, своихъ грабителей, озлобителей и супостатовъ, изволитъ; бо, если не изволите допомогти намъ въ настоящой военной компаніи, то якъ Поляки насъ одолѣютъ, вѣдайте певне, же и васъ всѣхъ Малороссіянъ безъ жадного браку и респекту, подлугъ давняго злого намѣренія своего, огнемъ и мечемъ изруйнуютъ и опустошатъ, и съ всеконечнымъ вредомъ нашея благочестивыя и святыя Вѣры, и искорененіемъ и поруганіемъ остатнихъ васъ и чадъ вашихъ (яко же выше писахомъ) въ погибель загорнутъ и въ нещасливую всегдашнея неволи облекутъ одежду. Лучше и благополучнѣйше намъ за Вѣру святую Православную и за цѣлость отчизны на пляцу военномъ, отъ оружья бранного полягти, нежели въ домахъ своихъ, яко невѣстюхамъ, побіеннымъ быти; гды жъ если умремъ за благочестивую Вѣру нашу, то не токмо слава и отвага наша рыцерская во всѣхъ Европейскихъ и иншихъ странахъ и далекихъ земляхъ славно провозгласится, але и упованіе наше (еже за Благочестіе умрети) будетъ безсмертія исполнено и страдальческими вѣнцы отъ Бога вѣнчано. Не бойтеся теды вы, братья наша, щляхетно урожоная Малороссійская, Поляковъ, хочъ бы и найболшія ихъ были войска, але, прикладомъ (яко же выше рекохомъ) славныхъ и валечныхъ Русовъ, предковъ своихъ, при своей правдѣ за Благочестіе святое, за цѣлость отчизны и за поломаніе древнихъ правъ и вольностей своихъ обидителей и разорителей съ несумѣнною надеждою своего отъ обидъ настоящихъ освобожденія и всемогущія благодати Божія, въ наступающемъ случаи военномъ, на супостатовъ нашихъ помощь намъ сотворити готовыя. Якой то благодати Божественной уже и суть знаки, первое: двократная вышеименованная побѣда Поляковъ; второе: щирая прихилность всего войска Низового Запорожского на помощъ нашу, при всенадежной помощи Божественной, въ поготовости зостаючого; кромѣ того что уже есть при насъ оного тысячь съ восемъ слишкомъ; третее: же найяснѣйшій Ханъ Крымскій со всѣми Ордами помогати намъ готовъ есть на Поляковъ, при которомъ, для лучшой певности, и сына старшого Тимоша, остановилисьмо, а и теперъ уже при насъ знайдуется, данной намъ отъ его Ханской Милости, доброй военной Орды Крымской четыре тысячи съ Паномъ Тогайбеемъ, Мурзою знатнымъ; четвертое, же и Козаковъ реестровыхъ,

братіи нашей, 5,000 (що отъ Гетмановъ Коронныхъ съ Барабашемъ, Полковникомъ Черкаскимъ, и съ Нѣмцами выправлены были въ суднахъ водныхъ противъ насъ Днѣпромъ къ Кодаку, отдавши Барабаша, недруга отчизного, а похлѣбцу Лядского, и Нѣмцовъ Днѣпровымъ глубинамъ), къ намъ пристало и военной въ обоихъ разѣхъ экспедиціи значне допомогло намъ, слушнѣ тую присягу зломавши, которую на вѣрность Гетманамъ Короннымъ въ Черкасахъ, предъ сѣданіемъ въ судна водныя, подъ оружіемъ Лядскимъ, яко невольники плѣнники, учинить были принуждены, когда сами Поляки до зламаня тоей присяги суть виною и початкомъ, сами первѣе поломавши, мимо волю Королевскую, права и вольности древнія Козацкія Малороссійскія и присягу свою на пріязнъ при ненарушимой цѣлости давныхъ правъ и вольностей, Козакамъ и всѣмъ Малороссіянамъ взаимно учиненную; пятое: что и власныхъ ихъ людей, три тысячи драгуніи, предъ Корсунскою битвою въ передней стражѣ бывшіе, вѣрность и присягу свою зламавши и Гетмановъ Коронныхъ оставивши, къ намъ добровольне присовокупилися, такъ для того, ижъ были укрывжеными въ своихъ заслугахъ, яко и для того, ижъ зрозумѣли ненависть, немилость и злобу Гетмановъ своихъ Коронныхъ и всѣхъ Пановъ Польскихъ, ко всѣмъ намъ Малороссіянамъ бывшую и на всеконечное наше и Вѣры нашея Православныя искорененіе употребленіе, великимъ гнѣвомъ устремившуюся, изволили лучше послѣдовати намъ, Малороссіянамъ, при правдѣ истинной сущимъ, а за праав и вольности свои стоящимъ, нежели своимъ Полякамъ, неправедно на искорененіе наше воставшимъ и гордостною яростію воспаляемымъ; шестое, для того ласка Божія и помощь Его всесильная при насъ быти можетъ, же мы, при обыдахъ нашихъ, зачали войну сію съ Поляками не безъ вѣдома и позволенія Пана своего найяснѣйшого, Королевского Величества, Владислава Четвертого, который, року 1636, во время щастливой своей коронаціи, бывшимъ и намъ при оной съ Барабашемъ и съ иными знатными войска Запорожского товарыствомъ, прикладомъ прежнихъ найяснѣйшихъ Князей и Королей Польскихъ, антецесоровъ своихъ, всѣ наши войсковыя и Малороссійскія права и вольности давнія, при особливомъ утвержденіи намъ Вѣры нашей Православной, новымъ своимъ, на паргаминѣ краснописаннымъ, Королевскимъ, при подписѣ власной руки и при завысистой Коронной печати, стердивши привиліемъ, отправилъ насъ, яко отецъ, ласково ударовавши каждого знатными подарками; а при отправѣ нашей, наединѣ бывшой, устнѣ Его Величество къ намъ мовилъ, абисмо по прежнему Гетмана себѣ постановили и при своихъ правахъ и вольностяхъ крѣпко стояли, не подаючи оныхъ Полякамъ въ попраніе, щитячись къ тому его Королевскими и иными давными привилеями; а еслибы Панове Польскіи или дозорцы тѣхъ привилеевъ не слухали, то маете (мовитъ Его Королевское Величество) мушкетъ и при боку шаблю, то ею прето можете боронити своихъ отъ Поляковъ повреждаемыхъ правъ и вольностей. Послѣ чего въ килько лѣтъ, гды напрасно дѣлались отъ Поляковъ злоб-

ныхъ бѣды и крайныя разоренія, тогда знову мы съ Барабашемъ супликовалисьмо о томъ чрезъ народныхъ пословъ нашихъ до Его Королевского Величества, Владислава, Пана своего милостивого, которой, при отправкѣ имъ якъ словесно, такъ и приватнымъ листомъ своимъ Королевскимъ, до Барабаша и до всѣхъ насъ Козаковъ писаннымъ, тое жъ свое Королевское, прежде намъ самимъ мовленное (еже на оборону правъ вашихъ мѣете мушкетъ и шаблю), подтвердилъ и повторилъ слово. Но поневажъ Барабашъ, Полковникъ Черкаскій (яко выше писалося), недругъ и нежалатель добра отчизны нашей, якъ такое милостивое Королевское слово и позволеніе и привелегіи Королевскіе таилъ и безъ жадной пользы Украинской крылъ у себя, не стараючись а ни о избираніи Гетьмана Козацкого, а ни о увольненіи отъ обидъ Лядскихъ всего народа Украино-Малороссійского, теды я, Хмельницкій, взявши Господа Бога на помощь и отобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привилегіи Королевскія, мусилемъ сіе военное съ Поляками зачати дѣло, на которое Его Королевского Величества самой превысокой особы войною на насъ порушенія нигдѣ не чаю я, такъ для того, же зачалисьмо сію войну съ Поляками за позволеніемъ Его Королевскимъ, яко и для того, же Поляки, легче Его Королевскую высокую персону у себя важачи, мандатовъ и приказовъ его не слушали и непрестанныя Малороссіи утѣсненія налагали. А если Король, иже есть всему войску глава, самъ въ войскѣ Польскомъ противъ насъ не пойдетъ, то мы Пановъ Польскихъ и ихъ многого собранного войска, яко тѣла альбо ока безглавнаго, бынаймнѣй устрашитися не хотимъ; бо өжели ветхій Римъ (иже всѣхъ Европейскихъ градовъ матерью нарещися можетъ), многими панствами и монархіями владѣвый и о шести стахъ четыредесяти и пяти тысячей войска своего древле гордивыйся, за давнѣйшихъ вѣковъ, далеко меншимъ противъ помененной воинственной силы валечныхъ Русовъ съ Русіи, отъ поморья Балтійского, альбо Нѣмецкого собраннымъ, за предводительствомъ Князя ихъ, былъ взятый и четырнадцать лѣтъ обладаемый, то намъ теперь, кшталтомъ оныхъ древнихъ Русовъ, предковъ нашихъ, кто можетъ дѣльности воинской уняти и уменьшити отваги рыцерской? Що вамъ, братіи нашой, обще всѣмъ Малороссіянамъ, предложивши и до разсужденія здравого подавши, о поспѣхъ вашъ къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковь прилѣжно и пилно жадаемъ и имъ же упреймѣ зичимъ доброго отъ Господа Бога здоровья и благополучного во всемъ узнавати поволженія. Данъ въ обозѣ нашемъ подъ Бѣлою Церковью, 1648 року, мѣсяца Мая 18 дня."

Оный славный Гетьманъ, Зѣновій Хмельницкій, кой названъ и Богданъ, яко отъ Бога всему войску Запорожскому данъ, одержавъ три знатныя первыя надъ Поляками побѣды, первую на Жолтой Водѣ, вторую подъ Корсуномъ, гдѣ и двоихъ Гетьмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, взято въ плѣнъ, а третію подъ Пилявами, на общее всѣхъ прошеніе, церемоніально принялъ на себя Гетьманское достоинство, которое ему и Король Казимиръ, чрезъ посланниковъ его именно: Мяс-

сковскаго, подкоморья Львовскаго, Григорія Киселя, хоружаго Новгородскаго, и Якова Зеленскаго, подчашаго Браславскаго, подтвердилъ въ Переясловѣ, присылая ему знамя и булаву, въ присутствіи бывшихъ тогда у Хмельницкаго посланниковъ Венгерскихъ и Мунтянскихъ; однакъ онъ, не смотря на то, по отправкѣ отъ себя тѣхъ Польскаго Короля посланниковъ, согласясь съ Татарами, какъ храбро, до самаго пришествія въ подданство Всероссійскому Престолу, вооружался противъ Поляковъ, съ ниже слѣдующаго видѣть можно, гдѣ родъ Хмельницкаго и самой начатокъ войны обстоятельно описывается, въ описаніи которой во всемъ послѣдую Исторіи, сочиненной Надворнымъ Французскаго Короля Совѣтникомъ, Петромъ Шевальеромъ, кой на то самое время при Французскомъ послѣ у Польскаго Королевскаго Двора былъ Посольства Секретаремъ, которому, яко иностранному человѣку, безъ сумнѣнія не было ни какого резону одну хулить, а другую похвалять сторону, слѣдовательно, его за вѣрнѣйшаго описателя сей войны почитать и принимать должно.

Описаніе же той войны имѣется на Французскомъ языкѣ, выпечатанное въ Парижѣ 1653 года, якое по переводу мною гласитъ тако:

[Польша имѣла часто съ непріятельми дѣло; имѣла она войну съ Государствомъ Нѣмецкимъ, съ Крижаками или Кавалерами Ордена Тевтоническаго, съ времени поселенія ихъ въ Прусіи, которые часто подкрѣпляемы были помощію Нѣмцовъ, съ Татарами, кои безпрестанныя на нее дѣлали нападенія и проходили оную иногда съ единого предѣла въ другой; послѣ съ Турками, которые въ 1621 году, пришедши Днѣстромъ въ Хотинъ съ арміею отъ четырехъ сотъ тысячей человѣкъ, думали пожерти цѣлое оное государство; въ то же самое время Шведскій Король, Густавъ Адольфъ, съ сильною арміею вступилъ въ Лифляндію. Однакъ Поляки всѣмъ тѣмъ, хотя и сильнымъ непріятелямъ, съ помощію Козаковъ, дѣлали отпоръ, и тѣ брани не столь имъ казались опасными, какъ приключившаяся въ 1648 году, въ самомъ почти пунктѣ смерти Короля Польскаго, отъ тѣхъ же самихъ Козаковъ, кои имъ предъ тѣмъ пособляли; ибо они, взбунтовавшись, не только весь почти Чермной Россіи народъ привели въ свое согласіе, но и оставля смертельную оную и непріятельскую злобу, которую они имѣли всегда на Татаръ, согласились съ ними и испросили себѣ помощи отъ Турка для паденія и крайнего Польшѣ разоренія.

И такъ, соединя силы съ войсками невѣрныхъ, здѣлали менѣе четырехъ годъ четыре великія нападенія на оное королевство съ арміею отъ двухъ до трехъ сотъ тысячей человѣкъ, которая тѣмъ сильнѣе и опаснѣе казалась, чѣмъ Козацкая инфантерія, состоявшая изъ однихъ почти мужиковъ, приобыкшая къ трудамъ и разнымъ воздуха перемѣнамъ, и чрезъ частыя Татарскія въ ихъ землю набѣги довольнымъ сопротивленіямъ изучившаясь, подкрѣпляема была Татарскою кавалеріею, которая безъ сумнѣнія была бъ лучшая въ свѣтѣ, если бы такъ екзерциціи обучена, какъ Христіанская.

Богданъ Хмельницкій былъ первая искра оного пламени и причина всей той войны. Онъ былъ

природный Шляхтичь, сынъ подстаросты Польскаго (сіе по Россійскимъ Исторіямъ разумѣть должно о отцѣ его Хмельницкаго, кой чаятельно былъ сынъ подстаросты Польскаго и былъ дѣйствительно сотникомъ Чигиринскимъ; а чтобъ Богданъ Хмельницкій былъ тогда сотникомъ, того по Исторіямъ Рускимъ нигдѣ не значится, кромѣ что онъ былъ въ депутатахъ и комисаромъ отъ Малороссійскаго войска), и вписавшись въ Козацкое войско, рядовымъ Козакомъ, произошолъ постепенно въ чинъ сотничой и былъ отъ Запорожскаго войска въ депутатахъ на сеймикахъ Польскихъ, потомъ Генеральнымъ комисаромъ, а наконецъ произведенъ въ войсковую старшину; и понеже умѣлъ онъ нѣкоторое познаніе Рускаго письма, что между Козаками весьма рѣдко было, то Владиславъ, Король Польскій, ослабѣвши первѣе отъ праздности, когда другіе Короли и Принцы Христіанскіе, по большой части упражнялись въ дѣлахъ, принялъ напослѣдокъ намѣреніе въ 1646 году начать войну съ Перекопскими Татарами, которыхъ хотѣлъ онъ прогнать съ Крыму, для которой экспедиціи за наилучшое почелъ Козацкое войско употребить, для командированія котораго опредѣлилъ Богдана Хмельницкаго по его къ тому способности и достоинству. Однакъ, когда въ таковомъ Королевскомъ предпріятіи Христіанскіе Принцы, просимые въ помощь, дать оной, за многими своими другими дѣлами, были не въ состояніи, да и Венеціяны, на которыхъ такъ же надѣялся Король, отказались, а Республика Польская пожалѣла кошту для собранія войска, то принужденъ онъ былъ то свое намѣреніе оставить и все войско, которое имѣлъ отъ стороны Королевой, супруги своей, отпустить въ домы; чего для и Хмельницкій остался безъ должности; однакъ сыскалъ онъ въ чемъ упражняться: за споръ, которой послѣдовалъ о границахъ земли, или, по другимъ Исторіямъ, за Суботовъ, собственную Хмельницкаго землю, съ Чаплинскимъ, поручикомъ, Конецпольскаго, бывшаго на тотъ часъ Великимъ Коронымъ Хоренжимъ, а паче огорченія о худомъ поступкѣ съ женою его и сыномъ, котораго въ томъ спорѣ билъ онъ, Чаплинскій, кіями, сія обыда подала Хмельницкому причину открыть намѣреніе свое Малороссіянамъ въ освобожденіи себя отъ Поляковъ, коихъ болѣе всѣхъ Козаки терпѣть не могли, что, когда Поляки нѣсколько примѣтили, начали бѣдныхъ Козаковъ весьма утѣснять и работать ими такъ, какъ бы подданными. Хмельницкій, будучи вовся надеженъ на Козаковъ, къ лучшему предпріятію своего совершенія, и чтобы, между тѣмъ, не былъ Поляками подхваченъ, въ началѣ 1648 года, увойшолъ на Запорожье, гдѣ, открывъ намѣреніе свое, началъ къ войнѣ приуготовляться.

Нѣкоторые думали, съ многимъ правды сходствомъ, что Король Владиславъ, хотячи принять и паки намѣреніе свое въ поднятіи оружія противу Татаръ, имѣлъ тайное съ Хмельницкимъ сношеніе и велѣлъ какъ бы нарочно збунтовать Козаковъ, чтобъ чрезъ то понудить Республику о дачи ему войска для усмиренія ихъ. И когда то послѣдуетъ и войска соберутся и соединятся съ Королевскими Поляками, то онъ, вмѣсто того, чтобы усмирять Козаковъ, обратить

ихъ на Татаръ, поколику тогда имѣли бъ они быть подъ командою вѣрныхъ Королевскихъ офицеровъ, кои ордеровъ Республики, предпочитая Государевы повелѣнія, слушаться не будутъ. Какъ бы то ни было, Хмельницкій увидѣлъ, что письма, которыя онъ писалъ въ Польшу съ представленіемъ жалобы о приключаемыхъ счаста Козакамъ обыдахъ и ему самому, хотя оныя письма и полныя были преданности и засвидѣтельствованія вѣрности и почтенія, не имѣли ни какова дѣйствія, а напротивъ сего Гетьманъ Потоцкій приуготовлялся уже вооруженною итти рукою противъ него; то онъ, не будучи надеженъ на силы свои, упросилъ въ помощь Татаръ, которые зимовали на Дикихъ Поляхъ, иская случая напасть и ограбить Украйну, куда проважены были они Тугайбемъ вождемъ ихъ, храбрымъ воиномъ, который Крымскому Хану не весьма былъ завѣренъ и часто ослушивался приказовъ его. Отдаленность мѣста, которая Польскихъ вождевъ не допустила знать о тайныхъ Хмельницкаго предпріятіяхъ, была для него весьма способна; а какъ скоро Поляки о томъ подлинное извѣстіе получили, то тотчасъ приняли намѣреніе въ самой крайней скорости итти прямо на Запорожье, для усмиренія оного бунта въ начаткѣ его, чего для на ту сторону уже отправили часть Польской арміи для обереженія границы, въ которой былъ и Козацкій корпусъ, обрѣтающійся въ службѣ Республики, подъ командою Комисара Шомберга, Стефана Потоцкаго, сына Гетьманскаго, и Сапѣги, Чернецкаго и другихъ нѣсколько Польскихъ старшинъ. Съ котораго корпуса одна партія, которая въ суднахъ по рѣкѣ Днѣпру пришла къ порогамъ, передалась тотчасъ на сторону Хмельницкаго, не смотря и на учиненную вновь Полякамъ присягу, которую они думали безгрѣшно сломать для земляковъ своихъ. Хмельницкій, съ помощнымъ войскомъ маршируя прямо противу другой части Козацкаго корпуса, кой сухимъ путемъ шелъ, и усмотря оный, легко привлекъ и его къ себѣ по примѣру первыхъ. Въ сей послѣдней партіи было нѣсколько драгунскихъ ротъ, которыя много оказали услугъ въ той брани противу Польскаго шляхетства, которую, ощаживая иждивенія на Нѣмецкую гвардію, каковую тамошніе большіе господа заобыкли у себя имѣть, вооружили и омундировали по примѣру Нѣмецкихъ солдатъ, собственныхъ своихъ мужиковъ, кои, будучи огорчены перемѣною состоянія своего и желая освободиться отъ рабства, оказали отличную храбрость.

Хмельницкій, подкрѣпляемый тѣми дезертирами Козаками, коихъ было четыре тысячи человѣкъ, не много имѣлъ труда преодолѣть остальное Польское войско, котораго не болѣе тысячи пяти сотъ человѣкъ было; они чрезъ нѣсколько дней внутрь лагеря своего защищали себя, но, наконецъ, когда потеряли уже пушки и болѣе противиться большему числу, которое окружило ихъ отъ всѣхъ сторонъ, не въ состояніи были, остались всѣ побѣжденными, изъ которыхъ иные въ смерть побиты, а другіе Татарами въ плѣнъ взяты, между коими плѣнниками были: Сапѣга, Шомбергъ и Потоцкій, который однако жъ такъ раненъ былъ сильно, что вскорѣ и умре.

Хмелницькій, употребляя съ разсужденіемъ оного авантажа и славы, которую онъ одержалъ при первомъ сраженіи, маршировалъ противо остальной Польской арміи, состоящей еще отъ пяти тысячей человѣкъ, которыхъ вожди всуе ожидали вѣдомостей о походѣ первыхъ Поляковъ, кои отправлены были къ Днѣпру; ибо когда получили подлинное извѣстіе о предательствѣ ихъ и измѣнѣ Козачей и о соединеніи Татаръ съ тѣми измѣнниками, положили на мѣрѣ ретироваться назадъ для сохраненія остальныхъ Королевства войскъ, видя себя въ несостояніи сразиться съ непріятельми, однакъ скорость Татарскихъ лошадей не допустила ихъ далече отойти; тотчасъ догнавши ихъ, начали дѣлать нападенія, во время которыхъ нѣсколько Татаръ попались Полякамъ въ плѣнъ, кои въ нестерпимой пыткѣ сознали, что имѣется ихъ сорокъ тысячей, а Козаковъ семь тысячей, къ которымъ отъ часа въ часъ соединяются деревенскіе мужики, кои отъ всѣхъ сторонъ туда собираются. За объявленіемъ тѣхъ обстоятельствъ военный Польскій совѣтъ разсуждалъ, должно ль пріостановясь дать баталію, или продолжать ретираду, будучи въ опасности медлитъ чрезъ долгое время на такомъ мѣстѣ, гдѣ непріятели легко препятствовать могутъ къ привозу провіянта и фуража; за тѣмъ предпріяли лучше ретироваться въ серединѣ обоза; но въ силу, что Польская армія на полмили отошла и вошла въ лѣсъ, чрезъ чуръ густой, гдѣ земля была весьма болотиста, а для большаго ихъ несчастія, 180 человѣкъ Козаковъ, кои было остались при той арміи, оставя оную на томъ мѣстѣ, послѣдовали за своимъ товариствомъ, Хмельницкій съ войскомъ своимъ поспѣшилъ, и такъ оная Польская армія, послѣ сопротивленія чрезъ нѣсколько цѣлыхъ часовъ въ томъ лѣсѣ, по причинѣ неудобнаго мѣста, пришла въ безпорядокъ и осталась побѣжденною, гдѣ нѣкоторые въ смерть убиты, другіе въ плѣнъ взяты, а иные въ болотѣ потопленны. Таковое злоключеніе, которое не подалече Корсуна послѣдовало, сдѣлалось еще чувствительнѣе Польшѣ чрезъ смерть Короля Владислава Четвертаго, въ тожъ самое время случившуюся въ Мерешѣ Литовскомъ, въ 52 годѣ жизни его. Всякъ не сумнился, что сей Государь, коего слава, соединившаяся съ многими великими его качествами, побуждала всѣхъ подчиненныхъ къ почитанію его, такъ какъ и враговъ устрашала, могъ бы величествомъ своимъ и однимъ имени его почитаніемъ, начинающійся между Козаками бунтъ усмирить. Оная смерть не была еще вѣстима Хмельницкому, а если бы онъ въ томъ завременно извѣстился, безъ сумнѣнія не престалъ бы и далѣе продолжать предпріятія своего, которое онъ, по побѣдѣ той, оставилъ было и въ слѣдъ за тѣмъ писалъ къ тому Государю письмо съ великою преданностію, въ которомъ войны оной причиною ставитъ обиды, приключаемыя отъ губернаторовъ, грабительства и несносныя дани, налагаемыя отъ Жидовъ и лазутчиковъ шляхетскихъ и Королевскихъ, чего для и проситъ прощенія, что принуждевъ былъ искать себѣ освобожденія вооруженною рукою; притомъ обѣщается отпустить обратно Татаръ и жить въ послушности и вѣрности Его Вели-

честву и желаетъ токмо себя и Козаковъ своихъ имѣть въ свободѣ и волностехъ, которыя имъ отъ Королей, предковъ его, наданы. Послѣ сего въ нѣсколько времени освѣдомился о Королевской смерти чрезъ письмо, присланное отъ Адама Киселя, Воеводы Брацлавскаго, чрезъ нѣкотораго Греческаго монаха. Тотъ Воевода, будучи тако жъ Греческаго Исповѣданія, употребилъ ласкательные и учтивые термины къ побужденію Козацкаго вождя къ прежней должности его, представляя ему древнюю вѣрность Козаковъ Запорожскихъ, въ которой они хотя и сожалѣли по вольности своей, были однако всегда постоянны и живучи въ вѣрности Республикѣ, всѣ, а особливо военные люди, имѣли всегда свободной приходъ къ произвожденію интереса своего и къ представленію жалобъ за причиняемыя имъ обиды, а притомъ и объявляетъ, что и онъ, будучи одинъ изъ Сенаторовъ Греческаго Исповѣданія, слѣдовательно и есть защитникомъ церквей и правилъ Вѣры, взимаетъ на себя вѣрно наблюденіе всего того, проситъ Хмельницкаго, святостію тоей же самой Вѣры и честію Россійской націи, отпустить Татаръ обратно въ домы ихъ, а Козаковъ привесть въ обыкновеныя ихъ квартиры, а между тѣмъ совѣтуетъ отправить нѣкоторыхъ въ депутацію съ представленіемъ обидъ, причиненыхъ Козакамъ и ему особно; а чтобъ тѣ обиды награждены были по ихъ желанію, обѣщавается онъ самъ въ томъ старательство къ услужности Козакамъ приложить; ибо въ Республикѣ рангъ его столь почтенный, что безъ сообщенія ему никакова резолюція, была бъ она о мирѣ или о войнѣ, не совершается; притомъ обнадеждиваетъ, что онъ имѣть будетъ попеченіе тѣ бранные начатки окончить миромъ лучше, нежели продолженію гражданской войны; да и армія ихъ Козацкая, упражнючаясь нынѣ во взаимномъ своемъ паденіи, полезнѣе и славнѣе можетъ быть употреблена противу Христіянскихъ непріятелей, и сей-то есть истинный Христіянской поступокъ, начатую бранъ оставить; хотя же симъ запрошеные Татары будуть и огорчены и вздумали бъ поднять оружіе, но то не долго продолжаться будетъ: легко ихъ улаекать можно; остается одно токмо, отправить ихъ обратно и чрезъ то одержать себѣ похвалу.

Монахъ, податель онаго письма, много имѣлъ труда, чтобъ не попасться въ руки Татарамъ, а наконецъ пришелъ въ лагеръ къ Хмельницкому благополучно, въ которомъ много было уже замѣшательства. Гетьманъ тотчасъ созвалъ войско и полученное оное письмо предъ всѣмъ войскомъ прочли. Хмельницкій первый апробовалъ совѣтъ Воеводы Брацлавскаго, и когда многіе на то же согласились, то онъ, въ пресѣченіе всѣхъ враждебныхъ происхожденій, положилъ на мѣрѣ, пока на письмо свое, писанное къ Королю, получитъ отвѣтъ отъ Двора Польскаго, отпустить Татаръ въ Дикія Поля, съ тѣмъ, чтобы они были всегда и во всѣхъ случаяхъ въ пособіе имъ готовы, а послѣ сего и запросить Воеводу въ лагерь для усовѣтованія.

Таковой Хмельницкаго поступокъ, при такомъ состояніи, въ какомъ тогда были его дѣла, удивилъ весь совѣтъ; однакъ не безъ хитрости отъ его стороны было то,

ибо хотя онъ, съ одной стороны, казался теченіе побѣды своей пріостановить для ощадѣнія пролитія крови и для удобнѣйшаго одержанія милости, однакъ, съ другой, оказалъ онъ и спѣсь и силу свою предъ Поляками для полученія у нихъ того, чего бы они надежно простому покоренію уступить никогда не хотѣли.

И такъ, вступивши внутрь города Бѣлой Церквы, оставался нѣсколько въ покоѣ. Между тѣмъ Крывоносъ, другой Козацкой вождь, человѣкъ, наполненной яростію и свирѣпостью, разорялъ Польскую Россію и Подолію, причемъ Хмельницкій, когда къ нему писано, оказалъ себя такъ, какъ бы то ему и неправно и приобщался, схватавъ, отдать въ руки Полякамъ такъ оного Крывоноса, яко и другихъ пяти вождевъ бунтовщиковъ, однако и здѣлалъ онъ тѣмъ токмо одинъ видъ къ удержанію Поляковъ отъ нападенія на нихъ, какъ то и самимъ дѣломъ оказалось, что, когда отъ Польской стороны было примѣчено, то Еремѣй Михаилъ Князь Вишневецкій прибылъ къ самимъ границамъ Россіи, по ту сторону Днѣпра съ нѣсколькими полками, съ которыми и полки Янунша Тишкевича, воеводы Кіевскаго, были соединены, тако жъ и полкъ гвардіи покойнаго Короля, подъ командою Генерала Осинскаго, маршалка Литовскаго, въ той же былъ экспедиціи, которые и онаго Кривоноса отъ нападеній поудержали и пресѣкли путь къ тому на нѣсколько времени. Хмельницкій же, между тѣмъ, пробрался внутрь самаго Королевства со всѣмъ почти Малороссійскимъ народомъ, котораго считалось до ста тысячь человѣкъ, о чемъ извѣстясь другія Польскія войска и послѣднее пограничнаго шляхетства собраніе, согласясь, всѣ вдругъ маршировали тѣмъ своимъ корпусомъ прямо противъ Козаковъ и возмутившихся мужиковъ; однакъ одинъ и другой разъ дѣлали опытъ о примиреніи съ Козаками, хотя въ семъ ничего и не успѣли

Польская Республика почувствовала тогда, сколь имъ великой ударъ былъ смерть Королевская; ибо, не сыскивали никого такъ повелительнаго для командированія столь знатныхъ господъ, кои находились въ той арміи и не хотѣли одинъ другому уступать, чрезъ что одно только несогласіе и безпорядокъ въ нихъ воспослѣдовалъ, за тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ разсудили за благо, когда дѣло въ таковое пришло состояніе, лучше оставить войну и возвратиться въ домы, что, по общему совѣту, и апробовано. И такъ, для лучшаго порядка, въ посродкѣ табора начали маршировать въ Константиновъ для занятія квартиръ, при которомъ маршированьи ордеры въ такомъ были ослушаніи, что, когда нѣкоторые полки начинали рушатись поблизу Пилоча, то другіе, не ожидая очереди своей, тѣхъ предъускоряли, а сіе замѣшательство, пріумножившись по ночной темнотѣ, подало причину другимъ, кои слѣдовали за тѣми, къ нѣкоторому нечаянному страху, который овладѣлъ было самихъ храбрѣйшихъ Польскихъ войновъ, потому что они не могли узнать вскорѣ причины таковаго народнаго замѣшательства и бѣганья. Въ каковомъ ихъ безпорядкѣ могль бы Хмельницкій, безъ сумнѣнія, одержать надъ ними совершенную побѣду, если бы содержалъ то такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ было; но

думая, что дѣлается нарочно съ нѣкоторою хитростію, поудерживался гонить ихъ въ слѣдъ, а шелъ всегда за ними по тихоньку и съ великою предосторожностію; наконецъ, узнавъ заподлинно, что то отъ единственнаго страху воспослѣдовало, раскаевался весьма и рушилъ тотчасъ съ войскомъ своимъ къ Львову городу, купечествомъ весьма знатному, который токмо на восточную сторону нѣсколько былъ укрѣпленъ, но для защищенія себя тогда ни людей способныхъ, а ни провіанта не имѣлъ, обрѣтался же въ немъ нѣкоторой старой офицеръ, именемъ Арцишевскій, который чрезъ долгое время служилъ въ другихъ сторонахъ и командовалъ Голандскою арміею въ Бразилѣ; тотъ, по увѣренью другихъ, ожидалъ скорой себѣ помощи съ Малой Польши, однакъ сего не бывало; жители же города того, командуемые тѣмъ офицеромъ, довольно за себя дѣлали сильной отпоръ чрезъ нѣсколько дней, но, наконецъ, изнемогши, принуждены, оставя крѣпость осадившимъ оную, видя себя не въ состояніи болѣе уже драться съ арміею, состоящею отъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ, да и недостатокъ провизіи въ городѣ возчувствовался, откупились у непріятеля знатною суммою денегъ, которую, получивши Козаки, отъ стѣнъ градкихъ отступили.

По окончаніи сего пошли Козаки подъ Замойстье, городъ, нынѣшнимъ maнеромъ здѣланной отъ Яна Замойскаго, Гетмана и Великаго Короннаго Канцлера, во время Короля Сигизмунда, отца двухъ послѣднихъ Королей. Тотъ городъ былъ единое прибѣжище шляхетству Рускому, которое изъ владѣній своихъ изгоняемо было взбунтовавшимись мужиками; тако жъ въ томъ же городѣ тогда много было шляхетства изъ воеводствъ Бѣлзскаго и Сендомирскаго, съ четырнадцатьми стами солдатъ, коихъ Людвигъ Венгеръ, воевода Померанскій, изъ Пруссіи привелъ туда. Усиленія, которыхъ Козаки и бунтовщики мужики чрезъ цѣлой мѣсяцъ ни употребляли, были безполезны, и такъ они, потерявши при осадѣ много своего народа, ретировались назадъ въ Россію.

Не должно умолчать здѣсь о помощи, которую Польская Республика отъ Французскаго Короля имѣла, ибо хотя тогда и во Франціи огнь гражданской войны возгораться началъ, дозволилъ, однакъ, Король, чтобы восемь сотъ человѣкъ рекрутъ, набранныхъ на коштъ его полковникомъ Христофлемъ Пржіемскимъ, кой въ арміи его Фландрійской командовалъ Польскимъ полкомъ, шли въ помощь Польской арміи подъ командою того полковника, который съ оныхъ рекрутовъ хорошій здѣлалъ полкъ.

Хмельницкій съ войскомъ своимъ сталъ на кантонеръ квартирахъ. Нѣкоторые знатнѣйшіе господа отъ стороны Республики приходили къ нему для разговору о мирѣ, однакъ на то отвѣты были весьма горды; всѣ тѣ авантажи послѣдняго походу здѣлали его продерзливѣйшимъ, нежели прежде; за тѣмъ оные депутаты много имѣли труда, пока уговорили его, по крайней мѣрѣ, на то, чтобъ онъ на перемиріе на нѣсколько мѣсяцевъ согласился.

Еще совершеннаго оному перемирію окончанія не было, какъ съ

одной и другой стороны начатки новой войны оказались. Бунтовщиковъ полки на многихъ мѣстахъ собравшись, нападали на Поляковъ, однакъ за таковое нападеніе достойное понесли наказаніе: всѣ почтивъ прахъ разбиты Андреемъ Фирлеемъ, каштеляномъ Бѣлзскимъ, и Станиславомъ Ланскоронскимъ, каштеляномъ Каменецкимъ, которымъ новый Король, Янъ Казимиръ, скоро по избраніи своемъ, препоручилъ арміи въ командированіе; тако жъ знатной Козакамъ послѣдовалъ уронъ въ Острополѣ, Барѣ и другихъ мѣстахъ, которыя у нихъ съ великимъ кровопролитіемъ и не малою добычью взяты.

Хмельницкій наступающей весны, которой онъ съ нетерпѣливостію ожидалъ, упросилъ опять въ помоцъ Татаръ, коихъ числомъ болѣе ста тысячь было, и пошелъ въ походъ для учиненія новаго нападенія на Польшу. Поляки собрались тако жъ для пресѣченія его предпріятія, коихъ вожди имѣли совѣтъ, на которомъ мѣстѣ должны они приостановиться, пока остальное Польское войско соединится съ ними, въ которомъ совѣтѣ, между многими разсужденіями, было сіе, чтобы стать лагеремъ подъ самими пушками Каменца, яко крѣпости таковой, которая одна защитою есть Польшѣ противу Турковъ, а наконецъ мнѣніе Фирлея предпочтено другимъ. Онъ, разсуждая, что арміи не должно отдалять отъ границы, чтобы не подвергнуть непріятельскому жребію, избралъ за лучше для лагеру городъ Збарашъ, принадлежащій Князю Вишневецкому, мѣсто, для сего предпріятія и принятія помощи, которой онъ ожидалъ, весьма способное. Онъ не имѣлъ у себя болѣе девяти тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ и тѣ полки, коихъ нѣкоторые господа содержатъ у себя на собственномъ своемъ коштѣ. Между прочимъ генералитетомъ имѣлъ онъ въ арміи Ланскоронскаго и Графа Острогскаго, подчашего Короннаго, кои даны ему были въ товарищи, тако жъ и Князей, Димитрія и Еремѣя Михаила Вишневецкихъ, и Александра Конецпольскаго, великаго хорунжаго Короннаго, сына покойнаго Гетмана Конецпольскаго.

Генералъ Фирлей, предвидя, что вскорѣ атакованъ будетъ безчисленною почти арміею, приказалъ завременно учредить магазейны и поновить обветшалыя фортификаціи такъ города, яко и крѣпости Збарашъ, и прикрыть лагерь свой добрымъ ретрашаментомъ, обнесть рогатками и рвами, а особливо берегъ озера, которое ему довольно давало воды, чтобъ въ случаѣ непріятельми захвачено не было.

Только что помянутый Фирлей оградилъ себя шанцами, армія Козацкая и Татарская отъ всѣхъ сторонъ обняла его; она была столь многочисленна, что равной ей не бывало со времени браней Аттилы и Тамерлана, а сверхъ сего то еще почти не бывало, что Ханъ самъ, персоною своею, въ арміи присутствовалъ, съ желаніемъ пожерти цѣлое Польское королевство, яко корысть, которая отъ него увойти не можетъ. Хмельницкій же увѣрялъ его въ томъ, какъ въ неложномъ событіи, и подлинно, ни во что онъ вмѣнялъ такъ малое число Польскихъ солдатъ, коихъ развѣ бы довольно было только для защищенія Польской границы. Онъ намѣрилъ ихъ не только гладомъ

переморить, но и силою въ первомъ разѣ овладѣть лагеремъ ихъ, что произвесть думалъ такъ легко, что и щадить людей, яко ихъ великое число, нужды не было.

1649 года, мѣсяца Іюля 13 дня, была генеральная атака и съ великою яростію. Ханъ командовалъ самъ полками своими, которые, не зная еще задовольно смѣлости и храбрости Поляковъ, устремлялись на нихъ нападеніями своими; безразсудно великое усилованіе было на станцію генерала Фирлея, кой болѣе всѣхъ тому подверженъ былъ. Часть Польской арміи скрылась было въ близь находящіяся тамо раздолія, чтобъ тѣхъ, кои уже ретраншаментомъ завладѣли, прогнать, что хотя и съ трудомъ, но благополучно, воспослѣдовало. Фирлей и Князь Вишневецкій защищали себя храбро, но сей послѣдній когда усмотрѣлъ, что солдаты его начали ослабѣвать, приказалъ мало отъ брани и отъ пальбы на Татаръ поудержаться, дая имъ знать, какъ бы онъ намѣревалъ дѣлать пропозицію о мирѣ съ Татарами, а имъ остается токмо храбро стать противу однихъ Козаковъ, чѣмъ оное его войско, будучи ободрено, вооружилось опять такъ крѣпко, что, хотя и многое число уже убитыхъ лежало на землѣ, однако, подвизаясь они всѣми силами, оказали удивительные отчаянной храбрости своей знаки, хотя прежe сего того жъ дня семь атакъ выдержали.

Слѣдующихъ дней Козаки вооружились и паки на Поляковъ, но съ меньшимъ еще выигрышемъ какъ прежде, хотя силѣ своей присовокупили и хитрости воинской, хотячи увѣрить Поляковъ, что имъ и Турки на помощь пришли: они здѣлали соломенные болваны и, одѣвши ихъ по Турецкому, посажали на лошадей и поставили ихъ въ арміи безъ вожаевъ, что отъ стороны Польской тотчасъ узнано употребленіемъ микроскопіи. Хмельницкій посылалъ счаста письма къ Полякамъ, въ которыхъ одними уговоривалъ Фирлея къ примиренію, а другими побуждалъ Нѣмецкіе полки къ дезертированію; наконецъ, видя, что не успѣваетъ ничто ни силою, ни хитростію, принялъ намѣреніе атаковать Польскіе ретраншаменты траншеями и на то употребилъ денно и нощно работать мужиковъ, коихъ было такъ великое число въ арміи его, что чрезъ малое время здѣлали тѣ траншеи ажъ до самой подошвы Польскихъ ретраншаментовъ.

Сіе новое Козаковъ средство устрашило Поляковъ болѣе, нежели прежде, и видя они, что защищеніе отнимается у нихъ и что они всилу первые ретраншаменты одержать уже могутъ, здѣлали другіе поближе города, въ которые, какъ скоро совершены были, ретировались. Нѣкоторые изъ славнѣйшихъ Козацкихъ офицеровъ думали, что Поляки всѣ свои ретраншаменты оставили и заперлись въ одномъ мѣстѣ, однакъ сего, яко вредительнаго, не было въ самомъ дѣлѣ. Сверхъ крайности той, въ якую они пришли, что не имѣли уже почти никакого средства къ ободренію себя, послѣдовалъ еще въ провіантѣ и фуражѣ недостатокъ; и такъ лошади, падающія всякой день толпами, приключили несносный смрадъ въ лагерѣ; одна булка продавалась за десять полтораковъ (на Россійскую монету въ то время десять копѣекъ, а нынѣ двѣнадцать съ поло-

виною копѣекъ), а бочка пива пятьдесятъ золотыхъ, кои съ двадцать полтораковъ стоятъ, (то есть, десять рублей, а по нынѣшнемъ вычисленію двѣнадцать рублей и пятьдесятъ копѣекъ). Солдаты принуждены ѣсть конское и собачое мясо. Хмельницкій видя, осажденной Польской арміи, отъ которой всегда дезертировали солдати, бѣдное состояніе, пришелъ въ большое свирѣпство и не хотѣлъ инако согласиться на миръ, какъ на печальныхъ и несносныхъ Полякамъ кондиціяхъ. Ханъ оказался при семъ случаѣ склоннѣйшимъ и требовалъ, чтобы Вишневецкій и Конецпольскій пришли къ нему для конференціи Поляки не могли снесть сего, чтобъ тѣ господа сами отдали себя въ руки его, чѣмъ Хана привели въ великой гнѣвъ; всуе Польскіе Генералы отправляли курьеровъ къ Королю своему, увѣдомляя его о состояніи, въ которомъ они находятся, и прося скорой помощи, ибо всѣ почти тѣ курьеры попадались въ руки Козакамъ или Татарамъ, и хотя съ нихъ кто и убѣжалъ, однакъ отвѣта принесть Полякамъ не могъ, потому что въ обратномъ пути или паки пойманъ бывалъ, или убитъ, а они, ожидая съ времени до времени отъ Короля вѣдомости и скорой помощи, не преставали защищать себя; наконецъ же, видя, что отъ Короля ни сего, ни другаго нѣтъ, умыслили ложное написать письмо, и чтобъ въ арміи повѣрено было, придѣлали къ тому письму Королевскую печать, якую они съ преже полученныхъ писемъ оторвали; тою хитростію, такъ какъ и сладкими рѣчами, потѣшили осажденную армію, уговоривая ея имѣть терпѣніе. Нѣкоторые изъ тѣхъ же главнѣйшихъ офицеровъ, кои имѣли еще для себя довольно провіянта, оставя добрые вкусы, ѣли, для лучшаго солдатъ своихъ поощренія, смердячое конское и собачее мясо. Фирлей самъ, хотя уже старъ и боленъ былъ, хотѣлъ тако жъ то употреблять, однакъ предстоящіе ему въ томъ попрепятствовали. Вишневецкій и Конецпольскій, чтобъ отнять надежду у Козаковъ о полученіи скорой надъ ними побѣды, не преставали частыя дѣлать нападенія съ тѣми людьми, кои еще ивпосредѣ таковаго бѣдствія имѣли у себя бодрость и силу. Между тѣмъ, сверхъ недостатка въ провіянтѣ, послѣдовалъ Полякамъ и недостатокъ въ воинскихъ потребностяхъ, кои попрепятствовали имъ такъ часто, какъ прежде, дѣлать пальбу. Козаки со стороны своей не дремали въ томъ, ибо, кромѣ безпрерывнаго огня, которой они на Польской посылали лагерь, и кромѣ безпрестанныхъ наскакиваній чрезъ траншеи, усиловались завладѣть городомъ Збарашемъ и отнять у осажденныхъ воду Однакъ, когда одно и другое имъ не пощатсливилось, намѣрили было зажечь тотъ городъ, а паче тѣ ворота, которые имъ много препятствовали по причинѣ высоты ихъ, откуда безпрестанная на Козаковъ дѣлалась пальба чрезъ найлучшихъ Польскаго войска стрѣльцовъ, между которыми превосходнѣйшій былъ нѣкоторый ротмистръ, именемъ Битлеръ, да патеръ Мишавецкій, Езуитъ, кой пальбою своею сверху замковыхъ воротъ отбилъ отъ своей стороны болѣе двухъ сотъ Козаковъ. Чего для приняли намѣреніе Козаки съ великою толпою, съ Фи-

тилями въ рукахъ, подойти подъ тѣ ворота для зазженія, чрезъ что бы легкій былъ уже способъ ко одержанію вскорѣ и другихъ мѣстъ; однакъ, когда осажденные увѣдомились о семъ ихъ предпріятіи, приуготовились лучшимъ способомъ для недопущенія ихъ къ тому и поступили при томъ такъ храбро, что стоило то имъ великаго кровопролитія; и когда все ихъ дѣло было уже въ худомъ состояніи, то стрѣла, испущенная въ городъ, принесла благополучно письмо, которое къ оной привязано было. Оное писано было отъ нѣкотораго безъименнаго шляхтича, кой находился въ службѣ Козачей, гдѣ тотъ шляхтичь первѣе извинялъ себя за то, что служилъ Козакамъ, къ которымъ принужденъ онъ предаться за обиды, причиненныя ему отъ нѣкоего знатнаго господина, и по нещастью, приключившемуся Полякамъ въ прошломъ годѣ, а после объявилъ о себѣ, что онъ еще любве и ревности къ своему отечеству не потерялъ, какъ онъ уже и прежде сего, посылая такимъ же образомъ трожди письма свои, довольно себя въ томъ оказалъ; при томъ далъ имъ знать, что Король идетъ къ нимъ на помощь и находится уже въ Зборовѣ, Козаки же, увѣдавши о походѣ его, стараются усугубить силъ своихъ противу ихъ; того для должны и они, совѣтовалъ онъ, какъ можно стараться не терять храбрости своей и пріуготовливаться мужественно къ сопротивленію съ Козаками.

Большая часть осажденныхъ не могла вѣрить тому письму, думая, что то есть новое измышленіе хитрости отъ Польскихъ старшинъ, однакъ оное после оказалось вѣрно и справедливо. Король много имѣлъ препятствій такихъ, кои бы могли поудержать маршъ его, пока прибылъ въ Зборовъ для освобожденія содержащагося въ осадѣ войска своего; однакъ армія та, которую Король съ собою привелъ, не токмо не была довольна къ прогнанію онаго страшнаго непріятельскаго множества, съ которымъ она брань имѣть должна, но и къ выдержанію малѣйшаго нападенія; ибо состояла она съ пятнадцати тысячей солдатъ, да пяти тысячей человѣкъ тѣхъ, которые содержатся у господъ на собственномъ ихъ коштѣ, а остатки шляхетства не скоро собрались, хотя ордеры Королевскіе для конвокацій ихъ давно разсыланы были.

Хмельницкій и Ханъ, извѣстясь о прибытіи Короля Польскаго, раздѣлили войска свои на части и, оставя сорокъ тысячей Татаръ съ двумя стами тысячей Козаковъ и мужиковъ подъ Збарашемъ, маршировали прямо въ Зборовъ съ войскомъ, состоящимъ около шестидесяти тысячей Татаръ и восьмидесяти тысячей Козаковъ, и продолжали тотъ маршъ свой въ такой закрытости, что ни какимъ образомъ никому изъ непріятелей не можно увѣдать было, хотя Король и многія посылалъ партіи для освѣдомленія, потому что тѣ, которые посыланы, мало могли примѣтить, для того по большой части, что деревенскіе мужики, будучи всѣ склонные къ Козакамъ, яко одной Вѣры питомцамъ, несправедливо о Козацкомъ маршѣ объявливали. А какъ скоро Козаки и Татаре прибыли къ Королевскому лагеру тайнымъ образомъ, къ чему лѣсъ и густой туманъ много имъ пособилъ, то Хмельницкій сыскалъ случай войти внутрь

самаго города Зборова и разсмотрѣть тамъ, по способности времени, состояніе Польской арміи.

Оная, не вѣдая о Козацкомъ и Татарскомъ прибытіи, выступила въ маршъ и марширoвала тѣсною дорогою, по причинѣ имѣющихся на тамошнихъ болотахъ гатей и мостовъ, и какъ, переправившись чрезъ тѣ мѣста, начинала уже итти въ порядкѣ, то тотъ же часъ увидѣла себя обнятую вокругъ отъ Козаковъ и Татаръ. Брань началась первѣе отъ нападенія на богажъ; Татаре пришли въ невоздержаніе, захвачивали Королевскихъ людей, переходячихъ чрезъ воду, на которой имѣющіяся гати сами ихъ мужики разломали для удобнѣйшаго Козакамъ и Невѣрнымъ переходу. Премысльское шляхетство и кавалерія Князя Острожьскаго первой ударъ выдержали, но когда болѣе противиться великому непріятельскому числу, окружающему ихъ отвсюду, не въ состояніи были, то многіе отъ того шляхетства со всѣмъ своимъ богажемъ достались въ плѣнъ Татарамъ. Станиславъ Витинскій и Леонъ Сапѣга, Вицеканцлеръ Литовскій, прискакавъ на помощь, прогнали было Татаръ, однакъ не съ великою удачею, ибо сіи, оборотясь, съ большимъ стремленіемъ на войско Вицеканцлера, напали, и сражась съ нимъ чрезъ шесть часовъ, преодолѣли бъ его совсѣмъ, яко трожди оно приходило въ робость, если бы Каштелянъ Сендомирскій и Людовикъ Осолинскій, староста Стеблицкій, не освободили его отъ невѣрныхъ, которые чрезъ то въ большую еще приходили горячность. Въ той баталіи Осолинскій съ многимъ шляхетствомъ воеводства Рускаго остался убитъ. Между тѣмъ какъ сіе происходило сзади Польской арміи, то Хмельницкій съ Козаками своими и нѣкоторою партіею Татаръ атаковалъ оную съ фронту. Король, поставивши въ первомъ челѣ войска свои въ ордеръ баталіи, препоручилъ правое крыло въ команду Великому Канцлеру Осолинскому, которое состояло съ Королевской кавалеріи, тако жъ и съ кавалеріи воеводства Подольскаго и Бѣлызскаго, да Дангофа, Старосты Сокальскаго, и другихъ полковъ, а лѣвое крыло поручилъ въ команду Георгу Любомирскому, Старостѣ Краковскому, и Князю Корецкому, въ которомъ, между прочими полками отъ кавалеріи, были многія компаніи волонтеровъ.

Инфантерія, въ которой и самъ Король имѣлъ свой постъ, была въ командѣ генерала маіора Губалда, родомъ съ Мисніи (кой чрезъ долгое время служилъ въ Нѣмецкихъ полкахъ и былъ въ разныхъ баталіяхъ, а потомъ былъ Комендантомъ въ Гданскѣ) и Губернатора Краковскаго, Вольфа, шляхтича Лифляндскаго, кои оба и свои Нѣмецкіе полки имѣли въ той инфантеріи.

Татаре, раздавшись въ ширь въ видѣ авангардіи, какъ бы для нѣкоторой обсерваціи, вдругъ обняли было ее, по обыкновенію своему, а после бросились всѣ на правое крыло; однакъ приняты были они тамъ весьма хорошо; инфантерія же замкнута была штыками, чего они пресѣчь не въ состояніи были. И такъ оттуда ударились на лѣвое крыло, которое они удачнѣе разбили, нежели первое. Подъ Княземъ Корецкимъ, который командовалъ тѣмъ крыломъ, убили лошадь, причемъ и самъ онъ мало что не пропалъ; Рыцу-

скій раненъ отъ удару стрѣлы, которая ему пробила щеку, однакъ онъ, не вынимая изъ раны той стрѣлы, пошелъ къ Королю съ объявленіемъ опасности, въ которой находится лѣвое крыло. Его Величество, позабывъ достоинства и особы своей, прискакалъ тотчасъ туда для укрѣпленія присутствіемъ своимъ и увѣщеваніемъ всѣхъ на храбрость, возвращая на брань всѣхъ тѣхъ, кои были въ бѣгахъ, а тѣмъ, которые представляли жалобы о недостаткѣ офицеровъ для командированія, сказалъ, что онъ самъ особою своею заступитъ ихъ мѣста.

Сей Государь нечувствительно входилъ бы въ великія опасности, естьли бы слѣдующіе за нимъ не удерживали его. Присутствіе Короля, который такимъ опасностямъ, для спасенія своихъ, подвергалъ себя, ободрило войско его такъ, что и несравненное множество непріятелей, коихъ они предъ собою имѣли, начало ослабѣвать, а Поляки, ободрясь, сражалися съ ними съ лучшею горячностію, нежели прежде, и изъ мѣста своего болѣе уже не уступали.

Нѣкоторые изъ Татаръ проломилися было съ одной стороны внутрь войска, однакъ тотчасъ пушечными выстрѣлаии и двѣма отъ инфантеріи ротами, подъ командою Гица, Капитана Королевской гвардіи, прогнаны. Наконецъ, когда непріятели не одержали ни какого авантажу, который бы соотвѣтствовалъ великимъ ихъ силамъ, употребленнымъ противу Польской арміи, наступающая ночь печальной оной окончала день, въ которой армія, по всѣмъ видимымъ обращеніямъ, должна была разбита быть на части. Цѣлая оная ночь происходила въ совѣтахъ и раздачи ордеровъ къ баталіи на утрешній день; здѣлано нѣсколько ретраншаментовъ въ скорости такъ для прикрытія себя, какъ и для лучшаго авантажу. Между тѣмъ какъ Король съ главнѣйшими господами и офицерами отъ арміи держалъ совѣтъ, произошелъ въ лагерѣ шумъ и смятеніе съ того, что яко бы Государь ихъ принялъ намѣреніе ретироваться съ прочими господами тоей же самой ночи.

Крайность бѣдствія, въ которой состояло дѣло, оную догадку о ретирадѣ здѣлало мало что не справедливою; ибо только что не произошло равное Пилочскому замѣшательству. Король, кой хотѣлъ было удалиться для раздоха, увѣдомясь о томъ смятеніи, тотчасъ сѣлъ на лошадь и, ѣздя по лагеру, увѣрилъ всѣхъ присутствіемъ своимъ о ложномъ имъ о его ретирадѣ внушеніи, доказывая имъ, что онъ того никогда и не думалъ, а желаетъ всегда крѣпко стоять противу непріятеля вмѣстѣ съ ними, а между тѣмъ ласкалъ ихъ надеждою благополучнаго успѣха въ баталіи, которая дана будетъ слѣдующаго дня. Между прочимъ въ воинскомъ совѣтѣ, по настоящей коннектурѣ, разсуждено и сіе, чтобъ здѣлать опытъ въ раздѣленіи Хмельницкаго отъ Хана, что и происходило такимъ образомъ: послали къ Хану одного плѣненнаго Татарина съ письмомъ отъ Короля, которымъ изъяснено то, что Король не думаетъ, что онъ позабылъ милости и благоволеніе покойнаго Короля Владислава, у котораго когда онъ былъ плѣнникомъ и содержался подъ карауломъ въ Польшѣ, то много оказано ему благодѣянія, а наконецъ,

и совершенную получилъ свободу, что онъ тако жъ полученіе настоящаго своего достоинства причитать долженъ милости оного Государя и что Король удивляется сему, что онъ присовокупился къ бунтовщикамъ и рабамъ, за которое неправильное соединеніе не долженъ себѣ мечтать великихъ авантажей: Богъ въ таковыхъ предпріятіяхъ не будетъ благоволить. Между тѣмъ и сіе разсудилъ заблаго привесть ему на память, что онъ много одолженъ былъ отъ покойнаго Короля, брата его; при томъ обнадеживалъ его дружбою своею, естьли она ему пріятнѣйша будетъ, нежели алліянція съ бунтовщиками. Отвѣта на то письмо тогда не было. И такъ утрешняго дни, на разсвѣтѣ, показалась вся Козацкая и Татарская армія въ ордерѣ баталіи. Козаки шли прямо къ городу Зборову, а Татары нападали на богажъ; четыреста легкой Польской конницы на нѣсколько времени отъ частыхъ набѣговъ поудержали Козаковъ, а послѣ, будучи подкрѣплены большимъ числомъ войска, отогнали ихъ отъ города прочь. Слуги, будучіе при богажѣ, принявши оружіе, прогнали отъ себя и Татаръ. Непріятели, раздѣлившись на три корпусы, съ троихъ сторонъ атаковали Королевскій лагеръ и первѣе всего завладѣли церквою, которая была близъ лагеря; тамъ, здѣлавши батарею, поставили пушки, стрѣльбою коихъ принуждали защитниковъ того мѣста ретироваться назадъ. Они, завладѣвъ тѣмъ усиловались на ретраншаментъ, на которомъ одинъ Козакъ поставилъ было уже и знамя свое, однакъ нѣкоторые Королевскіе полки, прискакавши туда, дали тамъ сильной отпоръ, что они принуждены были оставить атаку и батареи. Слуги гнались въ слѣдъ за ними и храбрость, которую они оказали при той баталіи, дала случай здѣлать объ нихъ опредѣленіе о принятіи ихъ въ конницу и распредѣленіи по полкамъ для пріумноженія числа, и, учинивъ то, дать вдругъ баталію цѣлою арміею, на что многіе не согласились, для того, что, когда всѣ вдругъ изнемогутъ, то напослѣдокъ нѣкимъ будетъ защитить города, который можетъ чрезъ то прійти въ такую же крайность, какъ и Збарашъ. И когда у нихъ таковая мнѣнію разность воспослѣдовала и Поляки въ томъ всегда колебались, не вѣдая каковое аппробавать мнѣніе, то Небо само къ благополучію ихъ открыло имъ путь. Ханъ, кой прежде всѣхъ ласкалъ себя побѣдою Польской арміи, усматривая въ томъ противное, началъ какъ нарочно, такъ по нѣскольку и отъ страха, удаляться отъ брани, показывать себя склоннѣйшимъ къ примиренію, чего для и на Королевское письмо здѣлалъ отвѣтъ весьма учтивый: призналъ онъ себя одолжена Королевскому Двору, объявляя притомъ, что ежели бы и Его Величество, по избраніи своемъ, требовалъ его, то онъ бы безъ сомнѣнія оказалъ болѣе ему дружбы своей, нежели Козакамъ; но понеже онъ его такъ пренебрегъ, что чуть и за общаго человѣка почесть его хотѣлъ, хотя и довольно вѣдать долженъ, какъ дружба его можетъ быть Польшѣ полезна, того для принужденъ онъ былъ вступить съ Козаками въ согласіе; однакъ, когда желаетъ Король возобновить древнюю алліянцію съ Татарами, то онъ отъ своей стороны не отказывается и объ-

щаваетъ отложить оружіе и привесть Козаковъ къ ихъ должности, когда только и Козацкія вольности въ цѣлости будутъ содержаны, и когда Его Величество, согласясь на то, желаетъ означить мѣсто для конференціи о мирѣ и пришлетъ туда своего канцлера, то онъ не умедлитъ прислать и своего визиря. Письмо Ханское сообщено было съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ и тотъ весьма учтиво увѣряетъ Короля о вѣрности своей и о будущихъ отъ него услугахъ. Каковая Ханская пропозиція принята за благо и для конференціи опредѣлено мѣсто между обѣма арміями. Визиръ отъ стороны Хана своего требовалъ, чтобъ уплаченъ былъ пенсіонъ, который Республика Польская обыкла была давать Хану за службу, оказываемую отъ него Польшѣ, а покойный Король, Владиславъ, то дѣлать отказалъ; чтобъ Козаки Запорожскіе были удовольствованы и чтобы за уронъ, послѣдовавшій Татарамъ въ сей экспедиціи и за пролитіе ихъ крови, дозволено было имъ въ оборотномъ ихъ пути бѣгать и грабить Польшу по вольности. Во время той конференціи брань пріостановлена, однакъ, по нѣкоторымъ враждамъ, частое было нарушеніе того перемирія. На утрешній день, то есть, 17 Августа, 1649 года, полномощные, паки съѣхались на мѣсто конференціи, и всякъ изъ нихъ самъ третъ: Канцлеръ имѣлъ съ собою Воеводу Кіевскаго и Вицеканцлера Литовскаго, а визиръ Сиферказа и Сулимаза Агу, при которомъ былъ и самъ Хмельницкій, для испрошенія амнистіи Козакамъ и взбунтовавшимся мужикамъ и соблюденія вольностей ихъ и Вѣры Греческой. Наконецъ, послѣ нѣкотораго оспориванія заключенъ того жъ дни мирный трактатъ съ Татарами и Козаками на слѣдующихъ кондиціяхъ:

1. Быть миру и братерской дружбѣ навпредъ съ Іоанномъ Казимиромъ, Королемъ Польскимъ, и наслѣдниками его, Королями, и съ Исланомъ Гиреемъ, Ханомъ Татарскимъ, и со всею фаниліею его.

2. Король долженъ дать обыкновенный Татарамъ пенсіонъ, когда нарочно для того присланы будутъ въ Каменецъ депутаты.

3. Ханъ за тотъ пенсіонъ долженъ всегда вспомоществовать Королю цѣлымъ своимъ войскомъ, за потребованіемъ его противу всѣхъ непріятелей Польшѣ, какіе бы они ни были.

4. Ханъ долженъ защищать Польскія границы отъ нападеній и грабительствъ, причиняемыхъ отъ его подчиненныхъ.

5. Остальное войско его, состоящее подъ Збарашомъ, оступило бы тотчасъ и пропустило бы во всякой свободѣ состоящее тамъ Польское войско на то мѣсто, куда Его Величество итти ему укажетъ.

6. Ханъ приказалъ бы всѣмъ войскамъ своимъ и имѣющимся при немъ Туркамъ ретироваться непродолжительно изъ Польши и земель, принадлежащихъ Его Величеству.

7. Король, въ уваженіе Хана, прощаетъ все Хмельницкому и его войску и оставляетъ Козацкое войско быть въ прежней его формѣ, числѣ и вольности.

8. Сверхъ сихъ кондицій обѣщано Хану триста тысячей золотыхъ, изъ которыхъ сто тысячей тотчасъ онъ и принялъ.

Артикулы, заключенные съ Хмель-

ницкимъ, весьма полезные, коихъ содержаніе таково:

1. Король долженъ согласиться на генеральную всѣмъ Козакамъ и бунтовщикамъ мужикамъ амнистію и бывшее все оставить навпредь въ забвеніи.

2. Хмельницкій, Козацкій Гетьманъ, долженъ просить у Его Величества прощенія на колѣнкахъ и лежа на землѣ.

3. Хмельницкій былъ бы всегда Козацкимъ Гетьманомъ, а число Козаковъ состояло бъ до сорока тысячей, и въ такомъ характерѣ никому бы не былъ подвластенъ, токмо одному Королю, однакъ имѣлъ бы почтеніе и къ Республикѣ, яко Польскій шляхтичь.

4. Его Польское Величество долженъ имѣть реестръ тѣхъ сорока тысячей Козаковъ поименно и осѣдлости ихъ; въ случаѣ смерти Хмельницкаго были бъ они всегда подъ командою одного изъ ихъ вождевъ или старшинъ Греческаго исповѣданія.

5. Войско, осажденное въ Збарашѣ, имѣло бы отъ Козаковъ свободный проходъ.

6. Греческая Вѣра имѣла бы свободное исповѣданіе во всемъ Королевствѣ и въ Краковѣ, и на соединеніе съ Римскою Церковью не привлекало бъ ихъ духовенство.

7. Воеводство Кіевское состояло бы всегда подъ вѣдомствомъ Воеводы Греческаго Исповѣданія.

8. Митрополитъ Греческаго Исповѣданія имѣли бъ засѣданіе въ Сенатѣ между Епископами и имѣли бъ между ними девятое мѣсто.

9. Козакамъ дозволено бы было цѣдить вино для ихъ собственнаго употребленія, а не для продажи.

10. Козакамъ выдавано бы сукно для обмундированія и притомъ по десять золотыхъ каждому для воинскихъ потребностей.

11. Шляхетство, за принятіемъ владѣній своихъ, не взыскивало бы отъ подданныхъ своихъ награжденія за понесенные ими уроны и за то бы ихъ не утѣсняло.

12. Шляхетство такъ Римскаго, какъ и Греческаго, Исповѣданія, которое при Козацкомъ Гетьманѣ обрѣталось въ службѣ, не бывало бы обезпокоевано, но все бы, что ни было въ послѣдней войнѣ, предано вѣчному забвенію.

Въ слѣдствіе чего Хмельницкій пришелъ предъ Короля и, ставши на колѣнкахъ, говорилъ съ плачемъ великую рѣчь съ засвидѣтельствованіемъ, что онъ всегда желалъ предстать предъ лице его и оказать самымъ опытомъ услуги свои Его Величеству и Республикѣ, нежели продолжать войну къ дальшему кровопролитію; но когда судьбина уже тако опредѣлила, то нынѣ приступаетъ онъ съ упокореніемъ просить милости и прощенія за свои преступленія, увѣряя Его Величество о награжденіи тѣхъ будучими своими добрыми поступками. Король отвѣтствовалъ ему чрезъ Канцлера Литовскаго такъ: Его Величество лучше принимаетъ подданныхъ своихъ покаяніе, нежели наказаніе, и прощаетъ ему вѣрно все бывшее, съ тѣмъ только, чтобы онъ ревностію и вѣрностію своею къ отечеству загладилъ этотъ содѣянный имъ грѣхъ.

По заключеніи сего, Хмельницкій и Ханъ приказали войскамъ своимъ ретироваться. Король, свободясь благополучно отъ таковой опасности, принялъ маршрутъ съ Польскою арміею на Глиняне, а оттуда пошелъ до Львова.

Войска, ретраншированныя въ Збарашѣ и пришедшія, какъ извѣстно, къ самимъ крайностямъ, укрѣпляли себя болѣе яростію и отчаяніемъ, нежели надеждою спасенія.

Граждане города того, не могучи болѣе снесть безпокойства и гладу, намѣрили было уже или сжечь городъ, или отдать непріятелю, однакъ недремливость Поляковъ не допустила ихъ къ такому трагическому предпріятію, чего для просили они о выпускѣ себя изъ города, что и дозволено, однакъ только женамъ и дѣтямъ. Сіи, выпущенные изъ города, не могли утаить ретирады своей и уйти такъ, чтобъ не попасться въ руки первѣе Польскимъ солдатамъ, кои, ихъ схватавъ, насильничали такъ, какъ хотѣли, а наконецъ и Татарамъ, кои взяли ихъ всѣхъ въ плѣнъ, при которой неблагополучной толпѣ было множество слугъ отъ Польской арміи.

21 Августа, того жъ 1649 года, Козаки осажденнымъ первѣе принесли извѣстіе о заключенномъ въ Зборовѣ мирѣ, о которомъ одни вѣрили, а другіе сумнились и думали, что статься можетъ объ нихъ въ мирномъ трактатѣ ничего не упомянуто, каковыя мысли навелъ имъ трубачь, который, съ легкомыслія своего, публиковалъ тоже самое дѣло звукомъ трубы, за что осуждено было его на смерть, однакъ ходатайствомъ одного изъ Польскихъ Генераловъ освобожденъ. После того вскорѣ получено письмо отъ Хмельницкаго, которымъ увѣряетъ онъ самыхъ осажденныхъ объ ихъ освобожденіи, только бы нѣкоторую сумму денегъ уплатили Татарамъ. Польскіе Генерали не хотѣли принять сей кондиціи въ освобожденіи себя и сказали всѣ единомысленно, что когда Хмельницкій долженъ отвесть войска, то слѣдуетъ ему и удовольствовать ихъ, а буде нѣтъ, то они могутъ оставаться еще на своихъ мѣстахъ; наконецъ, вѣрнѣйшій и радостнѣйшій вѣстникъ прибылъ къ нимъ съ письмомъ отъ Короля, Полковникъ Миноръ, увѣряя ихъ о ихъ свободѣ безъ всякой кондиціи, и объявляя имъ, что воеводство Сендомирское, которое тогда было чрезъ смерть Князя Заславскаго вакансовое, пожаловано отъ Его Величества Генералу Фирлею за службы его, Принцу Вишневецкому староство Премыславское, Князю Острогскому староство Несвѣцкое, а Ланцскоронскому староство Стобницкое и воеводство Брацлавское.

Всѣ сіи награжденія хотя и знатныя, однакъ несравнены были великодушію и героической храбрости, которой тѣ всѣ господа изрядные оказали знаки чрезъ цѣлыхъ два мѣсяца будучи въ осадѣ и безпрестанно въ атакѣ въ Збарашѣ.

Богъ не меньше благодѣтельствовалъ Полякамъ въ Литвѣ, какъ и въ Руссіи, гдѣ такъ сказать, аки рукою обѣ ихъ арміи вывелъ изъ опасности, а инако, по всѣмъ видимымъ обращеніямъ, должны были они тамъ пропасть.

Бунты Козаковъ и Рускихъ мужиковъ сначала сей войны распространились въ Литвѣ потому болѣе, что народъ того Княжества довольно сходственъ былъ нравами и Вѣрою Малороссіянамъ.

Козаки, вступивъ въ оное Княженіе отъ двухъ сторонъ, здѣлали нѣсколько нападеній въ Полѣсьѣ, которая сторона, полная лѣсовъ и болотъ, и принадлежитъ къ части воеводства Кіевскаго и Волынска-

го. Тѣ Козаки, чрезъ измѣну тамошнихъ обывателей, кои въ ихъ проходѣ согласны были, завладѣли было городами Стародубомъ и Гомелемъ, однакъ Полковники: Пацъ и Воловичъ, а потомъ Князь Янъ Радзивилъ, Жмудскій Генералъ, Литовскій Гетьманъ, съ шляхетствомъ Оршанскимъ и гарнизономъ Быховскимъ, тако жъ и съ другими нѣсколькими полками, пресѣкли дальшее ихъ нападеніе. Когда же помощь отъ Республики поздно пришла, а Князь Радзивилъ отозванъ на Сеймъ, то тѣ бунтовщики, пользуясь отлучкою его, дѣлали опять нападенія и атаковали городъ Слуцкъ, принадлежащій Князю Богуславу, Оберъ Шталмейстеру Литовскому.

Г. Сосновскій, тамошній Губернаторъ, защищалъ его храбро, а Горшъ, Губернаторъ Оршанскій, въ Черескѣ разбилъ отъ нихъ тысячу пять сотъ человѣкъ, онъ же прогналъ ихъ и отъ Быхова.

Г. Мирскій, Генералъ-Маіоръ Литовской арміи, отнялъ у нихъ многолюдный городъ Пинскъ, въ которомъ Греческаго Исповѣданія была Епископія, коимъ было они уже чрезъ измѣну гражданъ завладѣли. Нѣкоторой Козацкой старшина, именемъ Гладкій, заперся было тамъ для защищенія, однакъ вскорѣ его тамо жъ убито, и понеже то мѣсто было имъ главнѣйшимъ убѣжищемъ, то для того нарочно до основанія разорено и въ пепелъ обращено прочимъ для образца и страху.

Князь Радзивилъ, возвратясь изъ элекціи Короля Польскаго, хотя и время не было способное къ продолженію войны, однимъ слухомъ прибытія своего усмирилъ города Туровъ и Гродекъ и положился съ войскомъ своимъ лагеремъ подъ Мозыромъ, который, хотя и чрезъ многіе дни съ великою упрямостію защищалъ себя, однакъ, наконецъ, взятъ былъ штурмомъ по искуству нѣкотораго Подполковника полку Радзивиловаго, гдѣ и Михненко, одинъ изъ бунтовщицкихъ начальниковъ, пойманъ, которому Князь тотчасъ приказалъ палачу голову отрубить и настромить на замковую вежу.

Оттуда маршировалъ онъ съ войскомъ своимъ къ рѣкѣ Березинѣ, гдѣ осадилъ городъ Бобройско, но онаго обыватели испросили себѣ милость, на той кондиціи, чтобы имъ отложить свое оружіе, а тѣхъ, которые причиною возмущенія, или кои съ Козаками имѣютъ согласіе, выдать. Виновные сему, извѣстясь о такомъ предпріятіи, скрылись въ кучу бервенъ и, предпочитая вольную смерть лучше, нежели коею грозилъ побѣдитель, зажгли сами себя тамо. Продубичь, который бунтовщиками командовалъ, принялъ тако жъ съ прочими достойное бунтамъ своимъ наказаніе.

Зима и перемиріе поудержали войну въ Литвѣ, такъ какъ и въ Польшѣ, на нѣсколько мѣсяцей; но Хмельницкій, вступивъ на веснѣ внутрь Королевства, отправилъ опять въ Литву Илью Голоту съ десятью тысячами человѣкъ для зачатія вновь войны, къ которымъ многіе бунтовщики мужики тотчасъ совокупились.

Тотъ Козацкій Генералъ думалъ напасть на партію Литовской арміи, которая была на кантониръ квартирахъ въ Загалѣ, при рѣкѣ Припеть, однакъ Радзивилово войско, собравшись въ скорости, прогнало его оттуда и, загнавши въ болота, одержало надъ нимъ побѣ-

ду, на мѣсто котораго опредѣленъ отъ Хмельницкаго Стефанъ Подобайло, съ тѣмъ наставленіемъ, чтобъ онъ сталъ ретраншаментомъ между Днѣпромъ и Сожью, что онъ и учинилъ, а притомъ зажегъ городъ Лоевъ, опасаясь, чтобы то мѣсто не могло быть убѣжищемъ Литвѣ, изъ стороны которой отправленъ былъ Гонзіевскій съ нѣсколькими полками для недопущенія его къ произвожденію таковыхъ предпріятій, который инфантерію свою и отправилъ въ суднахъ по Днѣпру, а самъ сталъ на такомъ мѣстѣ, кое весьма способное было къ препятствію въ Подобайловомъ намѣреніи. Хмельницкій прислалъ еще въ помощь Подобайлу тридцать тысячей человѣкъ подъ командою Кршичевскаго, шляхтича Польскаго.

Сей нѣкогдась постарался о свободѣ Хмельницкому, когда онъ взятъ былъ Поляками въ нѣкоторомъ случаѣ подъ караулъ, да и самъ отъ Хмельницкаго получилъ таковую жъ милость по побѣдѣ прошлаго года Польской арміи подъ Корсуномъ, котораго Хмельницкій почитая, принялъ пріятнымъ лицемъ въ службу свою. Онъ, пришедши въ Литву и переправившись чрезъ рѣку Припеть, здѣлалъ видъ, какъ бы овладѣть хотѣлъ Рѣчицею городомъ, положеніемъ авантаженъ, однакъ, оставя то, маршировалъ прямо къ лагерю Князя Радзивила, воображая себѣ, по забратіи справки о отправленіи отъ того Принца нѣкоторыхъ полковъ противу его, что онъ легко его преодолѣтъ можетъ, прибылъ туда ни кѣмъ невѣдомъ; однакъ Ходорковичъ на первой шумъ вышелъ тотчасъ съ кавалеріею и, подкрѣпляемъ четырьма стами пѣхоты подъ командою Подлѣка и Юскевича, давалъ отпоръ первымъ Козацкимъ усиленіямъ; между тѣмъ какъ Козаки разными задерживаны были сопротивленіями, то остальное Литовское войско имѣло время стать въ ордеръ баталію. Гонзіевскій и Неваровичъ съ гусарами лѣвое непріятельское крыло аттаковали и погнали его въ лѣсъ, состоящій не подалече оттуду. Козаки сначала великой дали огонь и многихъ изъ тѣхъ, кои далѣе гнались за ними, убили, однакъ послѣ, когда далѣе пробралисъ въ лѣсъ, то Поляки были уже не въ состояніи тамъ дать баталію.

Въ то же самое время нѣсколько эскадроновъ, коихъ горячность къ баталіи завела было въ отдаленость, окружили Козаки и уже хотѣли было пересѣчь всѣхъ на куски, но счастіе имъ пособило; ибо Комаровскій, котораго Князь Радзивилъ прежде баталіи отправилъ противу непріятеля съ тысячью человѣкъ для забратія объ немъ извѣстія, на ту акцію поспѣшилъ. Командующій правымъ Козацкимъ крыломъ, усмотрѣвъ прибытіе той помощи и будучи въ мнѣніи томъ, что и болѣе еще того будетъ, а паче думая нѣтъ ли еще кого въ засадѣ, ретировался тако жъ въ лѣсъ и, не думая быть и тамъ въ безопасности, здѣлалъ ретраншаментъ. На сіе Козацкій Генералъ, Подобайло, прискакалъ въ помощь съ двадцатью тысячей человѣкъ и переправилъ ихъ всѣхъ чрезъ Днѣпръ на суднахъ, однакъ поздно уже то было; а если бы тотъ Генералъ мало прежде, когда еще войско не раздѣлилось, прибылъ на помощь, то бы армія Литовская, безъ сумнѣнія, пришла въ крайнюю опасностъ. Между тѣмъ, только что Подобай-

лово войско на половину дороги отошло и начало дѣлать ретраншаменты, Князь Радзивилъ маршировалъ прямо на него и, по многой пробѣ безпрестаной пальбы, привелъ Козаковъ въ безпорядокъ и загналъ ихъ въ рѣку, гдѣ такъ много ихъ побилъ и потопилъ, что отъ четырехъ тысячей и пяти ста человѣкъ осталось только отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, кои плаваніемъ спаслися. Полковники: Тизенгаузенъ, Нольдъ и Фектманъ съ своими иноземцами гнались всѣ въ слѣдъ за остальными Козаками, кои спѣшили соединиться съ таборомъ своимъ къ Кршичевскому. Сей Генералъ вышелъ было слѣва, куда онъ прежде ретировался, для принятья ихъ, однакъ тотчасъ гусары и паки погнали его, за чѣмъ принужденъ вскорѣ дѣлать ретраншаментъ изъ лежачего дерева и изъ всего, что ему ни попалось въ руки, не смотря и на мертвыя тѣлеса; слѣдующей же ночи, когда извѣстился отъ шпіоновъ своихъ, что Князь Радзивилъ приуготовляется атаковать его опять, то онъ, оставя на мѣстѣ множество богажу, ретировался оттуду далѣе какъ можно скорѣе, при которой ретирадѣ, когда и самъ многими ударами раненъ былъ и далѣе итти съ войскомъ не въ состояніи, то за тѣмъ и принужденъ былъ остаться на дорогѣ, гдѣ и попался въ руки Литвѣ, въ которыхъ лагерѣ послѣ того за нѣсколько времени и умре.

Не смотря на таковое несчастіе, война зажигалась сильнѣе; шестьдесятъ тысячей Козаковъ переправились уже чрезъ Припеть въ Бабыцѣ для учиненія новыхъ на Литву нападеній и для учрежденія тамъ своей партіи; но когда миръ въ Зборовѣ заключенъ, то, за силою трактатовъ, всѣ тѣ Козаки такъ изъ Литвы, яко и изъ Польши, выступили прочь.

ВТОРАЯ КОЗАЦКАЯ ВОЙНА.

Король Польскій, возвратившись въ Варшаву со славою и привѣтствіями отъ народа, кой не моглъ довольно засвидѣтельствовать ему радости своей и почтенія за учиненіе имъ принадлежащаго къ сохраненію Королевства, старался о установленіи на Сеймѣ, бывшемъ при окончаніи того года, всего того, что ко укрѣпленію не вдавнѣ заключеннаго мира съ Татарами и Козаками принадлежало. Заключеніе онаго Сейма, которое послѣдовало 12 генваря, 1650 года, состояло въ томъ, чтобы всѣ Польскіе солдаты тотчасъ были удовольствованы, чтобъ армія, которая въ Збарашѣ была въ осадѣ, въ разсужденіи оказанныхъ ею великихъ службъ, приняла втрое чрезвычайное жалованье, чтобъ Корона содержала безпрестанно армію отъ двадцати тысячей человѣкъ для охраненія границъ, чтобъ артикулы, учиненные между Королемъ, Козаками и Татарами въ Зборовѣ, были утверждены, чтобъ три Козацкіе шляхтича приняты были на публичныя званія, чтобъ, для способствованія въ тѣмъ тѣмъ великимъ иждивеніямъ 1650 года, учреждены новыя дачи во всей Польшѣ и Литвѣ, и чтобъ тако жъ Его Величеству новое дозволено было право къ прибавленію зборовъ въ казну съ купечества, за поднятые имъ труды въ послѣднемъ походѣ.

Еще за благо разсуждено учредить одного Сенатора въ Кіевѣ для

присматриванія по большой части Козацкихъ похожденій и для пресѣченія затѣевъ, которыя бъ могли быть противу трактатовъ. Адамъ Кисель, коему после отъ Короля Воеводство Кіевское дано, за способность его опредѣленъ къ той должности и для здѣланія ревизіи сорока тысячей человѣкъ, изъ которыхъ Козацкая армія состоять должна, въ силу заключеннаго мира, такъ какъ и для учрежденія военныхъ нужныхъ обрядовъ.

Хмельницкій заключеніе того мира содержалъ почти чрезъ цѣлый годъ ненарушимо и оказывался обращеніемъ своимъ добрыхъ мыслей; однакъ, опасываясь, чтобъ Поляки, коихъ онъ въ худомъ дѣлѣ обстоятельствъ принудилъ на толь чрезмѣрныя согласиться кондиціи, не раскаялись и не сыскали бы случая къ нарушенію ихъ, разсудилъ, не лучше ль будетъ, когда сильными властьми тѣ учиненные съ нимъ мирные трактаты подкрѣплены будутъ.

Въ таковыхъ будучи мысляхъ, искалъ онъ алліянціи у Порты и у Великаго Князя Московскаго, а по большей части у Порты, для которой думалъ онъ себя всему свѣту здѣлать страшнымъ, искалъ тако жъ и у Господаря или Князя Молдавскаго; однакъ, и инымъ образомъ употребляя на то хитрости и силы, вздумалъ дать объ немъ худыя внушенія Султанскимъ Министрамъ, въ коихъ мысль вперилъ ту, что яко бы онъ тайный ихъ непріятель, а вѣрной другъ Полякамъ, кои отъ него до тѣхъ поръ о предпріятіяхъ его и Татарскихъ увѣдомляемы были. Тѣ Министры, обнадеживъ Хмельницкаго Султанскою протекціею, увѣрили, что онъ обладателемъ Малой России, яко принадлежащей къ Оттоманской Портѣ ленной земли, будетъ, взяли отъ него подписку о послушности и вѣрности къ Султанской службѣ и дозволили ему произвесть надъ Княземъ Молдавскимъ то, что онъ желалъ. Однакъ поступилъ онъ въ томъ съ великою хитростію и лицемѣріемъ, употребляя къ тому Татаръ, къ которымъ присовокупилъ въ помощь и Козаковъ четыре тысячи человѣкъ; для лучшаго же прикрытія хитрости той уговорилъ Хана, чтобъ онъ чрезъ депутатовъ своихъ благодарилъ Хмельницкому за присланную ему помощь противу Черкесовъ и просилъ бы еще притомъ Козацкаго войска для нападенія на Москву, въ отмщеніе причиненныхъ ему отъ Великаго Князя обидъ. Что когда такъ и сбылось и сосѣдственные Государи думали, что Татары пошли на войну съ Москвою, а Волошскій Господарь, кой жребію тому подверженъ, жилъ въ обыкновенной глубокаго мира праздности и никогда о нападеніи на себя не думалъ, тою многочисленною арміею, Татарами и Козаками, нечаянно былъ атакованъ, и въ такомъ скоромъ и нечаянномъ случаи не вѣдая болѣе, что дѣлать, ретировался въ лѣсъ, состоящій неподалече отъ столичнаго города, Ясъ, въ гущинѣ котораго самъ съ фамиліею своею и съ немногими людьми, кои въ скорости собратьея къ нему могли, ретраншировался деревьями, откуда не могъ освободиться прежде, пока не далъ Татарамъ двадцати тысячей червонныхъ и не обѣщалъ Хмельницкому выдать дочери своей въ замужье за сына его, Тимофѣя, посредствомъ чего спасся онъ отъ многихъ другихъ пе-

чальныхъ кондицій, которыхъ тогда отъ него требованно.

Между тѣмъ миръ отъ Козаковъ былъ всегда нарушаемъ и число войска ихъ примножалось сверхъ положенія, а мужики, которые не внесены въ ревизію, будучи подъ Козацкимъ защищеніемъ, не хотѣли принимать къ себѣ своихъ владѣльцевъ, и какъ они пріѣзжали въ свои деревни, то мужики ихъ вовся не слушились, а иногда и въ смерть убивали. Таковой худой поступокъ, такъ какъ и нападеніе на Молдавію, принудило Гетмана Потоцкаго, которой недавно съ плѣни Татарской, въ которую онъ попался было вмѣстѣ съ Калиновскимъ въ 1647 году подъ Корсуномъ, освободился, маршировать, съ Польскою арміею въ Каменецъ.

Хмельницкій, за полученіемъ первой вѣсти о походѣ его, спужался было сначала весьма. Въ тоже время многіе были у него Депутаты отъ разныхъ Господъ, которые представляли жалобы о бунтѣ мужиковъ, продолжающемся до тѣхъ поръ, и что тѣ признавать ихъ за Господъ своихъ не хотятъ, то онъ, напившись допьяна, приказалъ было всѣхъ тѣхъ Депутатовъ слѣдуючей ночи потопить въ рѣку, къ чему тѣ, коимъ приказъ отданъ, были уже въ крайней поготовности; но когда Хмельницкій проспался и пьянственной шумъ съ головы вышелъ, и освѣдомясь отъ жены своей о таковомъ съумасбродствѣ, тотчасъ то отмѣнилъ, и въ слѣдъ за симъ послалъ одного изъ офицеровъ своихъ, именемъ Кронсевскаго, къ Гетману Потоцкому съ объявленіемъ о себѣ и что онъ не можетъ довольно надивиться о походѣ Польскихъ войскъ въ таковое время, когда Республика съ цѣлымъ свѣтомъ имѣетъ миръ и содержитъ въ своей диспозиціи сильную Козацкую армію для обереженія границъ. Но тотъ Генералъ учинилъ первѣе ему выговоръ за нарушеніе всякой почти день мира худыми поступками, происходящими шляхетству отъ собственныхъ ихъ подданныхъ, и за войну, которую Хмельницкій подняль безъ вѣдома его противу Князя Молдавскаго, о чемъ должно было ему, яко Коронному Гетьману, дать знать неотмѣнно. Притомъ сказалъ, что онъ не можетъ оставить сего мѣста, которое принялъ по Королевскому Указу, безъ особливаго отъ Его Величества повелѣнія. Таковъ отвѣтъ Депутату Хмельницкаго показался неправенъ, чего для, хотя сторонно и намекалъ, что господинъ его будетъ тѣмъ весьма недоволенъ, наводя въ рѣчахъ и начатки войны, однакъ тѣмъ не подалъ ни какого случая дальшему Поляковъ огорченію, по тому уповательно, что присутствіе Польской арміи и Гетмана Потоцкаго, коего онъ достоинство почиталъ и храбрости опасался, ему въ томъ препятствовали, или что тайныя Хмельницаго предпріятія въ полученіи ему Княжества не были еще въ совершенномъ дѣйствіи, кромѣ, что довольствовался одною экспедиціею, учиненною въ Молдавіи въ полученіи себѣ новаго союзника хотя силою оружія.

Между тѣмъ Украинское шляхетство находилось также отъ мужиковъ въ худомъ состояніи, равно какъ бы еще въ продолженіи войны, чего для многіе принуждены оттуда всякой день ретироваться. Господа, которые имѣли тамъ великія свои владѣнія, между которыми и Князь Виш-

невецкій, не получали оттуда почти ни какихъ доходовъ; безпрестанныя жалобы, которыя тѣ Господа заносили Королю, принудили Его Величество писать къ Хмельницкому, съ репримандами за войну, которую онъ вщалъ безъ повелѣнія его противъ Молдавскаго Господаря, и за обиды, причиняемыя шляхетству Польскому. Для того повелѣваетъ ему отпустить Запорожскихъ Козаковъ тотчасъ въ ихъ мѣста, а мужиковъ, которые вооружаются противу своихъ владѣльцовъ, наказать. Хмельницкій принялъ оное письмо съ видомъ великаго респекта, однакъ поступалъ въ исполненіи того, чего отъ него Король требовалъ, весьма лѣниво и напротивъ того старался въ тожъ самое время здѣлать вновь крѣпкой союзъ съ Турками и Великимъ Княземъ Московскимъ, у котораго искалъ онъ протекціи съ великимъ прилѣжаніемъ, лаская себя, что получа Великаго Князя защищеніе, будетъ въ лучшемъ авантажѣ и безопасности, нежели чрезъ алліянцію съ Туркомъ, по причинѣ единства Вѣры между Великороссіянами и Козаками. Однакъ Великій Князь тогда желалъ лучше пользоваться бунтомъ ихъ, нежели апробовать авантажъ, одержанной Хмельницкимъ надъ Поляками побѣды, которыхъ думано уже вовся быть побѣжденными; онъ подалъ случай Великому Князю Московскому здѣлать съ Поляками зачепку, надѣясь получить отъ нихъ, въ худомъ ихъ дѣлѣ обстоятельствъ, ревокацію трактата (который Россіяне принуждены были заключить съ покойнымъ Королемъ, Владиславомъ, подъ Смоленскимъ, гдѣ Король обезоружилъ всю ихъ армію, которая осадила было ту крѣпость, покорилъ), чего для чрезъ посланника своего требовалъ за безчестіе, нанесенное ему отъ Польскихъ Господъ, а паче отъ Князя Вишневецкаго и Конецпольскаго, въ недачи ему всѣхъ надлежащихъ титуловъ и въ писаніи уразительными терминами и несносными славѣ Московской націи, въ награжденіе того, чтобъ Республика уступила ему городъ Смоленскъ со всѣми къ нему принадлежностьми и уплатила бъ сто восемьдесятъ тысячей червонцовъ. На сіе требованіе Его Польское Величество къ Великому Князю отправилъ шляхтича, именемъ Барлинскаго, съ изъясненіемъ, что Посолъ Его Царскаго Величества требуетъ не по пристойности, а между тѣмъ приставилъ къ оному Послу и караулъ. Польской Посланникъ, возвратясь съ Москвы, привезъ таковъ отвѣтъ, который свидѣтельствовалъ болѣе склонности въ наблюденіи древнихъ съ Польшею трактатовъ, нежели въ нарушеніи ихъ въ самомъ дѣйствіи, и хотя Великій Князь радъ былъ о приращеніи Греческой вѣры, однакъ не весьма веселымъ окомъ смотрѣлъ на поступки Хмельницкаго, опасаясь, чтобы Козацкіе и мужицкіе бунты не вселялись и въ его землѣ, въ которой были уже нѣкоторыя искры огня того, кой зажегъ и Польшу. Московскій Посолъ, усмотрѣвъ отвѣтъ Государя своего не противъ его требованія, принужденъ предъ Королемъ и предъ Сенаторами сознать, что онъ тѣ пропозиціи здѣлалъ отъ себя, предупреждая своего Государя. Въ слѣдствіе чего миръ съ Великимъ Княземъ былъ подтвержденъ.

Безпрестанное Хмельницкаго съ Турками сношеніе, о коемъ уже

Польскій Король освѣдомился отъ сосѣдственныхъ Государей, пріятелей своихъ, такожъ и непристойные его поступки съ Республикою, принудили Его Величество собрать главный Королевства Сеймъ при окончаніи 1650 года, на которомъ тотъ Государь объявилъ несносное онаго Козацкаго Гетьмана обхожденіе, презрѣніе его самаго и Республики, обиды многимъ шляхтичамъ, лишившимся добръ своихъ, и недопущеніе къ поселенію ихъ, великія его войска, которыя онъ приумножать старается Татарами и Турками, и что въ единомъ моментѣ можетъ и еще собрать армію болѣе осьмидесяти тысячей человѣкъ, ибо всякъ Козакъ, введенный въ ревизію, коихъ число, по послѣднему трактату, должно быть только до сорока тысячей, требуетъ имѣть себѣ коннаго и пѣшаго слугу, кромѣ работника, и что конечное ихъ намѣреніе есть освободиться вовся отъ Республики и здѣлать особенной себѣ удѣлъ подъ Султанскою протекціею, такъ что они послѣ все предприять будутъ въ состояніи, если теченія вредительныхъ ихъ предприятій завременно не приудержать. На томъ собраніи были нѣкоторые, кои, приводя себѣ на мысль бѣдствія, причиненныя чрезъ послѣднюю войну, предпочли лучше миръ таковъ, каковъ быть можетъ, наводя и сіе, что силы Королевства знатно уменьшились, а Козацкія приумножились такъ чрезъ самихъ себя, яко и чрезъ помощь Оттоманской Порты, и разсуждали, не лучше ль оставаться при Зборовскихъ трактатахъ, нежели вщинать войну. Однакъ другіе, коихъ число далеко большее было, принимая въ разсужденіе такъ будущее, яко и бывшее, представили, что одна изъ двухъ вещей быть должна: или разорить Козаковъ, или оставить бѣдственно погибать Королевство; ибо Король имѣетъ надъ ними однимъ только титуломъ власть, и таковую, какову они сами хотять, и понеже помышляють уже они о учрежденіи Княженія, то изъ сего не инаго ожидать, какъ одныхъ печальныхъ слѣдствіи, когда сему расти и укрѣпляться время дано будетъ; они же толкуютъ трактаты такъ и въ такомъ разумѣ, какъ имъ нравится; но извѣстно, что Республика имѣетъ еще знатное войско, когда только командированіе его доброе будетъ, и что оно въ нынѣшнемъ состояніи способнѣйшое къ приудержанію новопроисходящой власти, нежели къ сопротивленію ей тогда, когда она возвысится и укрѣпится болѣе; что Король ихъ есть храбръ, добръ и великодушенъ, и который прежде съ малою арміею оказалъ велику славую, то и нынѣ можетъ знатной авантажъ одержать надъ своими неприятелями; да и Республика учинить знатное вспомоществованіе не откажется. И какъ сіе продолжалось, новыя отъ Козаковъ требованія представлены, что привело всѣхъ на Сеймѣ Депутатовъ къ общему согласію и единомышленному предпріятію войны противу нихъ; требованія же тѣ состояли въ семъ, чтобъ, за силу трактатовъ, учиненыхъ въ Зборовѣ, соединеніе Греческой Церкви съ Римскою оставлено было; чтобъ Хмельницкій по той сторонѣ Днѣпра былъ самовластный Господинъ; чтобъ въ той провинціи ни одинъ изъ Польскихъ Господъ и ни шляхтичь Польскій не имѣлъ на-

впредь ни какой власти надъ подданными; чтобъ, ежели шляхетство пожелаетъ тамъ жить, то долженствуетъ работать тамъ, какъ подданный; чтобъ девять Епископовъ на полномъ собраніи присягли о наблюденіи всего того, что выше упомянуто, и чтобъ въ закладъ дано Хмельницькому четыре Воеводы по его избранію, за что обѣщаваетъ Хмельницкій Королю на всякой годъ давать двадцать миліоновъ золотыхъ; а после всѣ сіи требованія сократили на четыре, то есть, чтобъ опредѣлены имъ были въ наслѣдіе земли, въ которыхъ могли бы они жить, не имѣя ни какой коммуникаціи съ Поляками; чтобъ Его Величество и двѣнадцать главнѣйшихъ Королевства Сенаторовъ присягою утвердили сохраненіе Зборовскаго мира; чтобъ, для большаго увѣренія, три изъ тѣхъ Сенаторовъ были при Козацкомъ Гетьманѣ, и чтобъ болѣе не было соединенія между Рямлянами и Греками. Однакъ, когда всѣ тѣ требованія показались чрезмѣрныя и да никто не могъ увѣриться на такомъ человѣкѣ, кой не довольствовался вѣрою, которую Король и Республика учинили ему въ конфирмацію Зборовскаго трактата, послѣдовавшую на прежде бывшемъ Сеймѣ, то и не предприято болѣе ни какихъ мыслей, какъ о войнѣ, чего для и опредѣлено здѣлать наборъ солдатовъ отъ пятьдесять тысячей человѣкъ и собрать все войско шляхетское въ случаѣ нужды. Однакъ, много было о семъ противныхъ мнѣній, для того, чтобъ нѣкоторое воинство собраніемъ защадить, яко коръ-де резервъ, для послѣднѣйшихъ крайностей, и разсуждено лучше прибавить число солдатскаго набору. Въ слѣдствіе сего опредѣлено начать войну прежде весны для отнятія Козакамъ времени къ приуготовленію себя и для лучшей способности въ марщированіи прежде распущенія рѣкъ и болотъ, коими они себя ординарно защищаютъ въ походахъ и лагеряхъ своихъ; сверхъ сего, чтобъ Козаки въ зимнее время не могли имѣть помощи отъ Турковъ и Татаръ, развѣ съ великою трудностію, ибо Турки къ холодамъ не приобыкли, а Татаре въ то время для лошадей своихъ сыскать фуражу не могутъ. Однакъ, тотъ проектъ не моглъ такъ вскорѣ прійти въ дѣйство; войско, кого наборъ опредѣленъ на Сеймѣ, не могло быть въ такомъ скоромъ времени собрано и обучено; за тѣмъ Король отправилъ только Фельдмаршала или Польнаго Гетьмана, Калиновскаго, въ походъ для береженія границъ отъ нападеній Козацкихъ, съ тѣмъ притверждеціемъ, что когда Козаки лучше пожелаютъ имѣть войну, нежели миръ, то бы приудерживалъ ихъ заключеніемъ Зборовскаго трактата.

Намѣренія Хмельницкаго, противныя миру, тотчасъ оказались явны чрезъ непріятельскіе поступки на границахъ. Нечай, одинъ изъ его Генераловъ Маіоровъ (былъ онъ Полковникомъ Брацлавскимъ), кой имѣлъ съ собою три тысячи человѣкъ, разорилъ всю ту страну огнемъ и мечемъ, и велѣлъ, въ присутствіи Турецкаго Посланника, убивать въ смерть депутатовъ воеводства Брацлавскаго, за что и достойное понесъ наказаніе; ибо когда войсками Воеводы Калиновскаго загнатъ былъ въ городъ Красно, и когда, не могучи болѣе защищать сего, принужденъ

былъ ретироваться, нѣкоторая часть войска его осталась разрублена на куски, въ томъ числѣ и самъ онъ пропалъ: одинъ шляхтичь, именемъ Байбуца, собственною своею рукою убилъ его. Такожъ и другая часть, которая заперлась было въ другихъ мѣстечкахъ, тѣмъ же пострадала образомъ, мѣстечка же тѣ разграблены и обращены въ пепель. Богунъ, другой Козацкій Генералъ на мѣстѣ Нечая, маршировалъ противъ Калиновскаго и овладѣлъ городомъ Винницею надъ рѣкою Богомъ; но Поляки, переправившись чрезъ ту рѣку, хотя съ великомъ трудомъ, взяли ту крѣпость штурмомъ, гдѣ многихъ своихъ неприятелей побили въ смерть, а наконецъ Козаки, съ помощію Глуха, Полковника своего Уманскаго, оправившись, прогнали Поляковъ изъ города прочь; однакъ мало после опять Поляки одержали мѣсто. Когда же Богунъ полками Чигиринскимъ, Прилуцкимъ, Лубенскимъ и Брацлавскимъ, изъ коихъ всякъ состоялъ отъ двухъ тысячей человѣкъ Козаковъ, подкрѣпляемъ былъ, то Калиновскій принужденъ отступить отъ города и, оставя въ немъ только для охраненія его нѣсколько инфантеріи съ служительми и богажемъ арміи его, поставилъ полки свои въ полѣ въ ордеръ-баталіи; оставшіеся же въ Винницѣ 1651 года, чрезъ послѣдовавшій между ними страхъ, разграбили между собой весь богажъ и бѣжали оттуда, а Козаки, обложивши отъ всѣхъ сторонъ Польскія войска, принудили ихъ ретироваться въ безпорядкѣ подъ крѣпость Баръ, въ которой ретирдѣ потеряли они четыре тысячи пять сотъ человѣкъ пѣхоты и артилеріи.

Таковое нещастіе принудило Польскаго Короля, который шолъ тогда пелгримомъ въ Литву до Зировича на поклоненіе, возвратиться вскорости къ границѣ, гдѣ Гетьманъ Потоцкій собиралъ войска неподалече Сокаля. Сей Государь, прибывши въ Люблинъ, извѣстился о нападеніи Козаковъ на Подолію и объ учиненномъ между Солтаномъ и Хмельницкимъ союзѣ, о которомъ получилъ онъ такожъ вѣдомости отъ Императорскаго Посла, обрѣтающагося у Порты, въ слѣдъ чего приказалъ тотчасъ собрать на войну всѣ войска и шляхетство.

Калиновскій, которой изъ Бару ретировался въ Каменецъ, за полученіемъ ордера о прибытіи ему въ скорости къ большой арміи, оставилъ довольный гарнизонъ для защищенія той крѣпости, которая цѣлой Польшѣ и всему Христіянству была защитою отъ непріятелей, маршировалъ туда, за которымъ, въ слѣдъ его, шли восемнадцать тысячей Козаковъ и двѣ тысячи Татаръ; остальное же ихъ войско, котораго, по сказкамъ, было болѣе семидесяти тысячей, начало атаковать Каменецъ безъ повелѣнія и вѣдома ихъ Гетьмана. И такъ взявши первѣе хитростію замокъ, стоящій неподалече оттуда, и получивши тамъ знатную добычь, дѣлали многія усиленія на оную крѣпость, однакъ всуе, ибо всегда прогоняемы были съ такимъ великимъ урономъ, что чрезъ то пришли было въ ярость и намѣрились перерубить всѣхъ своихъ старшинъ, которые подвергли ихъ къ такому опасному мѣсту безъ сообщенія о семъ Хмельницкому, которой какъ скоро увѣдалъ о томъ, послалъ тотчасъ ордеръ отсту-

пить оттуда. Тѣ, которые съ яростію гнались за войскомъ Калиновскаго, не лучшій отъ сихъ имѣли авантажъ; атаковали они его иногда спереди, иногда со стороны, а иногда сзади, однакъ всегда мужественно прогоняемы были, хотя съ всегдашнимъ урономъ нѣсколькихъ Польскихъ солдатъ.

1651 года, Мая 14 дня, была атака близъ Зборова, гдѣ Козаки, когда напали между протчими на полкъ Собіескаго, то потеряли многихъ своихъ, въ которыхъ числѣ былъ Козацкій Полковникъ, Кононовичъ, и Татарскій Мурза. Наконецъ, Гетьманъ Калиновскій принужденъ былъ, по причинѣ худыхъ переправъ и трудныхъ дорогъ, оставить обозъ свой, а для награжденія, какимъ бы то ни было образомъ, того урона, а паче, чтобъ показать армію свою многочисленнѣйшею непріятелю, велѣлъ служителямъ сѣсть на лошадей, кои были подъ обозомъ, и такъ, по выдержаніи разныхъ аттакъ и безпокойствъ въ походѣ, прибылъ благополучно, послѣднихъ чиселъ Мая, въ армію Королевскую.

Полки, набранные на коштъ Республики, и Господскіе собрались туда отъ всѣхъ сторонъ; числомъ ихъ было до десяти тысячей человѣкъ, а всѣхъ, вмѣстѣ съ шляхетствомъ, сто тысячей человѣкъ, кромѣ служителей, коихъ число было весьма великое, да и по большой части на лошадяхъ и вооружены. Оная многочисленная армія не могла чрезъ долгое время на одномъ мѣстѣ быть безъ утерпѣнія недостатковъ въ провіантѣ и Фуражѣ; за тѣмъ Король учредилъ всевозможные порядки къ предупрежденію тѣхъ недостатковъ, и намѣрилъ дать войску тотчасъ чѣмъ упражняться. Въ великомъ военномъ совѣтѣ, который чрезъ цѣлую ночь продолжался, нѣкоторые здѣлали пропозицію о раздѣленіи арміи на два корпуса и о посылкѣ одного изъ тѣхъ, состоящаго изъ содержащихся на жалованьи людей, противу непріятеля, а Его бы Величество оставался до времени въ Сокалѣ съ собраніемъ шляхетскаго войска, яко коръ-де-резервомъ, для употребленія его въ самомъ нужнѣйшемъ случаѣ. Сего мнѣнія ни Король и ни другіе главнѣйшіе офицеры не апробали, доказывая то, что если раздѣлить армію такимъ образомъ, то она можетъ легко отъ непріятеля атакована и преодолѣна быть; если же будетъ вся вмѣстѣ, то не только будетъ въ состояніи сразиться съ непріятелемъ, но еще и побѣдитъ его; за тѣмъ, не раздѣляя, опредѣлено итти прямо на непріятелей близкимъ и легкимъ путемъ чрезъ Берестечко. Король принялъ тотъ маршрутъ 15 Іюня со всѣмъ войскомъ, а прежде сего отправилъ разныя партіи для поимки языка о Козакахъ; увѣдавши же, что болотистое мѣсто, по пути безчисленному обозу весьма будетъ препятствіемъ къ маршированію всѣмъ вмѣстѣ, разсудилъ за благо раздѣлить войско на десять бригадъ, если ихъ такъ назвать можно, корпусы отъ десяти до двадцати тысячей человѣкъ состоящіе. Первую бригаду, которая состояла изъ войска, содержащагося на жалованьи, при себѣ оставилъ, другую поручилъ въ команду Гетьману Потоцкому, третью Полевому Гетьману Калиновскому, Воеводѣ Черниговскому, четвертую Яну Симону Шкавинскому, Воеводѣ Бретсткому, пятую Князю Вишневецкому, Вое-

водѣ Рускому, шестую Станиславу Потоцкому, Воеводѣ Подольскому, седьмую Великому Маршалу Королевства, Любомирскому, осьмую Станиславу Ландскоронскому, Воеводѣ Брацлавскому, девятую Вице - Канцлеру Литовскому, Сапѣгѣ, десятую Конецпольскому, Великому Хорунжому Коронному. Польская армія на утрешній день, 16 Іюня, пришла въ Вигнанку, мѣсто, изобильное водами и пастьбою, гдѣ увѣдомились отъ солдата, который изъ Козацкой арміи бѣжалъ, что Хмельницкій рушился съ лагеря своего, между Збарашемъ и Вышновичемъ, для встрѣчи Хана, котораго онъ ожидалъ съ нетерпѣливостію и котораго упросилъ онъ въ помощь, не будучи надеженъ на силы свои, хотя имѣется при немъ чрезвычайное множество бунтовщиковъ мужиковъ, соединившихся съ его Козаками, а Татаръ имѣлъ онъ тогда только шесть тысячей человѣкъ.

Король, прибывши въ городъ Берестечко, коего владѣлецъ, Графъ Делесно, Подкоморій Бреста Литовскаго, положился лагеремъ близъ оного города въ длину по рѣкѣ Стырь, которая отъ всѣхъ сторонъ окружаетъ его, откуда отправилъ тотчасъ три тысячи конницы, подъ командою Стемковскаго и Чернецкаго, для подлиннаго увѣдомленія о походѣ непріятелей. А какъ отъ пойманныхъ нѣсколькихъ плѣнниковъ увѣдомился, что Ханъ уже къ Хмельницкому присоединился съ многочисленною арміею и посланы партіи для увѣдомленія о мѣстѣ и состояніи арміи Польской, то, по таковому увѣдомленію, разсудилъ Король, на военномъ совѣтѣ, снять лагерь отъ Берестечка и маршировать къ одержанію мѣста въ городъ Дубно, принадлежащій воеводству Краковскому. Обозъ начался было уже рушать и армія маршировать, въ томъ намѣреніи, чтобъ атаковать Козаковъ, гдѣ она ихъ ни постигнетъ, какъ Князь Вишневецкій, который былъ тогда на отводномъ караулѣ, прислалъ съ объявленіемъ къ Королю, что Хмельницкій и Ханъ марширують весьма поспѣшно прямо на него. И такъ мнѣніе Гетьмана сбылось, кой извѣстился отъ мужика, что непріятель ласкаетъ себя викторіею, если можетъ постигнуть Польскую армію на дорогѣ, совѣтовалъ стоять крѣпко при Берестечкѣ; за тѣмъ богажъ, кой уже пошелъ было, возвращенъ назадъ, а армія только что вступила въ лагерь, то переходящіе люди объявили, что вся Козацкая и Татарская армія приближилась уже къ Перепетину, деревнѣ, за пять сотъ шаговъ отъ сего города состоящей. Король и Генералитетъ поставили тотчасъ Польскую армію въ ордеръ - баталіи, оставляя непріятелю на сторонѣ рѣку Стернъ, а отъ лѣсу, поблизу тамо находящагось, поставили разныя отъ инфантеріи пелетоны, опасаясь засады.

27 Іюня, наканунѣ, десять тысячей Татаръ съ ихъ табора приблизились къ Польской арміи для узнанія о состояніи ея, показаніемъ вида къ вызыванію на брань. Великій Маршалъ и Великій Хоренжій, не терпя ихъ хвастовства, вышли въ встрѣчу имъ, за дозволеніемъ Гетьманскимъ, съ своими и Вишневецкаго полками и сразиваясь чрезъ долгое время съ ними, прогнали ихъ, и бьючи провели ихъ на полмили. 28 - жъ того теченія послѣдовало срожайшое нападеніе,

Ханъ сталъ въ ордеръ баталію на высокомъ мѣстѣ въ виду Поляковъ, со всею своею арміею и съ нѣсколькими Козацкими выбранными полками. Армія Польская выстроилась также въ ордеръ-баталію; полки воеводствъ Брестскаго и Померанскаго, Князя Богуслава Радзивила, Воеводы Витепскаго, съ кавалеріею Премысльскою и Волынскою, вышли аттаковать Татаръ. Сіи, желая поискать реванжъ за прошлой день и видя, что оная кавалерія малою частію инфантеріи подкрѣплена, напали на нее великими своими эскадронами. Ландскоронскій первое ихъ усиленіе выдержалъ, однакъ съ урономъ многихъ своихъ, между которыми и брата своего потерялъ; посля сего вдругъ, когда многимъ числомъ невѣрныхъ окружены были, то присланы имъ въ помощь полки Гетьманскіе, Короннаго и Полеваго, Воеводы Рускаго, Великаго Маршала и Сапѣги, за прибытіемъ которыхъ брань усилилась, гдѣ многія отъ обоихъ сторонъ побѣды были. Татаре потеряли своихъ около тысячи, изъ которыхъ нѣсколько знатныхъ достались въ плѣнъ, между коими Ханскій секретаръ былъ, а съ Польской стороны убитыхъ было триста, между коими числились: Казановскій, Каштелянъ Галицкій, Осолинскій, Староста Люблинскій, внукъ покойнаго Великаго Канцлера, Стадницкій, Подкоморій Саноцкій, мечникъ Премысльскій, Ржечинскій, Журданъ и многіе шляхтичи воеводства Ленчицкаго. И такъ день двадцать осмой Іюня окончился.

Наканунѣ того дня разсуждано въ военномъ совѣтѣ, что намѣреніе непріятелей состоитъ въ продолженіи времени чтобы привесть Поляковъ къ истощенію всего провіанта и чрезъ то прийти самимъ имъ въ разореніе въ землѣ отдаленной отъ таковыхъ мѣстъ, съ которыхъ бы можно получать въ провіантѣ пособствованіе, и что для того лучше дѣйствовать арміею, когда она еще въ своей силѣ есть; за тѣмъ и опредѣлено на утрешній день дать баталію. Король большую часть ночи провелъ въ молитвахъ и въ раздаяніи нужныхъ ордеровъ, а на разсвѣтѣ повелѣлъ построить армію вновь къ баталіи, безъ всякой о томъ непріятеля примѣты, къ чему не мало пособствовалъ чрезъ чуръ густой туманъ, который съ утра до десятаго часа продолжался. Правое крыло первой линіи командированно было Гетьманомъ Потоцкимъ, а по немъ Ландскоронскимъ, Воеводою Брацлавскимъ, Опалинскимъ, Воеводою Познанскимъ, Любомирскимъ, Великимъ Маршаломъ Королевства, Сапѣгою, Вицеканцлеромъ Литовскимъ, Конецполскимъ, Великимъ Хоронжимъ Короннымъ, Графомъ Владиславомъ Делесно, Подкоморіемъ Познанскимъ, двома Собіескими, сынами покойнаго Каштеляна Краковскаго, и другими господами, кои на собственномъ, своемъ коштѣ содержали войска.

Лѣваго крыла командированіе поручено полевому Гетьману Калиновскому, Князю Острогскому и Заславскому, Воеводѣ Брестскому, Князю Вишневецкому, Воеводѣ Рускому, Станиславу Потоцкому, Воеводѣ Подольскому Яну Замойскому, и Полковнику Яну Денгофу, Лифляндцу. Многіе изъ нихъ соединили войска свои съ войсками Республики, а Король принялъ въ смотрѣніе свое корпусъ баталіи, состоящей изовсей инфантеріи Нѣ-

мецкой и Польской, предъ фрунтомъ котораго была артилерія, подъ командою Сигизмунда Пріемскаго, Генерала артилерійскаго, которой чрезъ долгое время служилъ Генералъ-Майоромъ при Шведской арміи въ Нѣмецкой землѣ. Вторая линія, въ которой Его Польское Величество избралъ себѣ мѣсто, состояла изъ одной кавалеріи подъ командою, между прочими офицерами, Тышкевича, Великаго Подчашаго Литовскаго; коръ-де резервъ былъ въ командѣ Полковника Мейделя, Оберъ-Егермейстера, и Денгофа, Старосты Сокальскаго, и состоялъ онъ такъ изъ кавалеріи его и Господъ Грузинскаго и Розрасревскаго — какъ и изъ инфантеріи Принца Карла, брата Королевскаго, и господъ Конецпольскаго и Полковника Деплеисъ, Француза. Весь богажъ съ аммуниціею оставленъ въ лагерѣ, который съ одной стороны былъ ретраншированъ, а съ другой прикрытъ городомъ и рѣкою, а для охраненія его оставилъ Король нѣсколько полковъ инфантеріи, которые издалека казались многочисленнѣйшие, нежели въ самомъ дѣлѣ были, по причинѣ копьевъ, оставленныхъ, по повелѣнію Короля, гусарами, кои всѣ имѣли въ верхъ красные флачки, и когда поставлены были по примѣру ордера баталіи, дѣвали изрядный видъ. Когда солнце разсыпало туманъ, который до тѣхъ поръ сію армію содержалъ въ закрытіи, то аки бы занавѣса поднята въ верхъ на перспективѣ театра: Польская армія въ томъ порядкѣ показалась глазамъ непріятелей, кои увидѣвши ее въ такомъ многочисленномъ состояніи, ужаснулись; однакъ войска ихъ не перестали быть прежними, имѣя еще болѣе трехъ сотъ тысячей человѣкъ, которые столько земли захватили, какъ глазамъ заусмотрѣть можно было. Татаре, завладѣвши нѣкоторыми высокими ближными мѣстами, коихъ покатость была весьма пріятна, положились на всемъ томъ мѣстѣ по примѣру растущей луны; они по правой сторонѣ имѣли Козаковъ, которые стояли противу Польскаго лѣваго крыла, смѣшанны съ разными эскадронами Татаръ; тамъ же предъ тѣмъ былъ Козацкій таборъ, состоящій изъ многихъ разнаго сорту возовъ, въ посредкѣ которыхъ находилась партія ихъ войска, которые въ такомъ состояніи будучи, могли бы разныя выдержать нападенія.

Когда обѣ арміи такимъ построились образомъ, цѣлое утро проходило въ легкихъ нападеніяхъ. Король, сомнѣваясь, чтобъ непріятельское нападеніе не состояло въ томъ только, чтобъ ихъ армію уводить малыми сраженіями, а слѣдующей ночи дѣйствительную дать атаку, что произвесть лучше въ темнотѣ думали, запретилъ, подъ лишеніемъ жизни, всѣмъ своимъ солдатамъ не выступать отъ ихъ мѣстъ безъ повелѣнія, и приказалъ порубать всѣ мосты по рѣкѣ Стыру, чтобы, въ случаѣ, и сзади не здѣлана атака; тѣмъ средствіемъ принудилъ своихъ въ нуждѣ добро дѣлать, пресѣкая имъ всю надежду ко спасенію. А чтобъ не напрасно прошелъ день, который въ силу уже моглъ довольнымъ быть къ генеральной баталіи между двумя арміями таковаго количества, которое не меньше четырехъ сотъ тысячей человѣкъ дѣлало, началъ повелѣвать дѣлать раз-

ныя сальвы изъ пушекъ на непріятельскую армію, приказывая подкачивать ихъ впередъ арміи своей, и палить отъ часа въ часъ, такъ, чтобы досягнуть могло высокости, гдѣ стояли Татаре. Многіе, видячи, что день уже проходитъ, желали, чтобы брань отложена была на утрешній день, а другіе содержали противно, опасаясь, чтобы Козаки на Польскую армію не напали ночью съ ихъ табора, кой они чрезвычайно укрѣпили, и чтобы не принудили ее оставить мѣсто баталіи. И такъ Его Величество велѣлъ начать атаку Князю Вишневецкому, который и началъ съ двѣнадцатью ротами старыхъ солдатъ, подкрѣпляемъ Воеводою Подольскимъ и шляхетствомъ воеводствъ Сендомирскаго, Ленчицкаго и Премысльскаго. Козаки приняли ихъ весьма храбро и продолжалась обопольная брань около часа, во время которой дымъ и пыль отняли было видъ тѣхъ полковъ изъ глазъ другихъ; и какъ они начали ослабѣвать, то Король завременно прислалъ имъ въ помощь свѣжое войско, за прибытіемъ котораго Козаки прогнаны въ ихъ таборъ, а Татаре, помогающіе Козакамъ, на ихъ же мѣсто. Между тѣмъ маршировалъ Король въ боевомъ порядкѣ противу Татарскаго корпуса; правое крыло пріостановилось въ лѣсѣ для пресѣченія намѣренія непріятельскаго, которые были въ засадѣ для обнятія Польской арміи въ случаѣ замѣшательства, тотъ Государь, который приказалъ проводитъ артиллерію предъ собою, съ которою Генералъ Пріемскій управлялся весьма хорошо и съ великимъ успѣхомъ, оставя низину горы Татарамъ, взойшолъ по степенямъ въ верхъ, выдержавъ огонь изъ Янычарскихъ карабиновъ, кои въ слѣдъ по немъ палили. Его Польское Величество на томъ мѣстѣ былъ въ крайней опасности своей особы: четыре ядра Татарскихъ пушекъ, кои стояли при лѣсѣ, проходя поузъ его, одна изъ тѣхъ пала при ногахъ его. Поляки отдали имъ тотчасъ замѣну. Переводчикъ Его Польскаго Величества на языкахъ Турецкомъ и Татарскомъ увѣрилъ Короля, что Ханъ былъ въ персонѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ виденъ большой бѣлый штандартъ; Король приказалъ туда навесть пушку, изъ которой за первымъ выстрѣломъ убитъ изъ главнѣйшихъ офицеровъ Татарскихъ одинъ, кой стоялъ близъ Хана, отъ чего Ханъ такъ сильно спужался, что и не зналъ болѣе куда ретироваться. Армія его, прогнанная съ горы, ему послѣдовала, оставя на мѣстѣ нѣсколько эскадроновъ для прикрытія своей ретирады и для дальшаго Поляковъ задержанія; однакъ сіи рушились тотчасъ въ слѣдъ за ними, и гнали ихъ на полторы мили. Ночь и скорость ихъ лошадей подала имъ безопасность, однакъ оставили они въ ихъ ретирадѣ многихъ своихъ раненыхъ и мертвыхъ, коихъ инако приобыкли брать съ собою и жечь въ ихъ походѣ, когда время дозволитъ, почитая себѣ за беззаконіе оставлять таковыхъ въ рукахъ Христіянскихъ; они оставили такожь, при томъ, много экипажу, какъ-то: платья, сѣдель, сабель, тѣлегъ, такожъ палатку и штандартъ своего Хана, и малой барабанчикъ серебраной съ позолотою, прикрытъ кожею, коего они употребляютъ въ мѣсто бранцала для созыванія. Многіе Поляки, ко-

торые были уже въ плѣну у тѣхъ невѣрныхъ, получили тогда свою свободу; они также притомъ многихъ Татаръ побили, усмотря, что они ихъ весть далѣе въ ихъ ретирадѣ не въ состоянiи. Того дня убѣгли они еще до десяти миль Французскихъ (Рускихъ верстъ пятьдесятъ). Когда же Король посламъ въ погоню за Татарами разные деташаменты кавалерiи, то тогда атаковали его самаго, съ остальнымъ его войскомъ, Козаки, коихъ было еще болѣе двухъ сотъ тысячей, и при нихъ сорокъ пушекъ, изъ которыхъ продолжалась безпрестанная пальба. Хмельницкiй и самъ пошолъ за Татарами, въ намѣренiи томъ, чтобъ ихъ паки возвратить къ брани; однакъ не могль ихъ на то уговорить, и напротивъ того Ханъ поносилъ еще его весьма худо, выговаривая ему обманъ его и что онъ утаилъ предъ нимъ состоянiе Польскаго войска, котораго онъ ему представлялъ числомъ двадцать тысячей человѣкъ; притомъ грозилъ ему послать его самаго къ Польскому Королю въ обмѣнъ Мурзъ, коихъ Король содержалъ въ плѣнѣ. Какъ бы то ни было, однако Ханъ не хотѣлъ его отпустить отъ себя, пока не пошлетъ въ Чигринъ ордера, чтобъ ему выдана была знатная сумма денегъ и часть корысти той, которую онъ предъ симъ получилъ съ Польши. Король слѣдуючой ночи приказалъ отпѣть благодарственный молебенъ на мѣстѣ баталiи за оную побѣду, въ полученiи которой потерялъ онъ своихъ тысячу двѣсти человѣкъ, с непрiятели вшестеро болѣе; онъ провелъ ту цѣлую ночь, проѣзжая въ каретѣ, и хотя большой лилъ дождь, однакъ не оставилъ онъ, чтобъ артиллерiя не была свезена на гору, оставленную отъ Татаръ для разбитiя въ прахъ Козацкаго табору. Козаки, не смотря также на тотъ дождь, окопали таборъ свой широкимъ и глубокимъ рвомъ, а гдѣ мѣста худыя и открытыя были, укрѣпили мускетерами, сзади же имѣли большое болото, которое ихъ крѣпко обнадеживало. Они, за отлучкою Хмельницкаго, поручили командированiе армiи своей одному изъ ихъ старшинъ, именемъ Джеджелiю, Полковнику Кропивянскому, ужасному свирѣпствомъ человѣку, и, изыскуя всѣхъ возможныхъ средствiй, полезныхъ ко спасенiю себя, писали къ Королю съ прошенiемъ милосердiя и съ засвидѣтельствованiемъ крайняго желанiя о мирѣ; но когда они имѣли оружiе въ рукахъ, тогожь времени и перо, то прошенiе ихъ не принято: Король не думалъ болѣе, какъ ихъ только привесть силою, а паче тогда, когда онъ извѣдалъ, что они начали уже быть между собою несогласны. Нѣкоторые изъ офицеровъ увѣдомились, что лагеръ ихъ полонъ воды и удерживаютъ теченiе ея плотиною, а между тѣмъ положено намѣренiе отмѣнно разорить Козацкой лагеръ въ конецъ и для того велѣно препроводить большую пушку изъ крѣпости Бродовъ, которая покойнымъ Гетьманомъ Конецпольскимъ сдѣлана была; такожъ здѣланы мосты повыше и ниже ихъ лагера, для коммуникацiи Польскихъ войскъ, и подѣланы шанцы и редуты на низшихъ мѣстахъ для поставленiя тамо артиллерiи.

4 Iюля Козаки однимъ изъ тѣхъ шанцовъ завладѣли, гдѣ было двѣ пушки и восемьдесятъ Поляковъ на караулѣ; симъ Козаки посру-

бовали головы косами, коихъ ординарно инфантерія Козацкая употребляетъ вмѣсто копьевъ. Генералъ Губальдъ, прискакавъ туда, вскорѣ прогналъ ихъ оттуда и не допустилъ имъ взять пушекъ, которыя они уже провадили въ таборъ свой. Тогожъ дни одержали они одинъ пригорокъ, средствіемъ котораго могли они легко наблюдать ходячихъ на настьбѣ лошадей своихъ. Великій Хоренжій прогналъ ихъ оттуда и взялъ у нихъ пять сотъ лошадей. 5-го того жъ теченія выступили они изъ лагеря въ великомъ числѣ и порядкѣ, что подало думать Полякамъ, что они хотятъ имъ дать новую баталію; однакъ, послѣ довольнаго сопротивленія, прогнаны были и паки въ ихъ ретраншаментъ, гдѣ потеряли Козаки своихъ болѣе четырехъ сотъ человѣкъ. Соколъ и Насочинъ ранены отъ Польской стороны въ томъ замѣшательствѣ, которое послѣдовало съ великимъ огнемъ артиллеріи отъ обѣихъ сторонъ, что много шуму и трескоту надѣлало.

Козаки, видя себя въ худомъ выигрышѣ, похотѣли было употребить хитрости: слѣдуючей ночи всѣми своими силами аттаковать Польскую армію; однакъ намѣреніе ихъ открылось, первѣе чрезъ случившийся дождь, а после чрезъ недремливость Короля и его Генераловъ, которые усугубили карауловъ. Между тѣмъ Мегеметъ Челембей, Польскій Татаринъ, который съ давняго времени былъ въ службѣ Гетьмана (кой после здѣлалъ его Капитаномъ), возвратившись съ погони Татаръ въ лагерь, привелъ съ собою плѣнника, Татарина знатнаго, именемъ Муртаза Агу, Ханскаго совѣтника, кой будучи въ баталіи раненъ, не могъ слѣдовать за своими, и откуповаясь у Челембея, давалъ ему пятьнадцать тысячей решедалей; но Челембей, предпочитая вѣрность, которую онъ имѣлъ съ многихъ годовъ Гетьману, Господину своему, не лакомясь деньгами и другими знатными авантажами, которые тотъ Татарской господинъ ему обѣщивалъ, если онъ въ свою землю возвратится, не хотѣлъ того учинить и при томъ рапортовалъ, что сыскалъ по дорогамъ болѣе тысячи Татаръ мертвыхъ и раненыхъ смертно, коими Татаре въ бѣгствѣ своемъ не хотѣли себѣ дѣлать препятствія, изъ чего примѣтить можно, что они чрезвычайно спѣшили, ибо обыкновеніе ихъ лучше жечь мертвыхъ, нежели ихъ оставлять неприятелямъ.

Козаки, коихъ послѣднее предпріятіе не сбылось, остались болѣе въ заключеніи и безпокойствѣ; одно было имъ только средство въ удобности выходу, кой они соблюли по причинѣ болотъ, такъ для пастьбы, яко и для ретирады; однакъ Полковникъ Балабанъ, который стоялъ лагеремъ съ тысячью человѣкъ по другой сторонѣ рѣки, началъ-было силиться на то, чтобъ имъ дать свободу и проходъ; затѣмъ намѣрено отсюду переправить великое число войска на ту сторону для совершеннаго у нихъ той стороны отнятія.

Наконецъ, когда Польская артиллерія разбивала Козацкой таборъ съ такимъ успѣхомъ, каковаго прежде еще не было, то Козаки принуждены были выслать отъ себя трехъ Депутатовъ, именемъ: Крезу, Полковника Чигиринскаго, Гладкаго, Полковника Миргородскаго, и Лободу, Полковника Переясловскаго, для испрошенія мира; они адресо-

вались первѣе къ Гетьману, который, давъ имъ строгой репримандъ за ихъ безчеловѣчія и невѣрность, сказалъ, что они здѣлали уже себя недостойными милости Его Величества и Христіянскихъ съ ними поступковъ для безчестной аллиянсіи, учиненной ими съ Турками и Татарами.

Однакъ Король, по усовѣтованію Сенаторовъ, допустилъ ихъ къ аудіенсіи подъ балдахинъ, разбитый на горѣ, съ которой Татаре прогнаны; они пали ницъ предъ тѣмъ Государемъ, подноси писаніе подъ именемъ всѣхъ Козаковъ, съ многократнымъ прошеніемъ милосердія, повторяя всегда тоже словесно всѣ имъ чиненные запросы и цѣлуя въ руки и въ платье всѣхъ Сенаторовъ, предстоящихъ тамо. Его Величество держалъ о томъ совѣтъ, а имъ чрезъ Епископа Кулмскаго, своего Великаго Канцлера, отвѣтствовалъ такъ, что, хотя ихъ преступленія были таковы, что имъ чрезъ то должно всю потерять надежду прощенія, однакъ Его Величество, подражая благости и милосердію Божію, оказываетъ милость, и понеже они подали дѣйствительные знаки истиннаго покаянія и совершенной преданности, то Король проститъ имъ бывшее, на тѣхъ кондиціяхъ, которыя имъ на письмѣ даны будутъ, а они бы, для принятія ихъ, явились утрешняго дни въ одиннадцатомъ часу, до котораго времени на прошеніе ихъ и отложеніе оружія послѣдовало. Между тѣмъ Креза, главнѣйшій изъ Депутатовъ, остался въ залогѣ тамо, другіе прибыли въ опредѣленное имъ время для принятія тѣхъ артикуловъ, чрезъ которые Его Величество на ихъ прошеніе простилъ имъ все.

Въ тѣхъ артикулахъ изображено было: I Чтобы Козаки дали отъ себя главнѣйшихъ двадцать офицеровъ въ залогъ до тѣхъ поръ, пока выдадутъ Королю своего Гетьмана Хмельницкаго, и Выговскаго, его Секретаря. 2) Чтобы возвратили назадъ артиллерію и знамена, которыя они получили въ добычь сей войны. 3) Чтобы возвратили также штандартъ своего Гетьмана для врученія его тому, о комъ Его Величество благоволить будетъ. 4) Чтобы, если они недовольны числомъ двадцати тысячей Козаковъ, которое имъ дозволено содержать для береженія границъ, то сей артикулъ отложенъ будетъ на слѣдующій Сеймъ. 5) Чтобы что къ привиллегіямъ принадлежитъ, за коими они всегда имѣютъ претензію, не имѣли они другихъ, какъ только тѣ, которыя имъ, 1628 года, отъ покойнаго Гетьмана Конецпольскаго наданы.

Тѣ Депутаты, возвратившись назадъ въ свои лагерь и внушивши всѣмъ тѣ кондиціи, на утрешній день здѣлали таковъ отвѣтъ: что къ первому касается артикулу, обѣщались они здѣлать возможное въ отдачѣ въ Королевскія руки Хмельницкаго и его Секретаря стараніе, однакъ для того залогу дать не могутъ; также на вторую и третью кондиціи согласились, а что къ остальнымъ принадлежитъ артикуламъ, то они, не принимая другихъ; оставаться хотятъ при Зборовскомъ трактатѣ. Король, огорченный таковымъ отвѣтствіемъ, приказалъ усугубить артиллеріи и намѣрилъ ихъ вовсе истребить, а они намѣрили лучше умереть, нежели уступить что отъ онаго трактата. Они отвѣтствовали на Поль-

скіе пушечные выстрѣлы, однакъ не столь часто, чрезъ что и примѣчено, что имъ пороха уже недостало; нѣкоторые изъ нихъ были такъ дерзновенны, что, подлѣзши подъ Польскій лагерь, выслухали ордеръ, данный солдатамъ чрезъ трубу, что когда узнано, принуждены были какъ тотъ ордеръ перемѣнить, такъ и предпріятіе, которое здѣлано, чтобъ на ихъ таборъ дать генеральную баталію. И такъ Козаки всѣмъ Польскимъ усиленіямъ противились крѣпко и ихъ храбрость достойна была чрезвычайной похвалы, еслибъ они не употребляли многихъ безчеловѣчныхъ поступковъ: здирая кожу Полакамъ, жгучи ихъ на маломъ огнѣ, и другія безчисленныя бѣдствія причиняя тѣмъ, кои попадутся въ ихъ руки, ибо предложеніе тѣхъ кондицій, которыми хотѣли здѣлать имъ миръ, привело ихъ къ таковой ярости, въ которой утверждаемы были они чрезъ ихъ поповъ, которые безпрестанно обнадеживали ихъ скорымъ возвращеніемъ ихъ Гетьмана и Татаръ. Однакъ, когда безпокойства, которыя они утерпѣвали, и долгое Хмельницкаго отсутствіе выводило ихъ изъ той мнимой надежды въ имѣющей быть скорой помощи, то все оное множество начало просить отъ добраго сердца мира; ихъ вожди, вѣдая, что народъ ими предувѣренъ, всѣми мѣрами противилися тому, и усмотря, что Джеджелій, который былъ на мѣстѣ Хмельницкаго, склоненъ къ примиренію, то они его тотчасъ отставили и избрали Богуна на мѣсто его. Сей, чтобъ оказать себя въ новомъ рангѣ, увѣдалъ, что Воевода Брацлавскій переправился чрезъ рѣку съ нѣсколькими полками для заступленія дорогъ, которыми Козаки ходили за фуражемъ, и тѣми самыми могли бъ ретироваться, выступилъ съ добрымъ числомъ старыхъ Козаковъ и съ двумя пушками для прогнанія ихъ и для укрѣпленія отводныхъ карауловъ, которые учреждены для обереженія той дороги; но только что вышелъ изъ лагеря, тотчасъ уросло подозрѣніе на старыхъ солдатъ и ихъ старшинъ, яко бы они съ нѣкотораго времени приняли намѣреніе ретироваться, оставя другихъ, которые возмутили всѣхъ, и одинъ новый Козакъ публично предъ всѣми сказалъ, что Богунъ выступилъ изъ лагеря въ томъ неотмѣнномъ намѣреніи, отъ чего во всемъ лагерѣ послѣдовало смятеніе и здѣлало такой страхъ, что всякъ началъ убѣгать въ крайнемъ безпорядкѣ.

Дороги, которыя они подѣлали чрезъ болота по близу ихъ лагера, были весьма тѣсныя: многіе, впадшіе въ воду, такъ позагруживались, что платье, епанчи и другой экипажъ, для свободнѣйшаго оттуда освобожденія, бросали на сторону. Богунъ, усмотря таковое замѣшательство, прискакалъ къ нимъ съ своими старыми солдатами для увѣренія ихъ, однакъ къ тому уже средства не было: одни за другими послѣдовать принуждены. Воевода Брацлавскій, который, увидѣвши непріятельскую армію такъ скоропостижно отъ лагеря своего бѣгущую, не моглъ постигнуть: чтобы то было? Сначала думалъ, что она идетъ аттаковать его, за тѣмъ сталъ онъ въ порядкѣ съ двумя тысячами человѣкъ, которые построены были на мѣстѣ, весьма авантажномъ къ препятствію атаки; когда же обстоятельства непріятелей первое его мнѣніе мало после отмѣ-

нили, то онъ началъ слѣдовать за ними, однакъ задержанъ былъ худыми переправами, а они чрезъ то и спасеніе свое получили, но достигалъ однакожъ онъ ихъ какъ можно было, подкрѣпляемъ помощію шляхетства воеводства Подольскаго, которое, какъ скоро усмотрѣло бѣгство Козаковъ, тотчасъ приуготовилось въ погоню ихъ. Остальное Польское войско, которое не чаяло такъ скоро непріятельскаго безпорядка и, слѣдовательно, не было еще на лошадяхъ, кромѣ отводныхъ карауловъ, прибѣжало прямо въ ихъ таборъ, гдѣ имѣючимъ довольно корыстоваться, вмѣсто погони за бѣжавшими, приостановилось тамъ. Козаки въ той ретирадѣ потеряли двадцать тысячей своихъ, кои или Поляками побиты, или въ лѣсахъ и болотахъ сами пропали, а двѣ тысячи изъ нихъ, ретировавшись въ лагерь свой на маленкую горку, намѣревая защищать себя, яко отчаянныхъ спасенія, похотѣли дорого цѣнить жизнь свою; когда же увидѣли принужденныхъ себя уступить множеству Поляковъ, то одни бросались въ рѣку, другіе въ болота; на одномъ мѣстѣ триста Козаковъ, забравшись въ уголъ, храбро себя защищали противу великаго числа атакующихъ, которые утѣсняли ихъ отъ всѣхъ сторонъ и, для увѣренія себя въ нещадѣніи живота (кое имъ обѣщевано) и всего дражайшаго въ жизни, вынимали изъ кармановъ своихъ и поясовъ все, что ни было золотое и сребряное, и бросали его въ воду; наконецъ, когда отъ всѣхъ сторонъ были окружены, то всѣ почти одни по другимъ побиты, однакъ притомъ всякъ за себя особенный давалъ отпоръ. Одинъ остался изъ нихъ, который защищалъ себя чрезъ цѣлыхъ три часа противу всего Польскаго войска, ибо попалось ему въ водѣ того болота небольшое судно, за которое забравшись, онъ выдержалъ весь огонь и самъ палилъ до тѣхъ поръ, пока ему ставало пороху, а наконецъ, по недостатку пороха, отбивался косою, которою всѣхъ атакующихъ его прогналъ; одинъ Москвитинъ напалъ на него съ такимъ же оружіемъ, однако ничего ему, хотя и силился много, учинить не могъ, и буде бы вскорѣ не отскочилъ, тобы онъ его по поламъ разрубилъ. Тогда шляхтичь изъ владѣнія Чехановскаго, и Нѣмецкій солдатъ, усмотря, что Москвитинъ не могъ ему доказать конца, бросились въ воду по шею, и когда начали съ нимъ брань, то хотя онъ и былъ уже четырнадцатьми пулями раненъ, однако дрался еще съ великою силою въ великое арміи и самаго Его Величества удивленіе, въ присутствіи котораго продолжалась оная брань. Король, не могучи болѣе удивиться храбрости того человѣка, приказалъ объявить ему въ голосъ, что жалуется ему жизнь, если отдастся въ руки, на что отвѣтствовалъ онъ гордо, что онъ болѣе жить не старается, а умереть хочетъ какъ истинный солдатъ, въ слѣдъ чего другой Нѣмецъ, пришедши туда на помощь, убилъ его копьемъ.

Поляки въ Козацкомъ лагерѣ, кромѣ множества женъ и дѣтей, сыскали знатную добычу, то есть, сорокъ пушекъ, между которыми было восемнадцать ломовыхъ, пороху, довольное множество знаменъ, между которыми и штандартъ отъ Короля Гетьману Хмельницкому съ времени избранія его, въ знакъ подтвержденія его на Гетманство, тако же и другой, жало-

ванный еще Козакамъ отъ Короля Владислава, когда требовалъ онъ ихъ на войну, которую онъ помышлялъ зачать противу Москвы; другое знамя, которое Козаки взяли у Поляковъ 25 Іюня, саблю, которую Греческій Патріархъ прислалъ Хмельницкому въ знакъ почтенія за защищеніе Греческой Вѣры, церковныя украшенія, капелья и другія дорогія вещи Греческаго духовнаго, который называлъ себя Архіепископомъ Коринѳскимъ и жилъ при Хмельницкомъ отъ стороны Патріаршей. Сей много выдержалъ огню съ времемени бунту Козацкаго и Рускаго, и былъ подверженъ многимъ неспокойствамъ, наконецъ убитъ стрѣлою отъ молодаго Поляка въ Козацкомъ замѣшательствѣ; сысканъ такожъ Хмельницкаго ларчикъ, въ которомъ была печать войска Запорожскаго и разныя письма отъ Султана и Великаго Князя Московскаго, и отъ Князя Трансильванскаго, около тридцати тысячей решедалей, которыя определены были для Татаръ, платья, дорогими подбитыя мѣхами, ружья великое число и провіанта довольствіе, сысканы такожъ горшки и рожки на огнѣ, подлинный знакъ, что бѣгство ихъ неумышленное, но одинъ имъ ударъ неба былъ.

Чрезъ сіе потеряли Поляки нѣсколько своихъ солдатъ и капитана отъ инфантеріи Радзивиловаго полку, который убитъ при атакѣ тѣхъ трехъ сотъ Козаковъ, ретировавшихся въ болотѣ; сверхъ тѣхъ, кои посланы были въ погоню за Козаками, Полевой Гетьманъ и Князя Вишневецкій, отправлены были еще съ седмью полками, для недопущенія ихъ къ совокупному собранію: они всѣхъ тѣхъ, кои имъ ни попалися на дорогѣ, побили въ смерть, а которая часть ретировалася чрезъ Дубно, то изъ тѣхъ три тысячи разсѣчаны на куски, гарнизономъ того города; нѣкоторые же полки посланы были по ту сторону, чтобы не утѣсняться на долгой плотинѣ. Король, оставя все почти шляхетское войско въ Берестечкѣ, маршировалъ въ Кременецъ; онъ въ пути своемъ не иное что, какъ страшное позорище видѣлъ: дороги покрыты были мертвыми тѣлами и лѣса тѣхъ же бѣдственныхъ наполнены трупами и полумертвыми, которые по замѣшательствѣ своемъ спрятались въ густѣйшія мѣста, гдѣ многіе чрезъ нѣсколько дней не имѣли другой пищы, кромѣ коры изъ древа; многіе такъ ослабѣли, что убѣгать уже болѣе не въ состояній были. Немилосердіе Поляковъ перемѣнилось въ милость: смотря на тѣхъ отощалыхъ, вмѣсто убіенія ихъ, гнались за ними для подаянія жизни и для побужденія ихъ и сохраненія ея. Король самъ умилосердился въ такъ ихъ плачевномъ состояніи, повелѣлъ имъ раздать провіянтъ и обнадежить ихъ прощеніемъ, только бы оставили они бунтовщиковъ Козаковъ и возвратилися въ домы свои. Его Польское Величество употребилъ такожъ милосердіе, не допуская того бунтующагося народа погибнуть мечемъ, чтобы чрезъ то не истребить главной Королевства своего провинціи и, слѣдовательно, привести въ разореніе безчисленное шляхетство и большихъ Господъ, которые, имѣя тамъ великія свои угодія, не могли бы имѣть ни какихъ оттуда прибылей, если бы оныя оставить безъ народа, ибо, буде бъ мужи-

ковъ поселить въ Польшѣ, тамъ, гдѣ еще земля пуста, то бы они съ великою трудностію вмѣщаться могли, и се то есть истинная причина, которая какъ тогда, такъ и въ другихъ случаяхъ, препятствовала всегда цѣлаго Козакамъ разоренія, а инакъ были бы они вовсе истреблены.

Король, разсуждая присутствіе свое нужнымъ къ окончанію той войны, приуготовлялся итти со всею арміею въ Кіевъ, куда послалъ было уже полки и нужные ордеры для исполненія сего предпріятія, однакъ шляхетство тому противилось, представляя нужду дѣлъ своихъ, которыя принуждали его возвратиться въ Польшу, потому что есть еще дѣла съ шляхетскимъ войскомъ къ приведенію въ совершенство недоконченнаго, что Козаки розсыпались и уже, по побѣдѣ своей, болѣе не въ состояніи поисправиться, а естьли бы нѣкоторые похотѣли и паки принять оружіе, то войско, содержащееся на жалованьи, довольно одно къ недопущенію ихъ къ тому иль побѣжденію ихъ, однимъ словомъ, нѣтъ никакой нужды, весть шляхетство въ пустую и разоренную безпрестанными Козаковъ и Татаръ нападеніями землю, гдѣ не довелось бы погибать ему тамъ отъ голода. И такъ усовѣтовавшися о семъ на Генеральномъ совѣтѣ вообще со всѣми вождями и офицерами арміи, надобно было Королю здѣлать снисхожденіе на предложеніе и удовольствовать тѣхъ, которые желали возвращенія его къ себѣ, коихъ число весьма великое было. Его Польское Величество, приказавъ Великому Гетьману, Потоцкому, совершить то, что такъ благополучно предпринято, принялъ путь свой въ Варшаву; а прежде отшествія своего взялъ пароль отъ шляхетства о новомъ вспомоществованіи такъ людьми, яко и деньгами. При отъѣздѣ изъ арміи получилъ Король вѣдомости, что Ханъ, увѣдавши Козацкое замѣшательство, спѣшилъ въ Крымъ, и что четыре тысячи Турковъ, кои пришли было имъ на секурсъ, по тому извѣстію переправились паки вскорѣ чрезъ Днѣпръ. Послѣ сего пришла вѣсть о побѣдѣ тѣхъ же Козаковъ въ Литвѣ Княземъ Радзивиломъ.

Они стояли лагеремъ въ числѣ двадцати тысячей человѣкъ подъ командою Козацкаго Генерала, именемъ Небабы (кой былъ Полковникъ Черниговскій), близъ города Лоева, на мѣстѣ томъ, гдѣ рѣка Сожъ впадаетъ въ Днѣпръ, гдѣ тотъ Генералъ здѣлалъ то, что къ безопасному проходу по тѣмъ рѣкамъ принадлежало, поставилъ войско свое для береженія. Князь Радзивилъ, Гетьманъ Литовскій, увѣдавши о томъ, намѣрилъ атаковать ихъ, за тѣмъ и отправилъ прежде Генерала Маіора Мирскаго, съ тремя тысячами человѣкъ выборнаго войска, которому приказалъ переправиться на ту сторону Днѣпра, а самъ, по отправленіи кавалеріи своей сухимъ путемъ, потомъ пошелъ водою въ судахъ съ остальною инфантеріею и артилерію и за прибытіемъ своимъ приказалъ атаковать съ одной стороны Козацкіе ретраншаменты, а Мирскій которому онъ знакъ далъ пушечными выстрѣлами, атаковалъ съ другой. Козаки защищали себя храбро чрезъ цѣлы полтора часа и послѣ были побѣждены и разсѣчены на куски. Небаба прибѣжалъ

на помощь къ своимъ съ арміею, однакъ Князь Радзивилъ, хотя съ нимъ Мирскій, по причинѣ рѣки, не могъ еще соединиться, не преминулъ его преодолѣть послѣ сильнаго сраженія, въ которомъ три главнѣйшіе Козацкіе Полковники, а наконецъ и самъ Генералъ Небаба, пропали; оное войско осталось побѣжденное, гдѣ три тысячи человѣкъ было убитыхъ, многіе взяты въ плѣнъ, между коими и внукъ Небабинъ, а прочіе спаслись въ ихъ лагерѣ, которой неподалече былъ отъ мѣста баталіи, которое оставлено было Христофлемъ Потоцкимъ, Подмаршаломъ Литовскимъ, которой нарочно для развѣданія о томъ посланъ былъ. Козаки отступили такожъ отъ городовъ Любеча и Чернобѣля, состоящихъ не подалече ихъ собранія, безъ великаго сопротивленія. Голкіевскому, Литовской артилеріи Генералу; въ слѣдъ чего Князь Радзивилъ принялъ путь до Кіева, для истребленія остальныхъ бунтовщиковъ въ тѣхъ сторонахъ (гдѣ Подолъ городъ, по другимъ гисторіямъ, оной Радзивилъ приказалъ выжечь).

Гетьманъ Потоцкій упражнялся въ томъ же и въ Волыніи, гдѣ, за недостаткомъ провіянта и фуража, принужденъ былъ войско своена многіе раздѣлить корпусы и назначилъ имъ рандеву для соединенія съ нимъ въ Любаровѣ городѣ, которой чрезъ положеніе мѣста и число граждань, и въ самомъ огнѣ той брани до тѣхъ поръ остался неповрежденъ, а оттуду намѣренъ итти атаковать Паволочь и Бѣлу Церковь, рекомендуя по большой части офицерамъ содержать солдатовъ своихъ такъ, чтобъ мужики, чрезъ худыя ихъ поступки, непринуждены были оставлять домовъ своихъ и разорять то, что имъ могло оставаться къ пропитанію себя и скота. Ихъ владѣльцы старались также привесть ихъ къ должности, обѣщевая имъ чрезъ письма и нарочно присланныхъ, милость свою, естьли похотять притти въ раскаяніе.

Между тѣмъ Хмельницкій, который, удовольствовавши Хана знатною суммою денегъ, возвратился въ Украйну для ободренія сердецъ народа, который послѣднимъ несчастіемъ и отлучкою его весьма смутился было, употребилъ ординарныхъ своихъ адрессовъ и послалъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ не моглъ самъ своею персоною быть, письма и нарочныхъ для поощренія на куражъ, коихъ горячность еще не охладѣла, и для увѣщаванія къ страданію за общество не минуя представлять себѣ, что щастіе есть перемѣнчиво и обращается, на первое, которое когда предъ симъ послужило Полякамъ, тоежъ самое оставило Козакамъ храбрость и довольную силу для возобновленія войны и для оправленія себя послѣ уроку, лаская ихъ новымъ возмущеніемъ, случившимся въ Польшѣ отъ Ракоція, Князя Венгерскаго, которое принудило Короля взять туда великую часть арміи своей для пресѣченія тѣхъ его поступковъ, что цвѣтъ старой Козацкой милиціи собрался и что вскорѣ Татаре прійдутъ къ нимъ для реванду своего на Полякахъ за послѣдній урокъ. А чтобъ здѣлать обнадеживаніе, которымъ онъ ласкалъ тотъ народъ, дѣйствительнымъ, то посылалъ ежечасно разное посольство къ Хану съ великолѣпными обѣщаваніями къ побужденію его къ дачи новаго секурсу, представляя ему, что безопа-

сность его зависитъ на его щастіи и что паденіе его безъ сумнѣнія удобнѣе здѣлаетъ и ему паденіе отъ Поляковъ. Равнымъ образомъ отправилъ къ Портѣ депутатовъ для произвожденія тѣхъ же прошеній и для показанія, что, ежели Козаки получатъ помощь отъ Султана, то въ состояніи будутъ дать отпоръ всѣмъ Польскимъ усиленіямъ, а въ противномъ случаи, ежели онъ ихъ оставитъ, то они принуждены будутъ примириться и въ слѣдъ дѣлать войну съ Поляками на нихъ.

Князь Янъ Радзивилъ, съ которымъ Глѣбовичь, Воевода Смоленскій, оставя Фронкевича, Подполковника гусарскаго, съ нѣсколькими Поляками около Чернигова для приудержанія набѣговъ отъ гарнизона того города, соединясь, прибылъ къ Кіеву, прогнавши Козацкихъ Полковниковъ, стоящихъ тамъ, Антона Адамовича, Кіевскаго, и Горкушу, Черниговскаго, которыхъ полки въ такой привелъ безпорядокъ, что они, зажегши лагерь свой и мостъ, принуждены ретироваться въ Кіевъ; однакъ не долго тамъ прожили, ибо когда страхъ, причиненный отъ марширования Литовской арміи, всѣялся между другіе Козацкіе полки, которые думали себя быть въ безопасности отъ всѣхъ сторонъ, то они оставили тотъ городъ, который тогда главною ихъ былъ ретирадою. Граждане, видя себя безпомощныхъ, по неимѣнію гарнизона и другихъ средствій къ защищенію, начали просить мира, для испрошенія котораго, а паче чтобъ ихъ городъ не былъ разоренъ, послали они къ Польскимъ Генераламъ Архіепископа и Архимандрита, и понеже Король милосердовалъ всегда о томъ городѣ, да и что онъ во время брани былъ прибѣжищемъ Польскому шляхетству, то прошеніе ихъ принято, и Князь Радзивилъ довольствовался только тѣмъ, что ихъ обезоружилъ, для отнятія имъ впредь средствія ко учиненію зла.

Хмельницкій, извѣстившись о утеряніи Кіева, приусугубилъ старательствъ и употребилъ всѣхъ возможныхъ мѣръ къ собранію новаго корпуса арміи, съ которой бы успѣхи непріятельскіе поудержать моглъ. Худое состояніе дѣлъ его подавало ему совѣты, полныя ярости и отчаянія; онъ собралъ не только Козаковъ, но и мужиковъ, довольно способныхъ къ испытанію вновь щастія, въ оружіи. Изъ сихъ послѣднихъ многіе говорили въ голосъ, что безчестно есть потерять куражъ за худой выигрышъ баталіи, что тѣ, которые ихъ обратили въ бѣгство, убѣгали прежде и отъ нихъ, и что равное неблагополучіе имъ можетъ еще приключиться; что, ежели щастіе придержаться будетъ Польской партіи, то они возымѣютъ убѣжище въ Турецкихъ земляхъ, гдѣ могутъ жить съ большею вольностію и въ покоѣ, нежели въ Россіи, и что уже о томъ къ Силистрійскому Пашѣ и писано.

Такимъ образомъ многіе деревенскіе мужики всякой день приумножались къ Хмельницкому и начинали уже дѣлать набѣги и грабительства на разныхъ мѣстахъ, а особливо тѣ, которые жили поблизъ Днѣстра и Валахіи, кои болѣе заобыкли къ разореніямъ, нежели другіе. Гетьманъ Потоцкій отправилъ двѣ тысячи человѣкъ подъ командою старосты Каменецкаго, сына своего, для истребленія всѣхъ тѣхъ нападчиковъ, однакъ

и паки его возвратилъ къ себѣ, ибо разсудилъ онъ за благо, вмѣсто секурсу ему, котораго онъ требовалъ, лучше всѣ войска собрать въ одинъ корпусъ. Тотъ Генералъ послалъ тотчасъ семь эскадроновъ подъ Бѣлую Церковь для забратія извѣстія о Козакахъ, но они, вмѣсто исполненія даннаго имъ приказа, когда начали разорять Паволочь, то заскочили ихъ неподалече того города двѣ тысячи Козаковъ и пять сотъ Татаръ, которые ихъ атаковали и проводили, бьючи ихъ до градскихъ воротъ, чрезъ что принуждены они оставить всю ту, ими приобрѣтенчую, въ томъ городѣ, добычь; когда же нѣсколько полковъ Князя Вишневецкаго прибыли имъ на помощь, то они, оборотяся, прогнали гонящихъ себя, часть въ ихъ лагерь, а часть подъ Бѣлую Церковь. Справка отъ плѣнныхъ Татаръ, взятыхъ при томъ случаѣ, забрата такова, что при Хмельницкомъ имѣется только двѣ тысячи Татаръ, однако вскорѣ придутъ еще въ помощь сорокъ тысячь; что же къ остальному Татарскому войску принадлежитъ, то оно состоитъ, содержа лошадей своихъ на пастьбѣ на Дикихъ Поляхъ и имѣя ордеръ быть въ готовности къ вступленію вскорѣ и паки въ Польшу. Сія вѣсть принудила Гетмана Потоцкаго отложить походъ свой, пока прибудетъ богажъ и инфантерія; наконецъ, по усовѣтованію съ офицерами, положилъ на мѣрѣ рушитись далѣе и одержать Хвастовъ, городъ, лежащей по Кіевской дорогѣ, для удобнѣйшей коммуникаціи и соединенія съ Княземъ Радзивиломъ. Между тѣмъ какъ расположился лагеремъ въ Паволочѣ, ожидая прибытія своей инфантеріи которая маршировала весьма тихо, то неулѣчимая болѣзнь въ самомъ цвѣтѣ возраста умертвила Михаила Корыбута, Князя Вишневецкаго, который подалъ многіе знаки храбрости своей и отличныхъ поступковъ во всей той войнѣ, которая лишила его всякихъ прибылей со всѣхъ тѣхъ добръ, кои положеніемъ были въ Украинѣ.

Армія 25 Августа, 1651 года, провела день въ засвидѣтельствованіи послѣдней своей Князю Вишневецкому должности, потомъ на утрешній день марширoвала подъ Трилѣсиче, мѣсто, довольно укрѣпленное, и когда тамошній гарнизонъ, на требованіе, учиненное Польскимъ Генераломъ о здачѣ, отвѣтствовалъ гордо, то командировалъ онъ господина Пріемскаго, Генерала отъ артилеріи и армейскаго коммисара, такожъ господина Берга, подполковника полку Князя Богуслава Радзивила, съ семью стами Нѣмецкихъ солдатъ, для аттакованія оного мѣста, кои на самомъ приступѣ потеряли шестьдесятъ или восмьдесятъ человѣкъ и двохъ капитановъ, Стравса и Вала; однакъ, когда Польская инфантерія пришла на помощь, то они въ менѣе двухъ часовъ завладѣли городомъ и крѣпостью, не смотря на упрямое сопротивленіе осажденныхъ, между которыми и самыя женщины сражались съ косами, гдѣ всѣ пали остріемъ мечей безъ разбору рода и возраста. Губернаторъ Козацкій тотчасъ повѣшенъ; въ городѣ все брато въ добычь, и чего взять было неможно, обращено, вмѣстѣ съ городомъ, въ пепелъ. Сей строгій поступокъ произвелъ надежно болѣе дѣйствія, нежели когда употреблено милосердіе, ибо когда усмотрѣли съ

Хвастова пожаръ, то триста Козаковъ, которые оберегали тотъ городъ, оставивъ его, бѣжали, и граждане слѣдовали за ними, хотя бы и могли противиться Полякамъ и приступъ стоялъ бы имъ великаго числа людей.

Князь Янъ Радзивилъ, ожидая Королевскаго Указу и пока Польская армія приближится къ нему, стоялъ всегда лагеремъ близъ Кіева, однакъ не въ безопасности, ибо непріятель употреблялъ всѣхъ возможныхъ средотвій напасть на него или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать ему въ соединеніи съ Гетьманомъ Потоцкимъ. 16 Августа, когда Полковникъ Польдъ съ партіею отъ онаго Князя былъ посланъ, то нашолъ онъ поблизъ воротъ Кіевскихъ, называемыхъ Золотыхъ, множество Козаковъ, вмѣстѣ съ Татарами, что въ лагерѣ произвело тотчасъ не малой шумъ, по которому партія легкой кавалеріи погнала ихъ такъ сильно, что, по завладѣніи мостомъ, чрезъ который думали они себя быть въ безопасности, пало Козаковъ и Татаръ тогда на мѣстѣ тысяча человѣкъ. Въ то время отъ взятыхъ плѣнниковъ увѣдано, что такое множество, сотоящее изъ трехъ тысячей человѣкъ, долженствовало быть еще подкрѣплено тысячею другихъ, въ намѣреніи томъ, чтобъ армію Литовскую атаковать въ ея ретраншаментахъ.

Въ слѣдъ сего авантажу Князь Радзивилъ отступилъ оттуда и маршировалъ, для соединенія съ Польскою арміею, оставя довольной въ Кіевѣ гарнизонъ, съ снабдѣніемъ нужныхъ потребностей, къ сохраненію его. Гетьманъ Потоцкій, которой послалъ было впередъ тысячу пять сотъ человѣкъ, прибылъ съ остальнымъ своимъ войскомъ въ Васильковъ, для удобнѣйшаго съ Княземъ соединенія. Хмельницкій, вѣдая себя быть не въ состояніи къ воспященію ему въ томъ и предвидя предпріятія его, послалъ къ оному Гетьману депутатовъ для конференціи о мирѣ, съ прошеніемъ утвержденія кредита, которой онъ имѣлъ въ Сенатѣ и въ арміи Республики, чтобы предусмотрѣть имѣющее быть пролитіе крови и привесть его, съ его Козаками, въ милость Его Королевскому Величеству, увѣряя его, что они вѣрны въ службѣ его пребудутъ и имѣютъ впредъ содержать свято Зборовской трактатъ. Сіи предложенія о мирѣ отъ Хмельницкаго не могли Польскаго Гетьмана привесть къ большому вниманію и разсужденію, ибо онъ довольно извѣстенъ былъ о безпрестанныхъ Хмельницкаго требованіяхъ скорой помощи отъ Порты и Хана, слѣдовательно, зналъ онъ, что сіе прошеніе мира не для чего другаго было, какъ чтобы только возъимѣть свободное время къ произвожденію дѣлъ своихъ, за тѣмъ не желалъ онъ болѣе, какъ только окончать сію войну военною рукою. Польская армія знатно укрѣплена была чрезъ соединеніе арміи Литовской, состоящей отъ девяти тысячей человѣкъ; однакъ Хмельницкій, хотя и получилъ въ помощь себѣ шесть тысячъ Татаръ, не смотря на первой отказъ, осмѣлился и паки новое учинить о мирѣ прошеніе, и на то Воеводу Кіевскаго разными склонялъ прозьбами, чтобъ онъ постарался сходатайствовать тое у Поляковъ и здѣлалъ бы конецъ сей войнѣ лучше прощеніемъ, нежели продолженіемъ толикихъ мученій,

представляя имъ, сколько поднятые солдатами труды въ томъ походѣ и приключившіяся между ими болѣзни уменьшили, и нынѣ уменьшаютъ всякой день ихъ число. Сіи доказательства склонили Польскихъ Генераловъ, Потоцкаго и Радзивила, на принятіе Козацкихъ депутатовъ, которые пришли просить мира.

Хмельницкій желалъ, чтобъ вскорѣ прислано къ нему было для конференціи о кондиціяхъ съ Виговскимъ, его секретаремъ и главнымъ конфидентомъ, на которую отъ стороны Подьской отправлено Маховскаго, капитана отъ кавалеріи, съ письмомъ отъ Гетьмана Потоцкаго къ Хмельницкому; но когда не выражено ему было качества Гетьмана войска Запорожскаго, то зачтено то было въ великую обиду, что сначала здѣлало было между Козаками великое смятеніе, однакъ Маховскій, за показаніемъ пристойныхъ о томъ резоновъ, усмирилъ ихъ, после чего началась конференція, въ которой Польскій Депутатъ предложилъ, чтобъ Хмельницкій отпустилъ отъ себя Татаръ и пришолъ бы въ Польской лагерь для засвидѣтельствованія должности своей Гетьманамъ. Хмельницкій первой изъ сихъ пропозицій долго противился, а на другія, какія бы ни были отъ Секретаря ему представлены, легко соглашался. Наконецъ, какъ послѣднимъ, такъ и первой, хотя его офицеры и Руские мужики послѣднее предложеніе много оспоривали, но когда разсуждено заблаго не за пристойно продолжать оную конференцію въ лагерѣ, по причинѣ той опасности, чтобъ Татаре, усумнѣвшись, о томъ происхожденіи, не умыслили какого зла на коммиссаровъ, упросилъ Виговскій перенесть оную въ городъ Бѣлую Церковь. Маховскій подалъ свой рапортъ Генераламъ Польской арміи о происхожденіи дѣла съ Козаками, по которому за благо усмотрѣно послать коммисаровъ, какъ они желали, въ Бѣлую Церковь, на которую коммисія отправлено Воеводъ: Кіевскаго Киселя, Смоленскаго Грабовича, Гонзіевскаго, Оберъ-Гофмаршала Литовскаго, и Козаковскаго, Подсудка Брацлавскаго, съ сильнымъ конвоемъ, съ котораго, однакъ, вошло только въ городъ пять сотъ конницы. Тѣ коммисары, разговорившись съ коммисарами Хмельницкаго, согласились на всѣ кондиціи мира, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, коимъ рѣшеніе должно быть въ обоихъ лагеряхъ. Польскіе коммисары были въ опасности, по большой части отъ арміи Козацкой, гдѣ Хмельницкій и его Полковники много труда имѣли защищать ихъ отъ нападеній Татарскихъ и мужицкихъ, кои ни одной пропозиціи о мирѣ не хотѣли принимать, будучи въ мнѣніи томъ, что въ заключеніи артикуловъ внесено будетъ всегда то, чтобъ ихъ привесть въ рабство; бѣгающіе Татаре дѣлали также въ ихъ обратномъ пути нападенія и ограбили частъ ихъ богажу.

Между тѣмъ Гетьманъ Потоцкій и Князь Янъ Радзивилъ, за усмотрѣніемъ, что оная негоціяція почти уже совершилась, рушились отъ Германовки, гдѣ ихъ былъ лагерь, подъ Бѣлу Церковъ, мѣсто, на которомъ Хмельницкій и главнѣйшая Козацкая старшина долженствовали возобновить свою присягу Королю и Республикѣ. Таковой Польской арміи приближеніе привело чернь во удивленіе, однакъ,

когда имъ внушено, что то послѣдовало не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, какъ только для предосторожности отъ Татарскихъ нападеній, то и паки Коммисары съ одной и съ другой стороны съѣхались для окончанія того, что еще въ Бѣлоцерковской конференціи нерѣшено.

Козаки вомѣсто сего здѣлали пропозиціи весьма новыя, аки бы позабыли вовся прежде учиненнаго, требуя исполненія Зборовскаго Трактата, отдаленія Польской армій отъ границы, сводобы содержать альянсію съ Татарами, которыхъ они признавали быть истинными защитниками ихъ волностей. Тогда, учинивши имъ выговоры за ихъ легкомысліе и непостоянство въ Вѣрѣ, которое, повидимому, послѣдовало отъ извѣстія о новой Татарской помощи, или отъ ложнаго произглашенія о присылкѣ нѣкоторыхъ Турецкихъ полковъ, Польскіе Генералы построили армію свою въ ордеръ баталіи. Правое крыло поручено въ команду Князя Радзѳвила съ Литовскимъ войскомъ, лѣвое Польному Гетману Калиновскому, а Гетьманъ Потоцкій оставилъ для себя баталію. Козаки и Татаре выступали такожъ съ лагеру своего, показываясь, что они не имѣютъ другаго намѣренія, какъ только посмотрѣть на состояніе Польской арміи, въ слѣдъ чего начались разные побѣги и продолжались чрезъ три дни; многіе непріятельскіе полки, которые спрятались было въ кустарникахъ и скрытыхъ мѣстахъ, дѣлали частыя усиленія на Поляковъ и наскакивали иногда со сторонъ, а иногда сзади, что чаятельно дѣлалось для того, чтобъ Польскихъ Генераловъ привесть къ большой склонности въ полученіи имъ полезнѣйшихъ пунктовъ. Того для сіи, огорчившись затѣями Хмельницкаго, который о всѣхъ тѣхъ атакахъ и усиленіяхъ оказывалъ себя невѣдующимъ, принудили его изъяснить себя предъ ними. Онъ 26-го Сентебря послалъ къ нимъ трехъ депутатовъ для учиненія честно и постоянно заключенія Трактата; они много умирительнѣе представили свои запросы, однакъ были еще отмѣнные отъ тѣхъ, на которые согласились въ Бѣлой Церкви; а какъ сойшлись, чтобъ опредѣлить именное число Козаковъ до двадцати тысячей, то требовали они квартиръ въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, что когда имъ отказано, то просили они, чтобы, по крайней мѣрѣ, Польскіи войска не были тамъ на квартирахъ, гдѣ Хмельницкій будетъ дѣлать ревизію подлежащаго числа Козаковъ, пока оную окончитъ, и чтобы дозволено ему, для особеннаго его содержанія, уѣзды: Черкаской и Боровицкой. Потоцкій велѣлъ имъ объявить, что онъ безъ подлиннаго о томъ Королевскаго и Республики ордера не можетъ на послѣднее оное требованіе согласиться, а что къ другимъ принадлежитъ требованіемъ, то позволяетъ имъ быть, потому что Хмельницкій объявилъ ему секретно, что онъ то для одного только того дѣлаетъ, чтобъ удовольствовать сбунтовавшихся мужиковъ, которыхъ думалъ онъ недолжно раздражать, пока они всѣ вмѣстѣ и состоитъ изъ нихъ знатной корпусъ. За тѣмъ болѣе не оставалось, какъ только Хмельницкому и его Полковникамъ прити съ засвидѣтельствованіемъ преданности Гетьманамъ Польской арміи,

къ чему онъ уже готовъ былъ и, для безопасности себя въ томъ, взялъ довольные, по мнѣнію его, залоги, однакъ нѣкоторые изъ его офицеровъ не хотѣли на то согласиться. Онъ, не смотря ни на что, здѣлалъ удовольствіе, 28 дня того же теченія, и пришолъ, съ главнѣйшими своими старшинами, въ Польской лагерь, гдѣ просилъ съ упокореніемъ и слезами (которыя онъ проливать заобыклъ, когда нужда обстоятельствъ сего требовала), прощенія у Великаго Гетьмана, Потоцкаго, притомъ поздравилъ съ учтивостію Князя Радзивила и другихъ Господъ, и въ присуствіи его читаны артикулы Трактата, которой отъ обѣихъ сторонъ закрѣпленъ и подтвержденъ присягою, произвожденіе сего дѣла заключено довольнымъ торжествованіемъ, которымъ почтено его съ бывшими при немъ. Тѣ артикулы слѣдующцаго суть содержанія.

1. Въ уваженіе преданности, учиненной отъ Запорожскаго войска и командующихъ имъ офицеровъ о всегдашнемъ ему быті въ службѣ Короля и Республики, быть оному войску впредь числомъ двадцать тысячей человѣкъ, кои быть должны выбраны и вписаны въ ревизію ихъ Гетьманомъ и другими офицерами, а имѣть ему квартиры въ земляхъ и владѣніи, принадлежащемъ Его Величеству, воеводствахъ въ Кіевскомъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, однакъ отъ тѣхъ квартиръ шляхетскія добра должны быть свободны.

2. Если нѣкоторые подданные шляхетские впишутся въ войско Запорожское, то должны они перенесть жительство свое въ земли Королевскія, въ воеводство Кіевское, а имъ свободно движимыя и недвижимыя добра свои, гдѣ бы они ни были, продать безъ препятствія имъ въ томъ отъ ихъ владѣльцевъ, Старостъ и Подстаростей.

3. Вписывать Козаковъ двадцать тысячей человѣкъ чрезъ пятнадцать дней, щитая отъ учиненія настоящаго Трактата. Оной реестръ долженъ содержать въ себѣ имя, прозваніе и осѣдлость всякого Козака и былъ бы въ Архивѣ Кіевской. Тѣ Козаки, кои введены въ ревизію, должны пользоваться древними правами и привилегіями Козацкими, а которые исключены, возвратилися бъ къ должностямъ своимъ, по прежнему подъ Королевское владѣніе.

4. Польскимъ войскамъ не имѣть квартиръ въ Кіевскомъ воеводствѣ и въ мѣстахъ, назначенныхъ Козакамъ, такожъ и Козакамъ въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ не имѣть ихъ, развѣ по рождествѣ Господнемъ, когда Ревизія окончится.

5. Шляхетство выше реченныхъ воеводствъ, Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго, должно имѣть свободное принятіе добръ своихъ или старостъ во владѣніе и получать изъ тѣхъ приходы по прежнему, кромѣ времени сочиненія ревизій въ которыя подданные не имѣютъ ничего работать и ни какихъ давать податей, а по сочиненіи той узнать можно, кто принадлежитъ, какъ исключенъ, къ податямъ, и кто долженствуетъ пользоваться Козацкими привилегіями.

6. Для Козацкаго Гетьмана быть резиденціи въ Чигринѣ, и какъ настоящій Гетьманъ, Богданъ Хмельницкій, такъ и наслѣдники его, пользовалися бы прерогативами, имъ наданными, раздавая чины другимъ офицерамъ войска своего и

были бъ подъ протекціею Генералиссима и Республини, которой обовязались присягою сохранять свято и ненарушимо вѣрность.

7. Греческая Вѣра, которой исповѣданію Запорожское войско подлежитъ, должна быть сохраняема въ древной своей вольности, со всѣми Епископами, монастырями и церквами, принадлежащими къ ней, такожъ и церковныя добра, которыя могли быть во время войны похищены, должны быть возвращены.

8. Шляхетство Католическое и Греческое, которое придержалось Козацкой партіи, такожъ и Кіевскіе граждане, имѣютъ пользоваться амнистіею, слѣдовательно привратить имъ надлежитъ всѣ ихъ добра, права, честь и вольности, а исключенія, которыя имъ за случай войны послѣдовали, уничтожаются.

9. Жиды были бы подъ сохраненіемъ гражданскаго права въ Королевскихъ владѣніяхъ и земляхъ, кои могутъ быть закупщиками добръ ихъ и правъ по прежнему.

10. Татарамъ, находящимся въ Королевствѣ, выступить тотчасъ безъ разоренія и ни въ какихъ мѣстахъ не имѣть имъ квартиръ. Козацкій Гетьманъ употребилъ бы возможныхъ мѣръ къ привращенію ихъ навпредъ на службу Республики; но когда сего не можно здѣлать прежде имѣющаго быть Сейму, то онъ бы самъ и Козаки его отреклись ихъ дружбы и здѣлали бъ съ ними войну, яко съ непріятелями Короля и Республики, а сверхъ всего не имѣли бы ни какихъ съ ними сношеній и согласій и ни съ однимъ сосѣдственнымъ Государемъ, но былъ бы во всегдашней и постоянной вѣрности и послушности къ Его Величеству и Республикѣ, что какъ они сами и ихъ наслѣдники оказывали бы во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ бы они ни были командированіяхъ, вѣрную свою службу.

11. Понеже никогда никто съ Козаковъ реестровыхъ не бывалъ для обереженія Литовскихъ границъ, такъ и нынѣ тамъ имъ быть не должно, а были бы они всегда, какъ выше упомянуто, на границахъ воеводства Кіевскаго.

12. И какъ городъ Кіевъ есть Митрополія и имѣетъ Трибуналъ Юстиціи, то изъ тамошнихъ жителей не должно много вписывать въ Козаки.

По заключеніи сего трактата Козаки стали на опредѣленныхъ своихъ квартирахъ, а Польскія войска разведены были по всей почти Малой Россіи по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, гдѣ несносныя обывателямъ причиняли обиды такъ въ податяхъ, какъ и въ побояхъ, чрезъ что не малое отъ людей на Хмельницкаго было роптаніе, яко онъ Полякамъ опять отдалъ Украину, что хотя Хмельницкому весьма чувствително было, однакъ принужденъ былъ съ терпѣливостію ожидать времени, пока зимнее время пройдетъ, и Козаки и Татаре, за коими онъ тайнымъ образомъ посылалъ, соберутся вмѣсто.

Когда же таковыя неспокойства Малороссіянамъ всегда продолжались, то многіе изъ нихъ, съ вѣдомомъ Хмельницкаго, оставивъ жительство свое въ западной сторонѣ Днѣпра, начали переходить къ восточной, то есть, въ Полтавской округъ и далѣе. Но когда и тамъ пространнаго, за приумноженіемъ народа, не имѣли для себя мѣста, выходили изъ границы Малорос-

єйской и вступали далѣе на востокъ въ Бѣлогородскую провинцію, гдѣ имъ, для поселенія, неоселенныя мѣста къ Крымскимъ степямъ отведены, дозволяя жить имъ при прежней Козацкой вольности на такомъ основаніи, какъ они были въ Малой Россіи, и сіе то есть начало и происхожденіе пяти Слободскихъ полковъ: Ахтырскаго, Сумскаго, Харьковскаго, Изюмскаго, и Рыбинскаго, послѣдовавшое въ 1652 году, къ которымъ, по усмотрѣнію угодныхъ тамо кѣдовольствію себя мѣстъ, и болѣе еще Малороссіянъ въ 1659 году приумножилось.

Между тѣмъ когда весняное пришло время, Хмельницкій, по положенному предъ тѣмъ съ Волоскимъ Господаремъ сроку 1652 года сына своего, Тимофѣя отправляетъ въ Молдавію для женитьбы его на дочерѣ онаго Господаря; сей же, яко по принужденію то дѣло шло, умыслилъ послать къ Польскому Королю съ прошеніемъ, чтобъ отъ Польской стороны идучому сыну его въ Молдавію учинено было препятствіе, а тѣмъ бы онъ свободиться моглъ отъ аліянсіи съ Хмельницкимъ. На что Гетьманъ Калиновскій съ войскомъ своимъ уже и приуготовился было и сталъ лагеремъ на урочищѣ Батогѣ, гдѣ съ тремя тысячами пѣхоты и шестьми тысячами конницы Тимофѣю Хмельницкому путь заградили, о чемъ, увѣдавъ Гетьманъ Хмельницкій, писалъ къ Калиновскому, вспрашивая его, что за причина, что Польское войско заграждаетъ путь сыну его, а притомъ и наводитъ, что, естьли что худаго Польскому войску отъ идучей свадебной компаніи послѣдуетъ, то пусть онъ не изволитъ вмѣнить того за зло. И какъ сіе между ими продолжалось, то Татаре на Польской обозъ напали, коимъ Поляки сначала храбро противились, а наконецъ, когда и Козаки наспѣли и главную дали баталію при рѣкѣ Бугу, то Татаре Поляковъ и преодолѣли, изъ которыхъ многіе въ смертъ побиты, а другіе бѣжали, прятаясь по болотамъ, однакъ и тамо посполитой народъ доставая, ихъ убивали. Тотъ же жребій самому Геману Калиновскому послѣдовалъ, ибо одинъ Татаринъ отсѣкъ ему голову и встремя на копье, принеслъ до Хмельницкаго и предъ, Нарадина, Солтана своего, изъ которой войны никто почти изъ Поляковъ въ живыхъ не остался, нарочно въ отмщеніе за Берестечскую побѣду.

После сего въ безопасности сынъ его, Тимофѣй, отъѣхалъ въ Молдавію на свадьбу, гдѣ женясь благополучно на дочерѣ Молдавскаго Господаря, Василія Лупала, въ городѣ Ясахъ, возвратился съ женою своею въ Чигринъ. А между тѣмъ. Гетьманъ Хмельницкій, возвратясь отъ побѣды надъ Калиновскимъ въ Чигринъ, писалъ къ Королю, заноса жалобу свою на калиновскаго, что сыну его, идучому на свадьбу въ Молдавію, путь было заградилъ, а притомъ просилъ прощенія у Короля, ежели что мимоходомъ отъ веселой компаніи Польскому обозу воспослѣдовало, что всѣ Поляки почли себѣ за ругательство и отправили посланныхъ отъ Хмельницкаго безъ отвѣту обратно. Хмельницкій, оказывая опять смиреніе свое, послалъ въ другой разъ къ Королю съ прошеніемъ прощенія, обѣщавая наградить всѣ уроны, причиненные тогда, вѣрною своею службою. Король,

снисходя на сіе его прошеніе, послалъ къ нему Коммисаровъ съ тѣмъ договоромъ, что, если желаетъ онъ имѣть у Короля прощеніе и милость, то долженъ первѣе тотчасъ отпустить отъ себя всѣхъ Татаръ, а сына своего дать въ закладъ, каковая Польскихъ Коммисаровъ пропозиція ожесточила Хмельницкаго чрезъ чуръ и онъ въ отвѣтъ сказалъ имъ: „Сего я учинить ни какъ не могу, вѣдая, что вы ищете меня погубить, развѣ Король Зборовскіе пункты утвердитъ клятвою, которыя мы до тѣхъ поръ пишемъ еще мечемъ." Съ симъ отвѣтомъ Коммисары отошли обратно, а Хмельницкій, по отшествіи ихъ, предъоберегая цѣлость Украины, началъ разсуждать, къ какому Королю лучше и заспособнѣе съ народомъ Малороссійскимъ и всею его землею притти въ протекцію, чего для и имѣлъ съ главнѣйшими Старшинами совѣтъ, въ которомъ Хмельницкій болѣе склонялся на то, чтобъ отдаться въ покровительство Оттоманской Портѣ, а на то многіе изъ Полковниковъ не были согласны и вступили въ споръ, за которой Полковнику Миргородскому, Гладкому, и протчимъ, съ повелѣнія Хмельницкаго, головы отсѣчены.

О семъ Козацкомъ несогласіи увѣдомлясь Польскій Король, отправилъ войско свое на Украину подъ командою Чернецкаго, который тогда многіе Украинскія мѣста огнемъ и мечемъ разорилъ, а наконецъ и самъ, подъ Монастырищемъ, отъ Богдана былъ пораженъ, чего для принужденъ, оставя обозъ свой въ корысть Козакамъ, ретироваться въ Польшу.

1653 года Казимиръ, Король Польскій, для пресѣченія Хмельницкому всѣхъ средствій въ предпріятіяхъ его, самъ, особою своею, рушился въ походъ со всѣмъ Коронным войскомъ подъ Каменецъ Подольскій. Хмельницкій, освѣдомлясь о томъ и призвавъ въ помощь себѣ изъ Крыму Татарскую Орду, гдѣ и самъ Ханъ быть изволилъ, пошолъ прямо на Королевскій лагерь, оставя часть войска своего подъ командою Полковника Нѣжинскаго, Ивана Золотаренка, подъ Черниговомъ для недопущенія въ Украину войска Литовскаго, которое стояло подъ Рѣчицею; тотъ же походъ свой прикрылъ тѣмъ, что яко бы онъ хочетъ итти въ Молдавію, куда и сынъ его, Тимоѳей, съ войскомъ пошолъ для обороны тестя своего. Господаря Волоскаго, отъ нападенія, чиненнаго воеводою Мунтянскимъ, Радуломъ, и Княземъ Венгерскимъ, Ракоціемъ, и Поляками, гдѣ, при осадѣ города Сочава, Тимоѳей Хмельницкій пушечною пулею и убитъ, каковой ударъ Хмельницкому весьма былъ несносенъ; въ отмщеніе сего желалъ онъ надъ Поляками одержать реванжъ свой. И Король, будучи въ томъ мнѣніи, что Хмельницкій идетъ въ Волоскую землю, къ недопущенію его туда сталъ на Жванцѣ; въ то время Хмельницкій съ Козацкимъ и Татарскимъ войскомъ нечаянно подошли подъ самой Польской лагерь и обступили его вокругъ, а между тѣмъ въ Польскомъ войкѣ воспослѣдовалъ недостатокъ провіянту и фуража, чрезъ что многіе сами собою погибли. Король, видя внутрь гладъ, а внѣ мечь, старался всѣми мѣрами къ разлученію Хана съ Хмельницкимъ, обѣщевая Хану за то многія дары, на что Ханъ легко и склоняться началъ, что пр-

мѣтивъ Хмельницкій, отъ мала помалу началъ уступать въ Украину съ войскомъ своимъ.

ОТЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО ПОСЫЛКА ГУЛЯНИЦКАГО КЪ МОСКОВСКОМУ ЦАРЮ О ПРИНЯТІИ ЕГО ВЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО.

Хмельницкій потомъ Григорія Гуляницкаго въ посольство въ Москву отправилъ къ Россійскому Государю Царю, Алексѣю Михайловичу, съ прошеніямъ о принятіи его со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ и землею въ покровительство и защищеніе.

ПРИСЫЛКА ОТЪ ЦАРЯ БОЯРИНА БУТУРЛИНА ДЛЯ ПРИВЕДЕНІЯ НА ВѢРНОСТЬ МАЛОРОССІЯНЪ.

1654 года, Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичь, имѣя благоволеніе свое въ Малороссійскомъ народѣ по единству Вѣръ и Россійскаго рода, соизволилъ принять его милостиво подъ высокую свою державу и для приведенія Хмельницкаго со всѣмъ народомъ Малороссійскимъ къ присягѣ на вѣрность его Царскому Величеству, присылаетъ на Украину ближняго своего Боярина, Василья Васильевича Бутурлина, съ протчими, за прибытіемъ котораго въ Малую Россію Хмельницкій собралъ всѣхъ знатнѣйшихъ Старшинъ Полковниковъ и Сотниковъ въ городъ Переясловъ, гдѣ въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, при бытности вышепомянутаго Боярина, всѣ охотно на вѣрность Его Царскому Величеству, Генваря 16 дня, присягли, и для учиненія той присяги отъ всего Малороссійскаго народа по всѣмъ городамъ и селамъ тогожъ времени разосланы нарочные, какъ отъ стороны Боярина, такъ и отъ Хмельницкаго, и такъ по всей Малой Россіи вдругъ на вѣчное подданство Россійскому престолу присяга учинена.

ОТПРАВЛЕНІЕ ОТЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО ДЕПУТАТОВЪ КЪ ЦАРЮ ДЛЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ СТАТЕЙ.

Въ слѣдъ сего Гетьманъ Хмельницкій отправляетъ посланниковъ своихъ въ Москву къ Великому Государю, прося утвержденія правъ и вольностей Козацкихъ, съ листомъ, которой такова содержанія:

Божіею Милостію Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея, Великія Россіи Самодержцу, Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому, и Великому Князю Тверскому, Кіевскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, и иныхъ Государю, и Великому Князю Нова Города Низовскія Земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондійнскому, и всея Сѣверныя страны Повелителю, и Государю Иверскія Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія Земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ, Государю и Обладателю, Вашему Царскому Величеству,

Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ войска Запорожскаго, и все войско Запорожское, низко до лица земли челомъ бьемъ.

Отъ многихъ лѣтъ многочастнѣ мы, Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ войска Запорожскаго, и все войско Запорожское, борющеся съ Ляха-

ми и нашествія ихъ отражающе, помощи отъ Бога искахомъ и грамотами и посланниками нашими ко пресвѣтлому лицу благочестиваго Царя, Твоего Царскаго Величества, челомъ били и молили, дабы намъ, Православнымъ Христіянамъ, быти подъ крѣпкою и высокою рукою Бога Всемогущаго и Царя Благочестиваго, Твоего Царскаго Величества. И нынѣ Богъ всемогущій и вседаровитый, неизреченными судьбами Божественными, единою двое се сотворилъ, и Ляховъ, нашихъ враговъ, гордыню смирилъ и совѣтъ благъ въ сердце Царево Тебѣ, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Россіи Самодержцу, Твоему Царскому Величеству, вложилъ, что Твое Царское Величество, поревнова по Бозѣ Вседержителѣ и по Вѣрѣ Православно Восточной, и вожделѣ о церквахъ Божіихъ и мѣстахъ Святыхъ и о народѣ Малороссійскомъ и о благочестиво Христіянскомъ умилосердися, и насъ, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, и все войско Запорожское, и весь миръ Православный Россійскій пожаловать ущедрити, защитити и подъ крѣпкую и всесильную руку Свою Царскую всеконечно приняти изволилъ милостиво. И егда ближній Твоего Царскаго Величества Бояринъ и Намѣстникъ Тверскій, Василій Васильевичь Бутурлинъ, Окольничей и Намѣстникъ Муромскій, Иванъ Васильевичъ Алферьевъ, да Думный Дьякъ, Ларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ, по Указу Твоего Царскаго Величества, съ Грамотою къ намъ пріѣздили и милость неисчетную Царскую намъ возвѣстили, и знамена войсковые и жалованье великое Твоего Царскаго Величества намъ отдали, и разговоръ пространный о всякихъ дѣлѣхъ съ нами учинили и неизреченно насъ обрадовали. Въ то время мы, Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ войска Запорожскаго, и все войско Запорожское, и весь миръ Христіанскій въ городѣхъ, селахъ и деревняхъ, начальные и чернь, непорочно Христа Бога нашего заповѣди послѣдующе, по добромъ, во истину ненужномъ, изволенію и избранію нашему, ничто же лукаво въ сердцѣ имуще, Тебѣ, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Россіи Самодержцу, Твоему Царскому Величеству, вѣру совершенную учинили есмы, и никаковъ извѣтъ имѣли есмы отъ Царей окрестныхъ, которые искали насъ къ себѣ присовокупити, мы, нерадѣвши объ нихъ, яко о невѣрныхъ, вседушно единаго Благочестиваго Великаго Государя Царя Нашего, Твое Царское Величество, избрали, возлюбилисьмо и всѣмъ сердцемъ и силою и помышленіемъ прилѣпились къ Твоему Царскому Величеству. Сего ради дерзаемъ о неисчетной милости Твоего Царскаго Величества, да еже просить чего учнемъ у Тебе Великаго Государя Нашего, Твоего Царскаго Величества, надѣемся получити, словеси бо Царскому Твоего Царскаго Величества всячески вѣровахомъ, какъ насъ тотъ же ближній Твоего Царскаго Величества Бояринъ съ товарищи увѣщавалъ и на той вѣрѣ насъ непоколебимыхъ утвердилъ; для того посланниковъ нашихъ, Самойла Богдановича, Судью войсковаго, и Павла Тетерю, Полковника Переясловскаго, съ товарищи, къ пресвѣтлому лицу Твоего Царскаго Величества

съ сею грамотою нашею отпускаемъ и просимъ, дабы имъ Твое Царское Величество праведныи свои очи показати и милостиво ухо приклонити изволилъ и моленій нашихъ не презрѣлъ, и что они учнутъ говорити и молить у Твоего Царскаго Величества, изволь ихъ, Твое Царское Величество, выслушати милостиво, и насъ, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, и все войско Запорожское и весь миръ Христіянскій, духовныхъ и мірскихъ людей, во всякомъ чину сущихъ и милости отъ Тебе, Великаго Государя Нашего, Твоего Царскаго Величества, ищущихъ, пожаловать, ущедрить и права, уставы и привилея и всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мірскихъ людей, во всякомъ чину и преимуществѣ сущихъ, елико кто имѣяше отъ вѣковъ, отъ Князей, и Пановъ Благочестивыхъ и о Королей Польскихъ, въ Государствѣ Россійскомъ наданныхъ, отъ нихъ же мы кровь свою проливаемъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тыя содержаще и пагубѣ не попускающе, просимъ, и до лица земли припадающе, велико просимъ Твоего Царскаго Величества, изволь Твое Царское Величество утвердить и своими грамотами Государскими укрѣпити навѣки, таково бо Государское Твоего Царскаго Величества слово намъ тотъ же ближній Твоего Царскаго Величества Бояринъ съ товарищи обѣщалъ, и большее сихъ дѣлъ, рече, одержите отъ Великаго Царя, Его Царскаго Величества, егда воспросите, большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ Его Царское Величество, паче Королей Польскихъ, Княжатъ древнихъ Россійскихъ, точію челомъ бійте и вѣрно служите Его Царскому Величеству, вторицею убо и третицею до лица земли Твоему Царскому Величеству припадающе, молимся, намъ вся сія, елико просимъ нынѣ и просити учнемъ впредъ, получити отъ тебе, Великаго Государя нашего, Твоего Царскаго Величества, дабы мы, Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ войска Запорожскаго, все войско Козацкое и весь міръ Православный Россійскій, вовсякомъ чину и обладательствѣ живуще и о неисчетной милости и пожалованью Твоего Царскаго Величества обрадовались и обвеселились, и Тебѣ, Великому Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, усердно пріяли, и прямо и вѣрно служили до кончины живота нашего, и за Твое Царское Величество на всякіе враги и супостаты крѣпко ополчилися и кровь свою проливали, а точію Богу небесному вѣрили и покланялися, и Цареви единому подъ солнцемъ Благочестивому, Твоему Царскому Величеству, повинались и покарялись въ роды и роды до вѣка, а Твое Царское Величество, подъ кровомъ крылу Твоею, какъ орелъ гнѣздо свое покрываетъ и на птенцы своя вождлѣ, изволь насъ, вѣрныхъ слугъ, подданныхъ своихъ, милостію своею отъ врагъ нашихъ ненавидящихъ, обидящихъ и ратующихъ насъ, покрыти, соблюдати и крѣпкою рукою и ратью своею Царскою защищати и навсегда въ милости своей премногой сохраняти, паки просимъ, ей паки и паки Твоего Царскаго Величества просимъ. Множайшая, въ грамотѣ не суть писана, посланники нащи вся изрекутъ Тебѣ, Великому Государю, Твоему Царскому Величеству, а мы себе въ глубо-

кую милость и неизреченныя щедроты Твоего Царскаго Величества ввергши на вѣки, Господа Бога, Царя предвѣчнаго молимъ, дабы Ваше Царское Величество на пресвѣтлыхъ Престолѣхъ пресвѣтлаго Царства Россійскаго многолѣтствовать и благополучно долгоденствовать и всѣхъ Царей земныхъ подручники имѣти сотворилъ отъ нынѣ и до вѣка усердно желаемъ. Писано въ Чигринѣ, мѣсяца Февраля 17 дня, року 1654. Вашему Царскому Величеству прямые подданные, нижайшіе и вѣрные слуги, Богданъ Хмельницкій Гетьманъ съ войскомъ Вашего Царскаго Величества Запорожскимъ.

ГРАМОТЫ О ПРИНЯТІИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

На сей листъ, такъ какъ и на рѣшительные пункты, послѣдовали двѣ Государскія Грамоты: 1-я на вольности Козацкія, а 2-я на вольности Шляхетскія.

1.

Божіею милостію Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ Государь, и Великій Князь Нова Города Низовскія Земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій Кондійскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія Земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ, и земель, Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичь, и Дѣдичь, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали есмы Нашихъ Царскаго Величества подданныхъ, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, и писаря Ивана Виговскаго, и Судей войсковыхъ, и Полковниковъ, и Асауловъ, и Сотниковъ, и все войско Запорожское, что въ нынѣшнемъ 1654 году, какъ, по милости Божіей, учинились, подъ Нашею Государскою Высокою рукою, онъ, Гетьманъ, Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, и вѣру Намъ, Великому Государю, и Нашимъ Государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, на вѣчное подданство учинили, а въ Мартѣ мѣсяцѣ прислали къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, онъ, Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, посланниковъ своихъ Самойла Богданова, Судью войсковаго, да Павла Тетерю, Полковника Переяславскаго, а въ листу своемъ къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, Гетьманъ писалъ, и посланники его били челомъ, дабы Намъ, Великому Государю, его, Гетьмана, Богдана Хмельницкаго, и все войско Запорожское пожаловать велѣть прежнія права и вольности ихъ войсковыя, какъ издавна бывали при Великихъ Князѣхъ Рускихъ, и при Короляхъ Польскихъ, что служивали и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, и что въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити, и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго

и мірскаго чина людямъ отъ Великихъ Князей Русскихъ, и отъ Королей Польскихъ, не нарушать, и на тѣ бы ихъ права дати Нашу Государственную грамоту за Нашею Государскою печатью, и чтобъ войска Запорожскаго спискового учинитъ 60,000, то есть, шестьдесятъ тысящей, а было бъ то всегда полно. Буди жъ судомъ Божіемъ смерть случится Гетьману, и Намъ бы, Великому Государю, позволитъ войску Запорожскому, по прежнему обычаю, самимъ межъ себя Гетьмана обирать, а кого оберутъ и про то Намъ, Великому Государю, объявлять. Именій Козацкихъ и земель, которыя имѣють для пожитковъ, чтобъ у нихъ отнимать не велѣтъ, такожъ бы и вдовъ, послѣ Козаковъ оставшихъ, дѣти поволности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, подданнаго Нашего, его, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, пожаловали велѣли имъ быть подъ Нашего Царскаго Величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковы имъ даны отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей не нарушать ни чемъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска Запорожскаго указали есьми по ихъ же челобитью учинить, списковаго 60,000, то есть, шестьдесятъ тысящей всегда полное. А буди судомъ Божіимъ смерть случится Гетьману, и Мы, Великій Государь, поволили войску Запорожскому обирать Гетьмана по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя, а кого Гетьмана оберутъ, и о томъ писати къ Намъ Великому Государю, да потому жъ новообранному Гетьману на подданство и на вѣрность вѣру Намъ, Великому Государю, учинить, при комъ Мы, Великій Государь укажемъ. Такъ же имѣній Козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитку, отнимать у нихъ и у вдовъ, после Козаковъ осталыхъ, и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. А буди изъ которыхъ пограничныхъ Государствъ учнутъ приходить въ войско Запорожское къ Гетьману, Богдану Хмельницкому, и ко всему войску Запорожскому о добрыхъ дѣлѣхъ послы, и Мы, Великій Государь, тѣхъ пословъ Гетьману принимать и отпускать повелѣли, а изъ которыхъ Государствъ и о какихъ дѣлѣхъ тѣ послы присланы и съ чемъ отпущены будутъ, Гетьману о томъ всемъ писать къ Намъ, Великому Государю, вскорѣ. А буде которые послы отъ кого присланы будутъ съ какимъ противнымъ къ Намъ, Великому Государю, дѣломъ, тѣхъ пословъ войску задержать и писать объ нихъ къ Намъ, Великому Государю, вскорѣ жъ, а безъ Нашего Царскаго Величества Указу назадъ ихъ не отпускать; а съ Турецкимъ Султаномъ и съ Польскимъ Королемъ безъ Нашего Царскаго Величества Указу зсылки не держать. И по Нашему Царскаго Величества жалованью нынѣшнимъ Царскаго Величества подданнымъ, Богдану Хмельницкому, Гетьману войска Запорожскаго, и всему Нашему Царскаго Величества войску Запорожскому быть подъ Нашею, Царскаго Величества, высокою рукою по всѣмъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ и по всѣмъ статьямъ, которыя писа-

ны выше сего, и Намъ, Великому Государю, и сыну Нашему, Государю Царевичу и Великому Князю, Алексѣю Алексѣевичу, и наслѣдникомъ Нашимъ, служити и прямити и всякаго добра хотѣти, и на Нашихъ Государскихъ неприятелей, гдѣ Наше Царское повелѣніе, будетъ, ходити и съ ними битисѣ, и во всемъ быть въ Нашемъ Государскомъ послушаніи на вѣки. О которыхъ оныхъ статьяхъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, тѣ вышъ именованные Посланники, Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго и всего Нашего Царскаго Величества войска Запорожскаго, били челомъ и подали Нашимъ Царскаго, Величества ближнимъ Бояромъ, Боярину и Намѣстнику Казанскому, Князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, Боярину и Намѣстнику Тверскому, Василью Васильевичу Бутурлину, Окольничему и Намѣстнику Каширскому, Петру Петровичу Головину, Думному Дьяку, Альмазу Иванову, статьи. И Мы, Великій Государь тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью Наше Царскаго Величества изволенія, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями. Да тѣ статьи съ Нашимъ Царскаго Величества Указомъ велѣли дать тѣмъ же Посланникомъ, Самойлу и Павлу, и хотимъ его, Гетьмана Богдана Хмельницкаго, и все войско Запорожское держать въ Нашемъ Царскаго Величества милостивомъ жалованьи, и въ призрѣніи, и имъ бы Нашему Государскую милость быть надежнымъ.

Дана сія Царскаго Величества жалованная Грамота, за Нашею Государственною печатью, въ Нашемъ Царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7162, Марта 27 дня, а отъ Рождества Христова 1654 году. Подпись Думнаго Дьяка Альмаза Иванова. Писана на картѣ, кайма безъ фигуръ; Богословіе и Государево имя писано золотомъ.

2.

Грамота Монаршая Малороссійскому Шляхетству:

Божіею Милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рѣзанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабарданскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Дѣдичь, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали есьми Нашія Царскаго Величества отчины, Малыя Россіи жителей, людей стану шляхетскаго, что въ нынѣшнемъ 1654 году, какъ по милости Божіей учинился подъ Нашею Царскаго Величества Высокою рукою, Гетьманъ Богданъ Хмельницкій и все войско Запорожское, и вся Малая

Русь, и вѣру Намъ, Великому Государю, и Нашимъ Царскимъ дѣтямъ и Наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и въ Мартѣ мѣсяцѣ прислалъ къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, онъ, Гетьманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, посланниковъ своихъ, Самойлу Богданова, Судью войсковаго, да Павла Тетерю, Полковника Переяславскаго, чтобъ Намъ, Великому Государю, его, Гетьмана Богдана Хмельницкаго, и все войско Запорожское, пожаловати поволити шляхтѣ Благочестивой Христіянской Вѣры, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру къ Намъ, Великому Государю, учинили, быти при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ и правахъ и привилегіяхъ, и старшихъ себѣ на уряды, судовіе выбирать межъ себя, и добра свои имѣти свободны, такъ же какъ и напредъ того при Королѣхъ Польскихъ бывало, и суды бъ земскіе и градскіе отправляти чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами межъ себя оберутъ. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество для челобитья подданнаго Нашего, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, и всего Нашего Царскаго Величества войска Запорожскаго, шляхтѣ, которые пребываютъ въ Нашей Царскаго Величества вотчинѣхъ Малой Россіи, велѣли быть подъ Нашего Царскаго Величества Высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ и вольностямъ, отъ Королей Польскихъ даннымъ, и вольностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не рушать не велимъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовіе земскіе, и градскіе, выбирати межъ себя самимъ, и маетностями своими владѣти поволили, и судитись имъ межъ себя по своимъ правамъ поволили, и по Нашему Царскаго Величества жалованью, Нашей Царскаго Величества отчины, Малыя Россіи, жителямъ шляхтѣ быти подъ Нашею Царскаго Величества высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ въ вольностяхъ шляхетскихъ свободно, безъ всякія неволи во всемъ, по тому же, какъ въ сей Нашей Государской жалованной Грамотѣ написано, и Намъ Великому Государю, и сыну Нашему, Государю Царевичу Алексѣю Алексѣевичу, и наслѣдникомъ, Нашимъ служити и всякаго добра хотѣти, и на Нашихъ Царскаго Величества непріятелей, гдѣ Нашое Государское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними биться, и во всемъ быть въ Нашей Государской волѣ и въ послушаніи навѣки. А Мы, Великій Государь, учнемъ васъ держать въ Нашемъ Царскаго Величества милостивомъ жалованьи и въ призрѣніи, и вамъ быть на Нашу Государскую милость надежнымъ безъ всякаго сумнѣнія.

Дана сія Наша Государская жалованная Грамота въ Нашемъ Царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія мира 7162, а отъ Рождества Христова 1654, Марта 27 дня. Подпись Думнаго Дьяка Алмаза Иванова. Писана на картѣ противъ прежней грамоты.

Сверхъ сихъ жалованныхъ Грамотъ были словесные разговоры, на Казенномъ Государевомъ дворѣ, между Малороссійскими Посланниками и ближнимъ Бояриномъ, Намѣстникомъ Казанскимъ, Княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ, и протчими, къ тому отъ Государя опредѣленными, 1654 го-

да, Марта 13 дня, кои состояли въ 26 пунктахъ; но поколику остались они безъ рѣшенія, за тѣмъ и вносить сюда ихъ почелъ я за ненужное, а представляются токмо тѣ пункты Гетьмана Богдана Хмельницкаго, которые, по принятіи его подъ Высокую Всероссійскую Державу Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Самодержцемъ Всероссійскимъ и конфирмованы.

ПУНКТЫ ГЕТЬМАНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО, УТВЕРЖДЕННЫЕ ЦАРЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ:

Божіею Милостію Великій Государь и Великій Княже, Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя Россіи Самодержце, и многихъ Государствъ Государю и Обладателю, Твоему Царскому Величеству,

Мы, Богданъ Хмельницкій, Гетьманъ войска Запорожскаго, и все войско Запорожское, и весь міръ Христіянскій Россійскій, до лица земли челомъ бьемъ:

Обрадовався вельми съ пожалованья великаго и милости неизреченныя Твоего Царскаго Величества, которую намъ изволилъ Твое Царское Величество показать много, челомъ бьемъ Тебѣ, Государю Нашему, Твоему Царскому Величеству служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлахъ и повелѣніяхъ Царскихъ, Твоему Царскому Величеству будемъ по вѣки, только просимъ вельми, яко въ Грамотѣ просили есьми изволилъ бы намъ, Твое Царское Величество въ томъ всемъ пожаловать и милость Свою Царскую указать, о чемъ посланники наши отъ насъ Твоему Царскому Величеству будутъ челомъ бить.

1.

Въ началѣ изволь Твое Царское Величество подтвердити права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорожскомъ, что своими правами суживалися, и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, чтобъ ни Воевода, ни Бояринъ, ни Стольникъ въ суды войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ чтобъ товариство сужены были, гдѣ три человѣта Козаковъ, тогда два третьяго судити должны.

Подъ сими статьями помѣта Думнаго Дьяка Альмаза Иванова: Сей статьи указалъ Государь и Бояри приговорили: быть такъ по ихъ челобитью.

2.

Войско Запорожское въ числѣ шестидесяти тысячей чтобъ всегда полно было.

Указалъ Государь и Бояре приговорили: быть по ихъ челобитью 60,000 чело-вѣкъ Козаковъ.

3.

Шляхта, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной Заповѣди Христіянской, Тебѣ Великому Государю Нашему, Твоему Царскому Величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребыли, и межъ себя Старшинъ на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имѣли какъ при Королѣхъ Польскихъ бывало, чтобъ и нынѣ, увидя таковое пожалованье Твоего Царскаго Величества, клонились подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку Твоего Царскаго Величества со всѣмъ міромъ Христіянскимъ; суды Земскіе и Городскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они са-

ми себѣ добровольно оберуть, исправляемы быть имѣютъ, какъ и прежде сего, такожъ и шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетности тогда, и нынѣ любо чтобъ имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣть дано.

Симъ статьямъ указалъ Государь и Бояре приговорили: быти по ихъ челобитью

4.

Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными Твоего Царскаго Величества исправляти или уряжати и приходъ належачій въ правду въ казну Твоего Царскаго Величества отдавать.

Указалъ Государь и Бояре приговорили: быть по ихъ челобитью, а быть бы урядникамъ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникомъ, и доходы, денежные и хлѣбные, и всякіе на Государя збирать имъ и отдавать въ Государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ Государь пришлетъ, и тѣмъ людямъ, кого для той зборной казны Государь пришлетъ надъ тѣми зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

5.

На булаву Гетьманскую, что надано со всѣми принадлежностьми старотство Чигринское, чтобъ нынѣ для всякаго ряду пребывало.

Указалъ Государь и Бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

6.

Сохрани Боже смерти на Пана Гетьмана, понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего не можетъ быть, чтобъ войско Запорожское само межъ себя Гетьмана избирали и Его Царскому Величеству извѣщали, чтобъ то Его Царскому Величеству не въ кручину было, понеже тотъ давній обычай войсковый.

Государь указалъ и Бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

7.

Имѣній Козацкихъ чтобъ никто не отнималъ, и которыя земли имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель чтобъ при тѣхъ имѣніяхъ добровольно владѣли вдовы, послѣ Козаковъ оставшіесь, и дѣти ихъ такія жъ вольности имѣли бъ, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

8.

Писарю войсковому чтобъ по милости Его Царскаго Величества 1000 золотыхъ для подписковъ, такъ же и мельницы для прокормленія, что великой расходъ имѣетъ.

Быть по ихъ челобитью, давать съ тамошнихъ доходовъ.

9.

На всякаго Полковника чтобъ по мельницѣ, для того, что расходъ великой имѣютъ. Но когда милость будетъ Твоего Царскаго Величества, и больше того чѣмъ Твое Царское Величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ быть по ихъ челобитью.

10.

Такъ же на Судей войсковыхъ по 300 золотыхъ и по мельницѣ, а на Писаря судейскаго по 100 золотыхъ.

Государь пожаловалъ быть: по ихъ челобитью, а про судей допросить, сколько судей.

11.

Такъ же Асауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войска

завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ бъ имъ было просимъ Твоего Царскаго Величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

12.

На поддѣлку снаряду войска, и на пушкарей, и на всѣхъ людей работныхъ, и снаряду просимъ Твоего Царскаго Величества, изволь имѣти Свое Царское милостивое призрѣніе яко о зимѣ, тако и о станахъ, такожде на Обознаго 400 золотыхъ.

Государь пожаловалъ велѣлъ давать съ тамошнихъ доходовъ.

13.

Права, паданныя изъ вѣковъ отъ Князей и Королей, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ, чтобъ ни въ чемъ нарушены не были.

Государь пожаловалъ велѣлъ: быть потому.

14.

Послы, которые извѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску Запорожскому, чтобъ Пану Гетьману и всему войску Запорожскому, которые были бъ къ доброму, вольно принять, чтобъ то Его Царскому Величеству въ кручину не было, а чтобы имѣли противо Его Царскаго Величества быть, должны мы Его Царскому Величеству извѣщать.

Государь указалъ и Бояре приговорили: Пословъ о добрыхъ дѣлахъ принимать нотпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходятъ и съ чѣмъ отпущены будутъ, и о томъ писать къ Государю; а которые послы присланы будутъ съ противнымъ дѣломъ къ Государю, и тѣхъ задерживать и писать объ нихъ къ Государю, а безъ Государева Указу ихъ не отпускать; а съ Турками и Салтаномъ и съ Польскимъ Королемъ безъ Государева Указу не ссылаться.

15.

Какъ въ иныхъ земляхъ дань вдругъ отдаютъ, волили бы есми и мы, только бъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые Твоему Царскому Величеству надлежатъ. Естьли бы инако быть не могло, то и на единаго Воеводу не позволить и о томъ договариваться, развѣ бы изъ тутешныхъ людей обобравши Воеводу, человѣка достойнаго, кой имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду Его Царскому Величеству отдавати.

А то для того имѣютъ посланники наши договорываться, что наѣхавши Воевода, права бъ ломати имѣлъ и установы какіе чинити, что бъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнути и тягости такія не могутъ носити; а изъ тутешнихъ людей когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ установленій тутешнихъ будутъ исправляти.

По сей статьи Государь указалъ и Бояре приговорили: быть по тому, какъ выше сего написано, збирать, войтамъ, и бурмистрамъ, и райцамъ, и лавникамъ, а отдавать въ Государеву казну тѣмъ людямъ, кого Государь пришлетъ, и тѣмъ людѣмъ надъ зборщики смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

16.

Преже сего отъ Королей Польскихъ ни какова гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго чину свои вольно-

сти имѣли и для того вѣрно служили, а нынѣ, за наступленію на вольности наши, понуждены Его Царскому Величеству подъ крѣпкую руку поддаться, и прилѣжно просити имѣютъ послы наши, чтобъ привилегіи его Царское Величество намъ на хартіяхъ писанныя, съ печатьми выслыми, единъ на вольности Козацкія и другій на шляхетскія, далъ, чтобъ на вѣчное время непоколебимо было ; а когда то одержимъ , сами смотръ межъ себя имѣти будемъ, а кто Козакъ, то будетъ вольность Козацкую имѣть , а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ дань давать обыклую Его Царскому Величеству какъ преже сего , такоже и на люди всякіе, которые Его Царскому Величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и Бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

17.

О Митрополитѣ помянуть имѣютъ какъ будутъ разговаривать, и о томъ посламъ нашимъ изъустной мы наказъ дали есми.

Государь указалъ и Бояре приговорили: Митрополиту на маятности его , которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамоту.

18.

Также де прилѣжно просить послы наши имѣютъ Его Царскаго Величества, чтобъ Его Царское Величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятели не могли справиться и съ инщими совокупиться , для того что войска ихъ нынѣ принуждены, чтобъ никакой они лести не творили, естьли бы они имѣли чемъ желать.

Государь указалъ и Бояре приговорили: про походъ ратныхъ людей объявить посланникомъ, съ котораго числа Государь самъ и Бояре и ратные многіе люди съ Москвы пойдутъ, а Гетьману не писать.

19.

И то надобное дѣло припомнить, чтобъ не много люду здѣсь по рубежу отъ Ляховъ, для всякаго безстрашія, 200 было, или , какъ воля Его Царскаго Величества будетъ, хотя больше.

Допросить , въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ.

20.

Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску Запорожскому платили; просить и нынѣ Его Царскаго Величества, чтобъ на Полковника по 100 ефимковъ, на Асауловъ полковыхъ по 400 золотыхъ, на Сотниковъ по 100 золотыхъ, на Козаковъ по 30 золотыхъ.

Отговаривалъ Великій Государь, Его Царское Величество, для Православныя Христіянскія Вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ разорити церкви Божіи , искоренити Вѣру Христіянскую и отъ Латынъ обороняти, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей, и свою Государеву казну, для ихъ обороны ратнымъ людямъ роздалъ многую; а какъ былъ у Гетьмана, у Богдана Хмельницкаго , Государевъ ближній Бояринъ и Намѣстникъ Тверскій, Василій Васильевичь Бутурлинъ, съ товарищи, и говорилъ съ Гетьманомъ о числѣ войска Запорожскаго, и Гетьманъ говорилъ: Хотя число войска Запорожскаго великое будетъ, Государю въ томъ убытка не будетъ, потому что жалованья у Государя просить не учнуть, а говорилъ то Гетьманъ при

нихъ, при Судьѣ и при Полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится.

21.

Орда если бы имѣла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и Донскимъ Козакамъ готовымъ бытъ, а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку и ихъ не задирати.

Сказать: на Донъ Козакамъ Государево повелѣніе послано будетъ; Крымскіе люди, буде задору ни какова не учинятъ, на нихъ не ходить; а буде задоръ учинятъ, въ то время Государь укажетъ надъ ними промыслъ чинити.

22.

Кодакъ городъ, который есть здѣланъ на рубежѣ отъ Крыму, въ которомъ Панъ Гетьманъ всегда по 400 человѣкъ тамъ имѣетъ, и кормъ всякій имъ даетъ, чтобы и нынѣ Его Царское Величество приказалъ ихъ кормить, такожъ и на тѣхъ, которые за порогами коша берегутъ, чтобъ Его Царское Величество милостъ свою изволилъ показатъ, понеже нельзя его самаго безъ людей оставить.

Допросить, посколько корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ, и за порогами для коша сколько человѣкъ, и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.

Доложить Государю Бояре говорили: которые Государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ убѣгати въ Государевы Черкаскіе города и мѣста, и тѣхъ бы сыскавъ отдавали.

Здѣсь присовокупляется третья Грамота Государева, данная на маетности Гетьманскаго уряду, такъ какъ бы въ подтвержденіе ленныхъ добръ въ альялу.

ГОСУДАРЕВА ГРАМОТА НА МАЕТНОСТИ ГЕТЬМАНСКАГО УРЯДУ.

Божіею Милостію Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Тверскій, Югорскій, Пермскій, Ватскій, Болгарскій и иныхъ Государь, и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель, Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичъ и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали есьми подданнаго Нашего, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, что въ нынѣшнемъ 7162 году, какъ по милости Божіей учинился подъ нашею Государскою высокою рукою, онъ, Гетьманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, и вся Малая Россія, и вѣру Намъ, Великому Государю, и Нашимъ Государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, на вѣчное подданство учинили, и билъ челомъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, онъ, Гетьманъ Богданъ Хмельницкій, что напередъ сего отъ Королей Польскихъ дано было войска Запорожскаго на Гетьманскую булаву старство Чигринское со

всѣми къ нему принадлежностьми, чтобъ Намъ, Великому Государю, пожаловать тому старосту Чигринскому, для всякаго урядства, велѣти быть на булаву Гетьманскую по прежнему, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войска Запорожскаго, пожаловали старостомъ Чигринскимъ со всѣми принадлежностьми, велѣли быть войска Запорожскаго при Гетьманской булавѣ, по прежнимъ правамъ и привилегіямъ нерушимо, и по Нашему Царскаго Величества жалованью старосту Чигринскому со всѣми принадлежитостьми быти войска Запорожскаго при Гетьманской булавѣ по прежнимъ правамъ и привилегіямъ, и по сей Нашей Государевой жалованной Грамотѣ безповоротно. Дана сія Наша Государская жалованная Грамота въ Нашемъ Царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7162, а отъ Рождества Христовѣ 1654, Марта 27. Писана сія Грамота на средней бумагѣ, съ каймою жъ. Подпись Думнаго Дьяка Альмаза Иванова. Печать большая подъ кустодіею.

ЧИСЛО ПОЛКОВЪ КОЗАЦКИХЪ ПРИ ПРИСОЕДИНЕНІИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ВЕЛИКОЙ РОССІИ.

Въ пришествіе Хмельницкаго въ подданство Всероссійскому престолу, щиталось тогда Малороссійскихъ полковъ 15, потому что нѣкоторые нынѣшніе полки присовокуплены были къ одному, какъ то, въ Нѣжинскомъ состоялъ и Стародубовской, а протчіе были раздѣлены, какъ то, Кіевскій и Остерскій. Каковые же оные полки были именно и сколько въ какомъ полку имѣлось Козаковъ, съ нижеслѣдующаго видѣть можно:

	Число Козаковъ.
1-й Полкъ Чигринскій, въ немъ	3,189
2-й ——— Черкаскій, въ немъ	2,989
3-й ——— Каневскій, въ немъ	3,120
4-й ——— Корсунскій, въ немъ	3,492
5-й ——— Уманскій, въ немъ	3,830
6-й ——— Браславскій, въ немъ	2,802
7-й ——— Калницкій, въ немъ	6,046
8-й ——— Кіевскій, въ немъ	2,080
9-й ——— Переяславскій, въ немъ	2,150
10-й ——— Кропивянскій, въ немъ	2,083
11-й ——— Остерскій, въ немъ	1,988
12-й ——— Миргородскій, въ немъ	3,158
13-й ——— Полтавскій, въ немъ	2,783
14-й ——— Нѣжинскій, въ немъ	9,083
15-й ——— Черниговскій, въ немъ	9,096
А всего.....................	57,889

Охотного же войска было безъ числа, яко весь народъ Малороссійскій однимъ именемъ назывались Козаки, и волю имѣли или Козацки служить или свободно жить, въ подданствѣ же быть ничьемъ никто не желалъ.

А какъ скоро Король Польскій и Крымскій Ханъ извѣстились о подданствѣ Хмельницкаго подъ высокою Всероссійскую Державу, то, согласясь вмѣстѣ, собирались итти на войну къ Москвѣ.

О чемъ когда увѣдалъ Хмельницкій, тотчасъ Его Царскому Величеству донеслъ, и Государь Царь самъ особою своею, соизволилъ маршировать съ войсками своими въ походъ въ Литву, а другую часть войска своего, подъ командою Боярина Бутурлина, отправилъ въ помощъ Хмельницкому. Хмельницкійже, напротивъ сего, полкъ Нѣжинскій и Черниговскій съ протчими многими Козаками, подъ командою Нѣжинскаго Полковника, Ивана Золотаренка, отправилъ къ Его Величеству подъ Смоленскъ, при осадѣ котораго Козаки особливую свою оказали храбрость, и Смоленскъ взятъ благополучно, потомъ Витебскъ и Полоцкъ, а напослѣдки и городъ Могилевъ, такъ какъ и многіе Литовскіе, Бѣлорускіе города Его Царскому Величеству покорились, протчіежъ города, какъ то: Гомель и Новый Быховъ, одними только Козаками, подъ командою Золотаренка, были покорены. Въ знакъ таковой Козацкой побѣды, Его Царское Величество всѣмъ Козакамъ изволилъ жаловать золотыя небольшія медали (кои тогда назвали Козаки золотыми копѣйками), каждая въ цѣнѣ тридцати копѣекъ.

1655 года Польскіе Коронные Гетьманы уговорили Хана Крымскаго съ Ордою на свою сторону для истребленія Украйны, о чемъ Хмельницкій увѣдомясь, велѣлъ всѣмъ Козакамъ собраться вмѣстѣ, и поставилъ ихъ по квартирамъ, яко зимнее тогда было время, въ городахъ около Уманья, самъ же, съ протчими своими полками и войскомъ Его Царскаго Величества, состоявшимъ подъ командою Боярина Василья Борисовича Шереметьева, сталъ въ Ставищахъ. За полученіемъ же извѣстія, что Польскія войска съ Ордою маршируютъ къ нимъ прямо, рушили оттуда къ Уманю, гдѣ, на урочищѣ Дрижиполи, тотчасъ и пострѣчались съ Ордою и Польскимъ войскомъ, которые Хмельницкаго чрезъ три дни сильно атаковали, а наконецъ Хмельницкій съ Россійскимъ войскомъ принудилъ Польскія войска и Татаръ, по многомъ кровопролитномъ сраженіи, ретироваться назадъ, Поляковъ за рѣку Богъ и въ Польшу, а Татаръ въ ихъ землю прогнали.

Того жъ года, когда Его Царское Величество, по прошествіи зимы, изволилъ маршировать далѣе въ Литву къ Вильнѣ, съ которой Гетьманъ Радзивилъ уступить принужденъ, то Хмельницкій съ полками своими и Россійскими ходили подъ городъ Львовъ, которымъ, такъ какъ и Люблиномъ, овладѣли было благополучно.

1657 года, Августа 6 числа, Гетьманъ Хмельницкій, видя себя, отъ многихъ понесенныхъ трудовъ, въ слабости, повелѣлъ созвать Генеральную Старшину Полковниковъ и другихъ Старшинъ, такожъ и сына своего, Юрья, кой въ то время, съ войскомъ Козачьимъ, былъ на Ташлыку, съ повелѣнія его жъ, для

примѣчанія происхожденія между войскомъ Польскимъ и, Венгерскимъ, сыскать велѣлъ. За собраніемъ всѣхъ ихъ, объявилъ онъ, что онъ уже болѣе руководствовать имъ и всему войску ; по слабости здоровья своего, не въ состояніи; затѣмъ, кого желаютъ быть на мѣсто его Гетьманомъ, спросилъ, на что единодушно всѣ отвѣтствовали, что сына его, Юрья Хмельницкаго, желаютъ. Хотя онъ еще и младъ, однакъ, до совершеннаго его возраста, имѣетъ быть все войско подъ управленіемъ другихъ искусныхъ вождевъ ; чего для Хмельницкій , при всемъ собраніи, тогда жъ сыну своему , Юрью , и всѣ войсковые Гетьманскіе клейноты препоручилъ съ довольнымъ увѣщеваніемъ о вѣрной службѣ Его Царскому Величеству.

И тако вслѣдъ затѣмъ, Августа 15 дня, оный, обѣихъ сторонъ Днѣпра и всего войска Запорожскаго , Гетьманъ, Зиновѣй Богданъ Хмельницкій, временную свою окончилъ жизнь въ Чигринѣ, и былъ погребенъ съ великимъ всего Козацкаго войска сожалѣніемъ въ Суботовѣ, въ каменной церквѣ, созданной иждивеніемъ его жъ, куда изъ Чигрина проважено тѣло его всѣмъ войскомъ церемоніально.

О ЮРЪѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И ВИГОВСКОМЪ.

Скоро по погребеніи Хмельницкаго Генеральная Старшина , а паче тѣ, коихъ въ опеку молодой Хмельницкій былъ препорученъ, имѣя внутреннюю зависть и желаніе достоинства Гетьманскаго, подъ видомъ пріятства , за представленіемъ многихъ трудностей, имѣющихъ быть , уговорили Юрья Хмельницкаго оставить оное Гетьманское достоинство, на что Юрій Хмельницкій, какъ молодой человѣкъ, легко и согласился и, созвавши Раду, которая изъ небольшаго числа Козаковъ тогда состояла, публично поблагодарилъ за оное достоинство, и всѣ Гетьманскіе клейноты положилъ предъ Радою. Оная же Генеральная Старшина, какъ-то: Обозный Носачъ, Судья Лесницкій и Писаръ Виговскій , прикрывая каждый хитрость свою, благодарили такожъ за чины свои, не желая болѣе несть трудовъ въ войскѣ, но посполъство войска, не смотря ни на что, чувствуя довольно умершаго Гетьмана заслуги и труды, единогласно вскричало Хмельницкому быть Гетьманомъ и на тое достоинство прилѣжно всѣ просили его, отъ чего, хотя молодой Хмельницкій разными способы отговаривался, однакъ, наконецъ, когда войско тоже и одно для отеческой его славы твердило, согласился, съ тѣмъ, однако, чтобъ до совершенныхъ лѣтъ его правленіе Гетьманства препоручено было той Генеральной Старшинѣ, а въ походѣхъ одному Писарю Виговскому, яко заобыклому къ военнымъ дѣламъ человѣку, которому изъ рукъ Хмельницкаго, при каждомъ походѣ, всѣ Гетьманскіе клейноты, какъ - то : булава , бунчукъ и знамена, препоручаться будутъ, на что сіи и другіе охотно согласились, съ тѣмъ токмо условіемъ, единственно отъ посполъства войска, чтобъ Виговскій, за каждымъ изъ походу возвращеніемъ , тотчасъ всѣ клейноты отдавалъ до рукъ Гетьмана Хмельницкаго. Напротивъ сего, Виговскій, какъ хитрый человѣкъ, испросилъ себѣ, какъ отъ молодаго Гетьмана, такъ и отъ всего войска, то, чтобъ, когда будетъ съ войскомъ въ походѣ, писа-

тись ему Гетьманомъ войска Запорожскаго, что ему, безъ всякаго дальшаго разсужденія, и дозволено.

Виговскій, скоро получа сіе, такъ какъ и Гетьманскія клейноты, не думалъ болѣе обратно ихъ возвращатъ, а старался всѣми мѣрами опять быть подъ вѣдѣніемъ Польши, на что и Польской посланникъ, именемъ Гнѣнскій, у него уже обрѣтался, и Польское войско и драгуны къ нему приходить начали.

Полковникъ Полтавскій, Пушкарь, примѣтя таковое Виговскаго злоумышленіе, писалъ къ Его Царскому Величеству, и Его Царское Величество, по оному Пушкаря доношенію, 1658 году, соизволилъ прислать въ Украйну Боярина, Богдана Матвѣевича Хитрова, для избранія войску Запорожскому Гетьмана, который бы, по избраніи, на вѣрность Его Царскому Величеству тѣмъ же Бояриномъ приведенъ былъ къ присягѣ.

Виговскій, по острой своей хитрости, предускоряя то, прибылъ съ нѣкоторою частію войска, кое ему доброжелательно было, въ Переясловъ, гдѣ, для избранія Гетьмана, и Радѣ быть повелѣно, на которой, когда Виговскій присланнаго Боярина сладкорѣчіемъ своимъ обольстилъ, а сверхъ того и довольно его одарилъ, то, за согласіемъ доброхотовъ Виговскаго, оный Бояринъ, Хитровъ, не дожидаясь большаго собранія, на Гетьманское достоинство его жъ, Виговскаго, и подтвердилъ, о чемъ Полковникъ Полтавскій извѣстясь, собравши войска 20,000 человѣкъ, спѣшилъ къ Переяслову, для пресѣченія оной Рады, однакъ самъ тотъ Бояринъ, возвращаясь изъ Переяслова, когда пострѣчалъ его съ тѣмъ войскомъ въ Лубняхъ, къ тому не допустилъ, и какъ можно уговорилъ его возвратиться обратно въ Полтаву.

За отшествіемъ Боярина изъ Украйны, Виговскій учинилъ согласіе и дружбу съ Татарами, какъ бы для усмиренія недруга своего, Пушкаря, и согласниковъ ему, что и дѣйствительно надъ онымъ Пушкаремъ и произвелъ, и гдѣ ни обрѣтались согласные ему, Пушкарю, Козаки, какъ то: въ Лубняхъ, въ Гадячѣ и Глуховѣ, остріемъ меча всѣхъ истребилъ и самаго Пушкаря подъ Полтавою убилъ, хотя съ многимъ и своего войска кровопролитіемъ и потеряніемъ булавы своей.

Между тѣмъ того жъ года Поляки, желая опять Козаковъ привесть въ свое порабощеніе, хитростно прислали пословъ своихъ, что яко бы усовѣтовали они на Сеймѣ Варшавскомъ быть на Украйнѣ третьей Рѣчи Посполитой, на что и слѣдующіе учинили пункты:

Уніи на Украйнѣ не быть, а митрополитъ Кіевскій, съ четырьмя Рускими владыками, по Арцибыскупу Гнѣзненскомъ въ Сенатѣ засѣдали бъ. Войска Козацкаго 60,000 да будетъ. Гетьману Великаго Княженія Рускаго Украинскому быть первымъ Кіевскимъ Воеводою; въ Генералы и въ Сенаторы Польскіе не токмо изъ Римлянъ, но изъ Рускихъ избирать вольно; церкви и монастыри съ доходами ихъ привернуть паки Руси, да и въ Украйнѣ Козацкой имѣть свою Академію, Метрики, Канцеляріи и Типографіи, гдѣ и Рускіе учители быть должни. Самовольства и преступства, во время войны учиненныя, пустить въ амнистію, инако предать забвенію; миру нарушенія послѣ нѣтъ. Податей Руси

до Короны Польской не давать; обосторонной Днѣпра Украинѣ ни подъ чіимъ владѣніемъ, только самаго Гетьмана, быть; Король, по свидѣтельству Гетьманскому, Козаковъ принимать въ шляхетство долженъ, для чего всегда сто человѣкъ шляхетства Козацкаго достойныхъ быть должно. Польскимъ войскамъ въ Украйнѣ не консистовать, развѣ по нуждѣ, да и то Гетьманъ Малороссійскій оными командовалъ бы. Козацкому же войску по волостямъ Королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ, консистовать вольно. Гетьману Украинскому монету бить, своему токмо войску на жалованье, позволяется. Полякамъ во всякихъ нуждахъ Короны Польской Козаковъ къ совѣту употреблять.

Симъ Виговскій будучи побужденъ, ласкалъ и протчихъ Козаковъ, къ вѣроятію чего для и посланниковъ Польскихъ отправилъ съ тѣмъ, что Украйну опять къ Польшѣ присоединитъ.

И будучи дѣйствительно въ томъ намѣреніи, всѣхъ противниковъ своихъ возможными мѣрами истреблялъ и города многіе, какъ то: Зѣнковъ, Гадячь, Веприкъ, Рашевку, Лютеньку и протчіе въ плѣнъ и разореніе Татарамъ отдалъ.

О которыхъ Виговскаго поступкахъ Его Царское Величество извѣстясь, отправилъ тотчасъ, для усмиренія его, двадцать тысячь Россійскаго войска, подъ командою Князя Григорія Григоріевича Ромодановскаго, при которомъ и нѣсколько вѣрныхъ Козацкихъ полковъ было, подъ руководствомъ правящаго на тотъ часъ за Гетьмана, Безпалаго и Барабаша, Запорожскаго Кошоваго.

Тогда жъ единогласникъ Виговскаго, Гуляницкій, Полковникъ Нѣжинскій, многія по Малой Россіи дѣлалъ разоренія, однакъ, наконецъ, 1659 года, Ромодановскій осадилъ его въ Конотопѣ.

Виговскій, хотячи прикрыть измѣну свою предъ Государемъ, писалъ къ Его Величеству весьма смиренно, представляя, что онъ смиряетъ противниковъ своихъ и согласниковъ Полковника Пушкаря, который у него и булаву Гетьманскую отбилъ и послалъ къ Россійскому Воеводѣ, въ Каменное, чего для онъ, чтобъ отобрать ту булаву обратно, съ нѣкоторою частію войска ходилъ подъ тотъ городъ, Каменное.

Между тѣмъ, когда Виговскій провѣдалъ о осадѣ Гуляницкаго, тотчасъ, совокупясь съ Поляками и Татарами, маршировалъ прямо на Конотопъ, о чемъ Князь Ромодановскій и Пожарскій извѣстясь, оставили Конотопскую осаду и рушили прямо противъ Виговскаго, котораго и пострѣчали построеннаго уже въ ордеръ баталіи около Сосновки и Торговицы, гдѣ многое было сраженіе и кровопролитіе, на которомъ Россійскаго войска до нѣсколько тысячь потеряно, между коими и Князь Пожарскій остался убитъ, а Ромодановскій спасся ретирадою, такожъ и Князь Трубецкій, кой до тѣхъ поръ держалъ Конотопъ въ осадѣ, оставя оный, пробрался оборонною рукою до Путивля безъ урону, слѣдственно, Гуляницкій, бывъ осажденный, въ Конотопѣ, остался свободнымъ, а Виговскій, проводивъ Россійское войско къ Путивлю, возвратился, вмѣстѣ съ Татарами, подъ Гадячь, откуда такъ Татаре, какъ и Коза-

ки пробирались въ Великороссійскіе города, причиняя обывателямъ многія обиды и разоренія.

Виговскій, стоя подъ Гадячемъ лагеремъ, предложенные Козакамъ отъ Поляковъ пункты, учиня съ Польскимъ Королемъ договоръ, совершилъ, кои отъ Польской стороны тамъ же были и конфирмованы и привиллегіемъ утверждены, съ тѣмъ, что Виговскому быть Воеводою Кіевскимъ, и въ Кіевѣ всѣ бы Суды трехъ Воеводствъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго были производимы, и на Сеймъ въ Варшаву или Люблинъ болѣе изъ тѣхъ Воеводствъ никто бы не ѣздилъ, и прочая.

ЖАЛОБА ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО НА ВИГОВСКАГО, ЗА ОТНЯТІЕ ГЕТЬМАНСТВА ДО ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Между тѣмъ Юрій Хмельницкій отправилъ слугу своего, Ивана Брюховецкаго (кой посля и Гетьманомъ былъ) въ Сѣчь Запорожскую съ жалобою на Виговскаго за похищеніе у него Гетьманскаго достоинства и съ прошеніемъ въ томъ ему дать помощи. Чего для Запорожскіе Козаки, согласясь съ Поднѣпранскими и живущими по рѣкѣ Бугу Козаками въ разсужденіи того, что Виговскій дѣйствительно явную уже оказалъ невѣрность Его Царскому Величеству чрезъ учиненный миръ съ Поляками и чрезъ опустошеніе и крайнее разореніе Полтавскаго, Лубенскаго и Миргородскаго полковъ, собрались въ Брацлавль и единогласно избрали опять себѣ за Гетьмана Юрья Хмельницкаго.

ГЕТЬМАНСТВО ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

О семъ какъ скоро Виговскій провѣдалъ, то, оставя Татаръ, спѣшилъ на ту сторону Днѣпра, чтобъ послѣдовавшій между Козаками несогласія угасить пожаръ, куда прибывши, велѣлъ тотчасъ предъ Козаками заключенныя съ Поляками Пакты, яко полезныя Украйнѣ, читать; однакъ, они, будучи въ постоянной вѣрности къ Россійскому Государству, и слушать того не желали и, разъярясь, многихъ согласниковъ Виговскому начали бить въ смерть, при чемъ пострадали и самые Козацкіе депутаты, именно: Немеричь, Верещакъ и Сулима, кои въ Варшавѣ за тѣми Пактами ходатайствовали, которому жребію неотмѣнно былъ бы и самъ Виговскій подверженъ, естьли бъ Польское войско, бывшое при немъ, не защитило его, чего для принужденъ былъ онъ тогда жъ всѣ Гетьманскіе клейноты возвратить обратно Юрью Хмельницкому и ретироваться вскорѣ во внутрь Польши.

Хмельницкій, за принятьемъ къ себѣ Гетьманскихъ клейнотъ и команды надъ Козаками, писалъ тотчасъ къ Его Величеству въ Москву съ прошеніемъ о дачи ему Россійскаго войска въ помощь для прогнатія Поляковъ изъ Украйны, не смотря на то, что тогда жъ Король Польскій прислалъ къ нему каштеляна Волинскаго съ подтвержденімъ ему Гетьманскаго достоинства, а между тѣмъ писалъ къ Гетьману Потоцкому, чтобъ тотчасъ всѣ Польскія войска, введенныя Виговскимъ въ Малую Россію, выступили прочь, чего и не дожидаясь Полковникъ Переясловскій, Цюцюра, съ своими Козаками наступилъ на Поляковъ, бывшихъ тогда въ Украйнѣ изъ которой, а паче изъ Нѣжина, гдѣ пять хоругвей Польскихъ стояло, и Чернигова выбилъ,

прочь и отъ мала по малу цѣлая Украйна опять свободилась отъ Польскаго войска.

А какъ сіе тутъ продолжалось, то Юрій Хмельницкій съ Кошевымъ Запорожскимъ, Сѣркомъ, благополучно овладѣли Чигриномъ, въ которомъ заперлась было жена Виговскаго, которую Юрій Хмельницкій по родству велѣлъ тотчасъ сослатъ въ Польщу, къ мужу ея, Виговскому.

Сего времени, на доношеніе Юрія Хмельницкаго, отъ Его Царскаго Величества послѣдовало подтвержденіе на Гетьманское достоинство чрезъ Боярина и Князя Трубецкаго.

1660 года Гетьманъ Юрій Хмельницкій имѣлъ съ войскомъ Раду на Кодачку, въ Петровцѣ, на которой и Бояринъ Его Царскаго Величества, Василій Борисовичъ Шереметьевъ, былъ, по усовѣтованію съ которымъ положили на мѣрѣ итти въ походъ въ Польшу двумя дорогами. И тако Бояринъ Шереметьевъ съ Россійскимъ войскомъ и тремя Козацкими полками, кои состояли подъ командою Переясловскаго Полковника, Цюцюры, маршировалъ прямо на Котельву, причиняя многія Польскимъ обывателямъ разоренія, а Гетьманъ Хмельницкій шолъ съ войскомъ своимъ путемъ Янчарскимъ, на которомъ Коронныя войска съ ордами его пострѣчали и такъ сильно отъ всѣхъ сторонъ атаковали его, что онъ, по многомъ своемъ сопротивленіи, принужденъ, не имѣя ни откуда себѣ помощи, яко Шереметьеву сообщиться съ нимъ не допущено, здатись со всѣмъ своимъ войскомъ и на вѣрность Королю Польскому, хотя принужденно, присягнулъ.

Равнымъ образомъ таковая неудача послѣдовала и Шереметьеву, котораго за Котельвою, когда Польскія войска съ Татарами отвсюду облегли, то и онъ принужденъ былъ здаться на акордъ съ тѣмъ, что онъ тотчасъ Россійское войско изъ Кіева выведетъ прочь и Кіевъ отданъ будетъ Польскому Королю по прежнему; однакъ, когда сего учинить былъ онъ не въ состояніи, яко Князь Борятинскій, будучи тогда съ Россійскимъ войскомъ въ Кіевѣ, не токмо на сіе не согласился, но еще приступающее Польское войско къ Кіеву отогналъ далѣе, то Козаки такъ самаго Шереметьева, какъ и всю команду его, отдали въ плѣнъ Татарамъ, а Козаки съ Цюцюрою послѣдовали Гетьману своему, Хмельницкому.

И такимъ образомъ, по непріязненной судьбинѣ, опять Украйна пришла во владѣніе Польское, кромѣ трехъ полковъ: Переясловскаго, Черниговскаго и Нѣжинскаго, которые охранены были содержащимъ Гетьманское правленіе, Сомкомъ, который интересъ Его Царскаго Величества вѣрно наблюдалъ, хотя Гуляницкій съ войскомъ своимъ и Польскимъ многія ему нападеніями своими причинялъ обиды.

О СОМКѢ.

1661 года оный Сомко, будучи въ надеждѣ той, что настоящимъ вскорѣ будетъ Гетьманомъ, собралъ всѣ силы свои, и всѣ Польскія войска, стоящія тогда по Украинскимъ городамъ, на ту сторону Днѣпра прогналъ и сегобочную Украйну опять подъ высокую Россійскую Державу привернулъ.

Вѣроломный Россіи Юрій Хмельницкій, додержуя Польшѣ своего пароля, пригласилъ къ себѣ

Крымскаго Хана и, въ мѣстѣ съ нимъ и нѣкоторыми Козаками и Поляками, приходилъ вооруженною рукою доставать Переясловля, однакъ сего учинить былъ не въ состоянiи и наступившой зимы сталъ квартирами подъ Нѣжиномъ, въ селѣ Кропивномъ, а Ханъ съ Татарами въ Хорошомъ Озерѣ, откуду многiя протчiимъ городамъ, а паче Стародубовскому полку, чинены были разоренiя.

1662 года наступившой весны Хмельницкiй и Ханъ выступили изъ Украйны на ту сторону Днѣпра, а которые Козаки и Татаре остались было и стояли около Ирклѣева, то Князь Ромодановскiй и Сомко съ войсками своими всѣхъ тѣхъ остальныхъ мечемъ, съ великимъ ихъ кровопролитiемъ, прогнали прочь и городъ Ирклѣевъ огню предали.

СОМКО ИЗБРАНЪ ГЕТЬМАНОМЪ.

Послѣ сего, самихъ праздничныхъ Свѣтлыхъ дней, въ Козельцѣ, собралась Козацкая Рада, на которой единогласно всѣ Козаки избрали себѣ за настоящаго Гетьмана оного храбраго Сомка, и вмѣстѣ съ нимъ на вѣрность Его Царскому Величеству присягли, однакъ, поколику сiе безъ апробацiи Его Царскаго Величества послѣдовало, да и Запорожцы тому не были согласны, то оная Козелецкая Рада стала быть недѣйствительною, а сверхъ сего, по единственной Полковника Нѣжинскаго, Васюты Золотаренка, да Ивана Брюховецкаго (коего Запорожцы весьма много почитали) зависти, оной Сомко у Россiйскаго Монарха былъ еще и оклеветанъ чрезъ инструментъ согласный имъ, Переясловскаго Епископа, Меѳодiя.

ПОБѢДА НАДЪ ЮРIЕМЪ ХМЕЛЬНИЦКИМЪ.

Того жъ года Юрiй Хмельницкiй опять испытывалъ щастiя своего въ оружiи и пришолъ было съ двадцатью тысячьми войска разнаго сорту людей подъ Переясловль, однакъ Сомко, запершись въономъ, не менѣе перваго, ополчился храбро противу таковой силы, покамѣстъ въ помощь пришолъ къ нему Князь Ромодановскiй, о чемъ Хмельницкiй провѣдавъ обстоятельно, отступилъ отъ города и рушилъ до Кiева; однакъ Князь Ромодановскiй, совокупясь съ Сомкомъ, не допустили его туда, чего для принужденъ онъ поблизу Днѣпра окопаться, гдѣ многiя атаки отъ Россiйскаго войска выдержалъ, а наконецъ, мѣсяца Iюля 16 дня, по многомъ сопротивленiи, остался побѣжденнымъ, войско его въ Днѣпръ прогнано, изъ котораго иное побито, а другое потонуло, лагерь весь разграбленъ и бывшая при немъ Нѣмецкая пѣхота, тысяча человѣкъ, изрублена, самъ же Хмельницкiй, по щастiю своему, ушолъ въ городъ Черкасы.

Въ слѣдъ за онымъ и Князь Ромодановскiй съ войскомъ такъ Россiйскимъ, какъ и Козацкимъ, маршировалъ на ту сторону Днѣпра и, прибывши до Канева, Сомко учредилъ тамо Полковника отъ своей стороны, Лизогуба, а потомъ оттуда съ довольными корыстьми возвратился въ домъ благополучно; Князь же далѣе по Днѣпру маршировать изволилъ, а для взятья Черкасъ отправилъ Стольника Приклонскаго, которому тотъ городъ, за выѣздомъ оттуда Хмельницкаго, тотчасъ и здался, гдѣ отъ Россiйской стороны опредѣленъ Полковникомъ Михайло Гамалѣя; потомъ Приклонскiй маршировалъ въ низъ по

Днѣпру до Чигрина, Князь же Ромодановскій по сей сторонѣ Днѣпра сталъ лагеремъ противу Бужина. Хмельницкій, будучи въ предосторожности, какъ скоро прибылъ въ Чигринъ, послалъ тотчасъ просить Татаръ въ помощь, кои съ своимъ Султаномъ того жъ времени, яко были уже въ поготовности, въ Чигринъ и приспѣли, о чемъ извѣстясь Приклонскій, началъ уступать назадъ; однакъ Хмельницкій съ Татарами такъ сильно атаковалъ его, что онъ принужденъ былъ весь обозъ свой оставить и ретироваться вплавь чрезъ Днѣпръ, коего Князь Ромодановскій, пушечною пальбою чрезъ Днѣпръ, отъ нападенія Татарскаго защищалъ, что и самому обозу, оставленному по той сторонѣ Днѣпра, много пособило. Оттуда Князь съ Приклонскимъ собравшись, рушили въ полкъ Лубенскій, а Хмельницкій, сожалѣя за урономъ, понесеннымъ подъ Переясловлемъ, вручилъ Гетманство свое Тетерѣ и, пошедши въ монастырь, постригся въ монахи.

О ГЕТЬМАНѢ ТЕТЕРѢ И БРЮХОВЕЦКОМЪ.

1663 года Его Царское Величество, по челобитью Епископа Меѳодія и Васюты, Полковника Нѣжинскаго, изволилъ указать избрать Гетмана вольными всего войска голосами. Запорожскіе жъ Козаки, безъ всякаго съ Украинскими согласія, избрали, сами собой, Малороссійскимъ Гетманомъ Ивана Брюховецкаго, бывшаго Юрія Хмельницкаго слугу, о чемъ отъ себя и письменно Его Царскому Величеству представили.

На которое Запорожцовъ и Ивана Брюховецкаго представленіе Его Царское Величество соизволилъ для избранія Гетмана прислать нарочныхъ: Околничего, Князя Гагина, и Столника Хлопова (ибо какъ Сомко, такъ и Васюта, чрезъ разныя одинъ на другаго клеветы, пришли у Его Величества въ подозрѣніе), кои какъ скоро прибыли въ Нѣжинъ, то Брюховецкій предускорилъ всѣхъ своимъ къ нимъ челобитьемъ и удовольствовалъ ихъ разными дарами, а на Раду чрезъ Запорожцовъ своихъ не токмо со всѣхъ полковъ Козаковъ, но и мужиковъ, собралъ вмѣстѣ, куда и Якимъ Сомко съ своими подкомандными прибылъ въ скорости. Отдая достойную честь присланнымъ отъ Его Величества и свидѣтельствуя постоянную вѣрность Его Величеству, предостерегалъ Князя о бывающомъ на таковыхъ Радахъ несогласіи и смятеніи, однакъ Князь, уповая на число Великороссійскаго войска, ту предосторожность ни во что вмѣнилъ, и, за собраніемъ всѣхъ, приказалъ тотчасъ поставить Государеву палатку и округъ ея стать солдатамъ съ оружіемъ, а Козацкой Старшинѣ и всей черни быть безъ всякого оружія. По учрежденіи сего, когда Монаршая грамота о избраніи Гетьмана была читана, то Запорожцы тотчасъ учинили ссору съ Козаками, единогласными Сомку, и, выхвативши бунчукъ Сомковъ, сломали и хотѣли было самаго Сомка убить въ смерть; однакъ онъ убѣгомъ чрезъ Государеву полатку спасся, другихъ же, единогласныхъ ему, многихъ побили въ смерть, а Брюховецкаго, взявъ, возвели на столъ, нарочно для того, по обычаю тогдашнему, поставленный, чѣмъ Сомко будучи огорченъ, похвалился описать всѣ непорядки до Госуда-

ря, что послыхавъ Князь, весьма осердился и приказалъ тотчасъ всѣ Гетьманскіе клейноты принесть предъ палатку и повелѣлъ Сомку и Васютѣ съ товарищи ихъ тамъ же явитись, кои какъ скоро туда прибыли, то онъ приказалъ ихъ арестовать и взять подъ караулъ, а Брюховецкаго поздравилъ Гетьманомъ, которому, по приводѣ первѣе его къ присягѣ, вручилъ всѣ выше прописанные клейноты.

О ГЕТЬМАНѢ БРЮХОВЕЦКОМЪ.

За полученіемъ сего достоинства Брюховецкій отправилъ тотчасъ къ Государю челобитье съ нижайшимъ благодареніемъ. Въ ономъ челобитьѣ оклеветалъ безвинно противниковъ своихъ, Сомка и Васюту, такожъ Полковника Черниговскаго и Лубенскаго, наводя на ихъ нѣкоторую измѣну, чего у нихъ и въ мысляхъ не бывало; по которому его доносу тѣ противники его отданы отъ Его Величества на судъ войсковый; и какъ скоро Гетьманъ Брюховецкій отъ Его Величества сіе получилъ, тотчасъ приказалъ Сомку и Васютѣ съ товарищи отсѣчь головы, а протчихъ согласниковъ имъ сослать въ Москву для отсылки въ ссылку, которая экзекуція производилась въ Борзнѣ, коей бывшій тогда въ Козацкомъ войскѣ палачемъ Татаринъ дѣлать отказывался, въ уваженіе Сомковой храбрости и чрезвычайной красоты его.

На мѣсто пострадавшихъ безвинно, подѣлалъ новыхъ, согласныхъ себѣ Полковниковъ, къ которымъ каждому придалъ Запорожцовъ по сту человѣкъ, съ тѣмъ, чтоб они ихъ всѣмъ довольствовали, какъ пищею, такъ и одѣяніемъ, кои, расположась по квартирамъ, многія обывателямъ причиняли обиды.

Послѣ сего Гетьманъ Брюховецкій ходилъ съ войскомъ въ Переясловъ, гдѣ все Сомково имущество взялъ себѣ, а оттуда пошолъ подъ Кременчугъ, въ которомъ Козаки, противники его, заперлись было, однакъ онъ крѣпости того города одержать не моглъ. Затѣмъ отъ злости приказалъ городъ зажечь и отошолъ оттолѣ въ Гадячь, для того, по большой части, что получилъ извѣстіе, что Польской Король, Янъ Казимиръ, съ войсками своими маршируетъ прямо на Украйну, чего для и присланный отъ Государя Дьякъ, Башмаковъ, къ Брюховецкому въ Батуринъ, для постановленія новыхъ статей съ Козаками, обратно ретировался въ Москву.

1664 года Король Польскій дѣйствительно переправился чрезъ Днѣпръ благополучно съ многочисленнымъ войскомъ Польскимъ, Нѣмецкимъ и Татарскимъ въ Малую Россію и расположился квартирами отъ Остра даже до Нѣжина; въ слѣдъ за нимъ шли тогобочній Гетьманъ Тетеря, Гуляницкій и Богунъ, да Чернецкій, Воевода Рускій, съ довольнымъ войскомъ, которые многіе Малороссійскіе города опять на сторону Королевскую пріобрѣли, кромѣ Переясловля, Нѣжина, Батурина и Чернигова; при послѣдкахъ же зимы Король изволилъ маршировать сторонними городами, не занимая Нѣжина, Батурина, яко въ тѣхъ Россійскія и Козацкія войска были, къ Глухову, въ которомъ Судья Генеральскій, Животовскій, съ Козаками заперся и такъ сильно противъ Королевскаго войска ополчился, что Король чрезъ пять недѣль сряду ни какимъ способомъ достать его не могъ, и, увѣдомясь, наконецъ, отъ Та-

таръ своихъ, кои бѣгали въ Россійскіе города для приобрѣтенія себѣ корысти, что Великороссійскія войска на разныхъ мѣстахъ находятся въ поготовности, какъ то Князь Черкаскій въ Брянску, Князь Куракинъ въ Путивлѣ, Князъ Ромодановскій съ Гетьманомъ Брюховецкимъ въ Батуринѣ, приняль намѣреніе отступить отъ Глухова и ретироваться чрезъ Новгородокъ Сѣверскій въ Польшу, и въ силу токмо рушился съ мѣста, то Князъ Ромодановскій и Гетьманъ Брюховецкій прибыли въ Кролевецъ, въ которомъ оставленную Королевскую казну забравъ, маршировали прямо на Королевское войско, которое много потеряло своихъ скоропостижнымъ рушеніемъ изъ подъ Глухова.

Россійское Козацкое войско постигло его въ Пироговцѣ надъ Десною, гдѣ и многія были отъ обѣихъ сторонъ сраженія, и если бы войска изъ Брянска въ помощь симъ туда поспѣшили, то бы, безъ сомнѣнія, можно было взять въ плѣнъ самаго Короля, кой, по щастію своему, въ маломъ числѣ войска своего переправясь чрезъ Десну, ретировался чрезъ Стародубъ съ великимъ своимъ урономъ въ Литву къ Могилеву.

Тѣ жъ города, которые Королю покорялись, достойное отъ Гетьмана Брюховецкаго понесли награжденіе, мало что не до основанія остались отъ него разорены.

Тетеря, тогосторонной Украйны Гетьманъ, для лучшой своей на Гетьманскомъ достоинствѣ безопасности, описалъ Польскому Королю бывшаго Гетьмана, Юрія Хмельницкаго, кой уже тогда былъ монахомъ, не смотря на то, что онъ ему свойственникъ, и Кіевскаго Митрополита, Іосифа Тукальскаго, тако жъ и Гуляницкаго, будто бы они злое умышленіе имѣли противу Короля, чего для Польскій Король, безъ изслѣдованія, всѣхъ тѣхъ оговоренныхъ персонъ приказалъ сослать въ ссылку, въ городъ Пруской, Маріенбургъ, въ Прусіи.

Между симъ нещастный Виговскій жизнъ свою окончилъ отъ Польскаго Полковника, Маховскаго, которой, подозрѣвая на него, за введеніе въ Украйну Кошоваго Запорожскаго, Сѣрка, а паче нѣкотораго Сулимы, кой уже Ставище и Лисянку себѣ покорилъ, приказалъ оного Выговскаго разстрѣлять.

Того жъ 1664 года, на веснѣ, Малороссійскій Гетьманъ, Брюховецкій, имѣлъ походъ съ войскомъ своимъ и съ нѣкоторою силою Россійскаго войска подъ Черкасы, о которомъ его походѣ когда Гетьманъ Тетеря увѣдомился, тотчасъ изъ Чигрина, забравъ весь войсковой скарбъ, собранный еще Гетьманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, такъ какъ всѣ Гетьманскіе клейноты и имущество, рушилъ въ Браславль; но когда и тамъ примѣтилъ недоброхотство къ себѣ Козаковъ, поступалъ далѣе въ Польшу, гдѣ Поляки, подъ видомъ приятства, то его имущество все разобрали, такъ что онъ въ крайней остался бѣдности, а напослѣдокъ, не будучи въ безопасности и въ Польшѣ, принужденъ уйти въ Волоскую землю, и будучи тамо, уговорилъ Татаръ дать ему помощь на Малороссійскаго Гетьмана, Брюховецкаго, которые на то легко и согласились и пришли вмѣстѣ съ нимъ, къ Чигрину, для защищенія котораго и Воевода Чернецкій прислалъ Польское войско, съ которымъ Татаре совокупясь, Брюховецкаго оттуда прогнали прочь.

И такъ Брюховецкій и Сѣрко, оставя тогостороннюю Украйну, хотя и многіе тамошніе города покорились было имъ, какъ то Черкасы, Каневъ, Умань и протчіи, выступили прочь оттоль: Брюховецкій въ Малую Россію, а Сѣрко съ войскомъ Запорожскимъ и Калмыками ходилъ подъ Бѣлгородъ для разоренія Татарскихъ селъ, и когда оттуда возвращался уже назадъ, то Маховскій съ Поляками и Татарами сильно атаковали его и прогнали, такъ какъ и Брюховецкаго, въ Малую Россію.

1665 года, по прошествіи зимы, Гетманъ Брюховецкій уговорилъ тысячу Калмыковъ, кочуючихъ на то время за Дономъ, пошолъ въ походъ подъ Бѣлую Церковь, гдѣ стоялъ Рейментарь Яблонскій, командующій Польскимъ войскомъ на мѣсто Чернецкаго, предъ тѣмъ невдавнѣ при осадѣ Ставища отъ Козаковъ убитаго, котораго Брюховецкій съ Козаками и Калмыками тамъ такъ сильно атаковалъ, что онъ принужденъ, по разбитіи войска его, въ маломъ числѣ ретироваться въ Польшу.

О ГЕТМАНѢ ДОРОШЕНКѢ.

Когда Тетеря, по недоброхотству къ нему Козаковъ, болѣе Гетманскаго уряду несть былъ не въ состояніи, то на мѣсто его неякійсь Опара самовластно то достоинство похитилъ себѣ и именемъ Королевскимъ многую Орду затягнулъ въ Украйну. Однакъ Козаки, не будучи тѣмъ довольны, избрали себѣ Гетмана Петра Дорошенка, бывшаго полковаго Асаула при Тетерѣ, и оного Опару съ его старшиною взявъ, отослали до Короля, которыхъ тамо за самовластво казнили смертію. Въ таковомъ Козацкомъ съ Опарою поступкѣ и Татарской Солтанъ, надежно будучи отъ Дорошенка удовольствованъ, былъ пособіемъ.

Того жъ года, въ мѣсяцѣ Августѣ, Гетманъ Брюховецкій съ нѣкотороою Старшиною и Полковниками отъѣхалъ въ Москву къ Его Царскому Величеству для засвидѣтельствованія преданности своей. Его Величество соизволилъ оказать ему Высочайшую свою милость и благоволеніе, жаловалъ его Бояриномъ (что въ то время первѣйшій степень чести въ Москвѣ былъ), а притомъ и соизволилъ женить его на нѣкоеи Боярской дочери съ Царскаго верха (что нынѣ Фрейлины); Полковники же, бывшіе при немъ, жалованы въ Государевы Дворяне.

Бывшаго же между ими войсковаго Генеральнаго писаря, именемъ Кринкевича, по нѣкоторой отъ Гетмана оговоркѣ, сослали въ ссылку, въ Сибирь.

За отлучкою въ Москву Гетмана, былъ самозванецъ Гетманъ Децикъ, кой Полѣсныя мѣста совсѣмъ было разорилъ, однакъ вскорѣ былъ изыманъ, посаженъ въ Нѣжинѣ въ тюрьму, гдѣ онъ и жизнь свою окончалъ.

Тако жъ въ то время тогостороннои Украйны Гетманъ Дорошенко тамошніе города силою подъ державу Польскую наклонять началъ, и когда городъ Брацлавъ, управляемый тогда Полковникомъ Дроздомъ, склониться на то не хотѣлъ, то онъ содержалъ его въ осадѣ четверть года и потоль отнего не отступилъ, покамѣсть тотъ Дроздъ не здался на акордъ; однако вѣроломный Дорошенко, по здачѣ города, взявъ оного Дрозда въ Чигринѣ и, тамо приказалъего убить, что и другимъ бы Дроздовымъ товарищамъ послѣдо-

вало, если бы они оттуду въ Малую Россію тайнымъ образомъ не убѣжали. И такъ, за покореніемъ тогостороннои Украины городовъ Польскому Королю, дѣйствительно два Козацкіе были Гетьмана, одинъ сегостороной, Брюховецкой, подъ Высокою Всероссійскою Державою, а другой тогостороной, Дорошенко, подъ державою Польскаго Короля, у котораго оной Дорошенко и съ старшиною своею испросилъ подтвердительную на вольности Козацкія Грамоту.

1666 года, въ самомъ началѣ, Гетьманъ Брюховецкій возвратился изъ Москвы въ Малую Россію, съ которымъ во всѣ главнѣйшіе Малороссійскіе города, какъ то: Гадячь, Полтаву, Миргородъ, Лубны, Прилуку, Стародубъ, Новгородокъ, Глуховъ и Батуринъ, прибыли, Воеводы (въ Кіевѣ же, Черниговѣ, Переясловлѣ и Нѣжинѣ бывали и предъ тѣмъ), которые въ протчія мѣстечки посылали отъ себя прикащиковъ, цѣловальщиковъ и зборщиковъ для сбору торговаго и ярмарковаго, такожъ и для сбору наложенныхъ до тѣхъ поръ небывалыхъ, податей на мѣщанъ и посполитыхъ людей, кои принуждены были отъ плуга, воловъ и отъ конной сохи хлѣбомъ и деньгами платить, а сверхъ сего нарочно изъ Москвы присланными писцы переписаны были всѣ люди, мѣщане и крестьяне такъ сами, какъ ихъ промыслъ и всякія угодія, съ которыхъ и дачи на Государя положены.

Однако сіе не долго продолжаться могло, яко въ такомъ народѣ, который вольностьми своими всегда пользоваться желаетъ, для сохраненія которыхъ и для недопущенія себя къ малѣйшему утѣсненія изъ подъ ига Лядскаго вооруженною свободился рукою, что яко не вдавнѣ имъ учиненное содержа въ свѣжей еще памяти, начали отъ мала по малу сговариваться, и первѣйшіе вщинщики были раздору Козаки полку Переясловскаго, которые, ожесточась на Воеводъ за здирства и перепись, тотчасъ Полковника своего, яко онъ былъ къ нимъ посланъ, въ Бугошковой слободкѣ, убили и хотѣли было почью напасть на Переясловскій замокъ, однако Воевода, будучи въ томъ предостереженъ, учинить имъ сего не допустилъ. Они, разъярясь за неудачу свою, городъ Переясловлъ зажгли и, давши знать о семъ тогостороннему Гетьману Дорошенку, объявля желаніе свое быть въ его вѣдѣніи, заперлись въ Золотоношѣ, которыхъ хотя Князь Щербатовъ съ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ войскомъ тотчасъ тамо осадилъ, однако вскорѣ одержать того мѣста не моглъ, а между тѣмъ Гетьманъ Дорошенко, желая и сегостороннюю къ себѣ присовокупить Украйну, заразъ въ помощь симъ Козакамъ и съ своими Козаками и довольнымъ числомъ Орды, переправясь чрезъ Днѣпръ, прибылъ къ Золотоношѣ, и оныя Россійскія войска оттуда прогналъ прочь, Козаковъ освободилъ и дозволилъ Ордѣ въ Нѣжинскомъ и Прилуцкомъ полкахъ брать людей въ плѣнъ, чрезъ что многія села тогда отъ нихъ были разорены.

Поворотясь отсюда, Дорошенко съ тою жъ Ордою, видѣвъ, что Рейментаръ Польскій, Маховскій, стоя съ войскомъ своимъ на винтеръ-квартирахъ въ Украйнѣ, многія причинялъ людямъ обиды, убійства, атаковалъ его въ Браиловѣ и, взявъ самаго его и всѣхъ его подкоманд-

ныхъ, отдалъ живыхъ въ плѣнъ Татарамъ, и съ того времени тогобочные Козаки опять отъ Короны Польской отторгнулись.

1667 года Его Царское Величество, для защищенія Запорожской Сѣчи отъ Татарскихъ нападеній, соизволилъ прислать нѣсколько Великороссійской команды съ Косоговымъ, однако Запорожцы, яко и сами собою довольны были къ охраненію себя, съ тою командою начали имѣть ссору, чего для, когда тотъ Косоговъ написалъ о томъ къ Государю, Его Величество соизволилъ приказать выступить тому Великороссійскому войску оттуда.

Они же, Запорожцы, сожалѣя еще за братію свою, живущую въ Украйнѣ, на которую наложены разныя подати, начали разными способы Украинскихъ Козаковъ возмущать и подговариватъ къ бунтамъ.

Къ сему оные Малороссійскіе Козаки и болѣе еще были побуждены, когда, по заключеніи Коммисіею подъ Смоленскимъ съ Поляками мирнаго трактата, услышали разглашенную нарочно, уповательно отъ Поляковъ, для возмущенія Малороссійскаго народа, вѣсть, что якобы Малая Россія и Запорожье опять во владѣніе Польское отданы будутъ. А сверхъ сего и бывшіе въ то время въ Москвѣ отъ стороны Гетмана Брюховецкаго депутаты, Мокріевичъ и Рубановичъ, съ жалобою на Воеводъ и зборщиковъ, кои разныя Малороссіянамъ приключали обиды, возвратившись въ Малую Россію, безсправочно донесли Гетману, что шляхта Литовская изъ Москвы отдается Полякамъ обратно, слѣдовательно и Козаки будутъ отданы подъ Польское вѣдѣніе обратно жъ, а между тѣмъ и Высокомонаршая Грамота прислана къ Гетману съ тѣмъ, что на винтеръ-квартиры имѣетъ быть въ Малую Россію Великороссійскаго войска десять тысячь человѣкъ, что подало думать Козакамъ, въ подтвержденіе перваго разглашенія, что то войско нарочно прислано будетъ отъ Государя для врученія Полякамъ Малой Россіи.

Тогда жъ, для большаго къ бунтамъ поощренія, писалъ Гетманъ Дорошенко (кой внедавнѣ, защищая вольности Козацкія, имѣлъ баталію съ Яномъ Собѣцкимъ, Коронньмъ Гетманомъ, въ Подгайцахъ) къ Гетману Брюховецкому, съ нареканіемъ, что онъ вольной Малороссійской народъ допустилъ въ работу Воеводамъ и подати оному Малороссійскому народу несносныя.

Сіи и другія возмущенія въ 1668 году, за съѣздомъ въ Новомъ годѣ къ Гетману Полковниковъ, кои, по большой части тогда были изъ Запорожцовъ, привели Гетмана и Старшину къ тому, чтобъ Воеводъ, присланныхъ отъ Государя, прогнать прочь изъ Украйны, что и въ самое дѣйствіе тотчасъ произведено. Полковники, поворотясь отъ Гетмана въ полки свои, каждый, взявъ Воеводу въ городѣ своемъ, отослалъ прочь, а кои изъ Воеводъ тому попротивились, то тѣхъ Козаки въ смерть убивали, и чрезъ то многія крѣпости, гдѣ были Воеводы, отъ Козаковъ разорены.

По семъ, чувствуя Брюховецкій, что таковые худые его начатки безъ войны не пройдутъ, въ большую противъ Государя поступилъ измѣну: отправилъ Стефана Гречанаго въ Крымъ съ прошеніемъ въ помощь Татаръ противу Великой Россіи, а Григорія Гамалѣю, да канцеляриста Кашпоровича, къ Ту-

рецкому Султану съ прошеніемъ о принятіи его и всей Украйны въ протекцію Оттоманской Порты, не вѣдая, нещастный, что всѣ почти Малороссіяне какъ сначала, такъ и тогда были ему недоброжелательны, кромѣ однихъ Запорожцовъ, кои ему и на Гетьманское достоинство много пособили.

Гречаный экспедицію свою добре исполнилъ: Орды изъ Крыму довольное число привелъ въ Украйну, съ которою Брюховецкій совокупившись подъ Опошнымъ, взаимную учинили присягу, на что онъ, Гетьманъ, будучи надеженъ, пошолъ вооруженною рукою подъ Котелву, въ которой Князь Ромодановскій, увѣдавъ Гетьманскую измѣну, осадилъ было часть Козаковъ.

Но тогосторонной Гетьманъ, Дорошенко, котораго Малороссіяне, не будучи Брюховецкому доброхотны, за худые его поступки и за убійство многихъ знатныхъ Козаковъ, тайнымъ образомъ упросили, прибывъ на сію сторону Днѣпра, путь Брюховецкому въ походѣ его заградилъ. Козаки, бывшіе въ командѣ Брюховецкаго, увидѣвъ Дорошенка, тотчасъ прилѣпились къ нему и, взявъ самаго Брюховецкаго, привели къ Дорошенку, гдѣ посполитое войско, въ отмщеніе худыхъ его дѣлъ, въ смерть его убили, при чемъ и многое число Запорожцовъ, одноглясныхъ ему, пропало. Жена жъ его со всѣмъ имуществомъ того жъ времени сослана въ Чигринъ.

И такъ, по таковой трагедіи, Петро Дорошенко обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетьманомъ учинился и, совокупивъ, вмѣсто сего, и тогосторонной Украйны Козаковъ, вдругъ съ Татарами, выведенными въ Украйну Гречанымъ, пошолъ прямо подъ Котелву на Князя Ромодановскаго, коего благополучно оттуда прогналъ и марщировалъ было въ слѣдъ за нимъ далѣе въ Великороссію; однако тотъ походъ его помѣшало нѣкоторое изъ дому о худыхъ жены его поступкахъ извѣстіе, чего для, оставя онъ войско Козацкое въ Украйнѣ, для истребленія до послѣдняго изъ оной Великороссійскихъ людей, а паче Воеводъ, препоручилъ команду Полковнику Черниговскому, яко первому своему на паденіе Брюховеркаго согласнику, Демяну Многогрѣшному, кой Россійскому Государю былъ вѣренъ, тайнымъ, однако, отъ Дорошенна образомъ, и отошелъ самъ персоною своею въ Чигринъ, въ слѣдъ котораго и Орда отошла въ Крымъ.

О семъ увѣдомясь Князь Ромодановскій, возвратился въ Украйну обратно къ защищенію Воеводъ и маршировалъ прямо въ Нѣжинъ, который отъ ратныхъ Государевыхъ людей почти до остатка разоренъ и зажженъ.

О СУХОВѢѢ.

Запорожцы, сожалѣя по патрону своему, Гетьману Брюховецкому, не хотѣли въ вѣдѣніи быть Дорошенка, и для того единственно присоединились къ Хану Крымскому, имѣя его за протектора, кой усовѣтовалъ имъ особливаго себѣ избрать Гетьмана, въ котораго избрали они вольными голосами Писаря Запорожскаго, именемъ Суховѣя, который самъ какъ письма къ Хану писалъ, такъ и въ посольствѣ съ тѣми жъ къ нему былъ; и тако Ханъ въ помощь войску Запорожскому, для защищенія Малой Россіи отъ Великороссіянъ, довольное число Татаръ, подъ командою своихъ Султановъ, прислалъ.

Сіи, совокупясь съ Запорожцами, увѣдомили Гетьмана Дорошенка о походѣ своемъ въ Малую Россію; однако онъ, вѣдая Запорожцовъ быть къ себѣ недоброхотныхъ, самъ остался въ домѣ, а вмѣсто себя въ товарищи Суховѣя отправилъ съ войскомъ своимъ, коего и болѣе еще набралъ въ Сокирной, роднаго своего брата, Григорія Дорошенка, къ коимъ присовокупился и Стефанъ Гречаный, убѣгши тайно изъ Гадяча.

Покамѣстъ сіи соединенныя войска вступили внутрь Малой Россіи, то Демьянъ Многогрѣшный, какъ вѣрный Россійскому Государству, съ Княземъ Ромодановскимъ учинилъ миръ и, увѣдомясь о приходѣ Запорожскаго войска и Татаръ, пріуготовлялись стать храбро, чего для Князь Ромодановскій отправилъ напередъ противъ нихъ сына своего, Князя Андрея, съ войскомъ, которое Татаре въ Гайворонѣ тотчась атаковали, Князя Андрея Ромадановскаго въ плѣнъ взяли, отъ коихъ рукъ въ силу что и отецъ самъ спасся и принужденъ былъ изъ Украйны выступить въ Путивель.

О ГЕТЬМАНѢ МНОГОГРѢШНОМЪ.

За наступленіемъ зимняго времени Суховѣй, Дорошенко и Татары возвратились въ домы свои, а за отходомъ ихъ Многогрѣшный, 1669 года, будучи въ безопасности, началъ совершенно вступать въ согласіе съ Россіею, къ чему Старшину и Полковниковъ легко привести могъ, обязывая ихъ присягою. А для произведенія сего въ лучшее дѣйствіе, набралъ охотнаго платнаго войска, коихъ и назвалъ Компанейцами, которые, будучи въ вѣрности къ Многогрѣшному, принуждали протчихъ Козаковъ, для избранія онаго Многогрѣшнаго, въ настоящаго сея стороны Днѣпра Гетьмана, которымъ его въ Новгородѣ Полковники и протчая Старшина, не надѣясь болѣе на Дорошенка, о чемъ онъ самъ Многогрѣшный ихъ увѣрялъ, избрали и въ томъ ему, по требованію его, присягу учинили.

По избраніи же послали тотчасъ въ Москву къ Его Царскому Величеству депутатовъ съ прошеніемъ милосердія и подтвержденія онаго Многогрѣшнаго на достоинствѣ Гетьманскомъ, что отъ Его Величества немедленно и послѣдовало.

По учиненіи сего, въ Глуховѣ Генеральная была Рада, на которой постановлено просить Его Царскаго Величества о поновленіи Статей Гетьмана Богдана Хмельницкаго, или объ учиненіи новыхъ съ Козаками постановленій, на что и отправлено было отъ нихъ къ Государю прошеніе, на которое того жъ года Высокомонаршая воспослѣдовала Грамота чрезъ Князя Ромодановскаго, въ такой силѣ, что Его Величество Малороссійскому народу всѣ измѣны, чиненныя Выговскимъ, Юрьемъ Хмельницкимъ и Брюховецкимъ, милостиво прощаетъ и въ вѣчное предаетъ забвеніе, имѣя благоволеніе содержать Козаковъ въ Высочайшемъ своемъ призрѣніи и милости, и повелѣваетъ Воеводамъ впредь ни въ какихъ Малороссійскихъ городахъ, кромѣ Кіева, Чернигова, Переясловля и Нѣжина, не быть, и никто бы изъ Великороссійскихъ въ Малороссійскія дѣла не мѣшался, и одинъ бы Гетьманъ съ тѣми Козаками и посполитыми людьми правительствовалъ, такъ какъ главный Малороссійскій командиръ, состоящій въ единственномъ вѣдѣніи Его Цар-

скаго Величества, которому долженствуетъ онъ вѣрныя по прежней своей должности оказывать службы.

И съ сего времени всѣ Малороссійскіе люди подъ Высокодержавною Его Величества рукою начали жить въ Малой Россіи благополучнѣе, нежели прежде.

Таковая Многогрѣшнаго хитрость противъ Дорошенка, привела онаго Дорошенка къ тому, что онъ, будучи уже въ опасности одержать свое Гетьманство, отправилъ посланниковъ своихъ, именно: нѣкоего Портанку съ товарищи къ Турецкому Султану, съ тѣмъ, что онъ самъ себя и всю Украйну отдаетъ подъ державу Турецкаго Султана, и проситъ при томъ въ помощь себѣ и Саджаковъ (Янычаръ), которое прошеніе и подданство опять, мало спустя времени, чрезъ судью Бѣлогруда подтвердилъ. Турецкій Султанъ, вѣдая Козацкое вездѣ непостоянство, первѣе учинилъ выговоръ и грозилъ притомъ беречься измѣны противу его, а напослѣдокъ далъ въ помощь ему Санджаковъ съ Чаусомъ. Между тѣмъ Запорожцы и съ Гетьманомъ своимъ, Суховѣемъ и Ордою, мстясь на Дорошенка за Брюховецкаго, маршировали противу его, къ которому тотчасъ нѣкоторые Украинскіе полки, какъ то; Корсунскій, Уманскій, Бѣлоцерковскій, Паволоцкій, Браславскій и Могилевскій, увѣдомясь, что Гетьманъ ихъ, Дорошенко, поддается съ Украйною, безъ всякаго ихъ знанія и согласія, Турецкому Султану, оставя его, присоединились и атаковали Дорошенка въ селѣ Кончѣ надъ рѣчкою Росью, и если бы Чаусъ съ Санджаками въ помощь ему не наспѣшилъ, то бы Козаки и Татары Дорошенка совсѣмъ побѣдили. А какъ скоро Санджаки къ нему прибыли, то Татаре, съ повелѣнія Чауса, и нехотящіе, принуждены оставить Запорожцовъ и возвратиться въ Крымъ, чѣмъ Запопожскій Гетьманъ, Суховѣй, будучи огорченъ, сложилъ съ себя иго Гетьманства и препоручилъ его Полковнику Уманскому, Михайлу Ханенку, которые оба того жъ времени ретировались въ Умань. Дорошенко съ войскомъ своимъ, кое по большой части состояло изъ Компанейцовъ, которыхъ онъ набралъ на жалованьѣ, безъ согласія старшинъ своихъ, и съ Бѣлгородскою Ордою, пришедшею съ Чаусомъ же, тако жъ и двумя Козацкими полками, Черкаскимъ и Каневскимъ, маршировалъ по Украйнѣ, которому опять отступившіе было отъ него полки, начали покорятись, и прибылъ, въ слѣдъ за Ханенкомъ, къ Уманью; однако, бывшіе въ немъ Козаки, внутръ города не впуская его, сдѣлали съ нимъ миръ, обѣщаясь притти къ нему въ Чигринъ.

Гетьманъ Дорошенко, прибывши въ Чигринъ, предъ Турецкимъ посломъ, бывшимъ при немъ, подданство свое Оттоманской Портѣ подтвердилъ и, оставя у себя Санджаки, съ многими дарами оного посла отпустилъ.

Въ отмщеніе, Многогрѣшному посылалъ Дорошенко Козаковъ и Татаръ для разоренія Малороссійскихъ городовъ, гдѣ они, а паче въ Лохвицѣ, полку Лубенскаго, многихъ въ плѣнъ захватили.

О ХАНЕНКѢ И СУХОВѢѢ.

Михайло Ханенко и Суховѣй, пригласивъ къ себѣ выпущеннаго изъ ссылки 1667 года, Юрія Хмель-

ницкаго, и уговоривъ Крымскую Орду, вмѣстѣ съ Запорожцами, атаковали Дорошенка, кой принужденъ былъ запертись въ Стеблевѣ, гдѣ неотмѣнно могли бы его взять Запорожцы, если бы Серко, съ согласными себѣ Козаками и Бѣлгородскою Ордою, не дали ему помощи, который Ханенка съ товарищи такъ преодолѣлъ, что Крымскіе Татаре принуждены бѣжать, а въ слѣдъ ихъ Ханенко и Суховѣй. Юрій же Хмельницкій Бѣлгородскимъ Татарамъ попался въ плѣнъ, которые тотчасъ отослали его въ Бѣлгородъ, а оттуду, по совѣту Дорошенкову, въ Цариградъ.

При окончаніи сего года Бѣлгородская Орда, расположенная отъ Дорошенка, на винтеръ квартиры съ тѣмъ, чтобъ слѣдующаго лѣта принять походъ въ Малую Россію на Гетьмана Многогрѣшнаго, не дождавъ положенаго времяни и захвативъ многихъ Украинскихъ людей въ плѣнъ, отошла въ свои стороны, о чемъ хотя Дорошенко къ Турецкому Султану и заносилъ жалобу, однакъ получить ничего не могъ, чего для съ того времени начали быть отъ Дорошенка въ Цариградѣ Козацкіе резиденты.

1670 года когда Ханенко Сѣчи Запорожской учинился Кошовымъ, то о присоединеніи Запорожцовъ къ Польшѣ трактовалъ съ Польскимъ Королемъ, Михайломъ Вишневецкимъ. Дорошенко же, хотя сего и отъ него требовано, отказался и депутатовъ на Коммисію, бывшую въ Острогѣ, не послалъ, потому что, по требованію его, не прислано ему въ закладъ Сенаторовъ.

1671 года опять Дорошенко затяглъ къ себѣ въ помощь, для побѣды Многогрѣшнаго, Силистрійскую Орду, однакъ, когда она въ Польщѣ многія причинила людямъ обиды, то Поляки, съ помощію Запорожскихъ Козаковъ подъ командою Ханенка, прогнали ее оттуда прочь и Дорошенко остался безъ дѣйствія.

Въ семъ годѣ когда Сѣчь Запорожская Польскому Королю служить начала, то Польскій Король прислалъ войску Запорожскому, стоящему тогда подъ Камгалѣкомъ, вмѣстѣ съ Коронными Гетьманами, всѣ войсковые клейноты, какъ-то: булаву, бунчукъ, знамя и литавры, позволяя имъ изъ между себя выбрать Гетьмана, въ котораго и избрали они оного жъ Кошового своего, Михайлу Ханенка, при бытности Коронныхъ Гетьмановъ, а притомъ дозволилъ имъ Король, въ силу Гадяцкихъ пунктовъ, владѣть землею по Случь. Польскія войска, оставленныя въ крѣпостяхъ: Могилевской, Браславской, Немѣровской, Ладыжинской и Рашковской, препоручены тогда отъ Коронныхъ Гетьмановъ въ присмотръ и команду Запорожскому Гетьману, Ханенку, гдѣ будучи они, такъ какъ и Запорожскіе Козаки, обывателямъ ни какихъ обидъ не приключили, хотя Запорожскихъ Козаковъ тамошніе жители и довольствовать должны были.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ГЕТЬМАНСТВА МНОГОГРѢШНАГО.

1672 года, въ посродкѣ Великаго поста, Малороссійская Генеральная Старшина, согласясь съ писаремъ Генеральнымъ, Карпомъ Мокріевичемъ, заслуженнаго много Малой Россіи Гетьмана Многогрѣшнаго подъ видомъ какъ бы нѣкоторой измѣны противъ Государя, чего у него и въ мысляхъ не было, въ замку Батуринскомъ ночью атаковали и, взявъ соннаго

съ постели, связали и, посадивъ на простую телѣгу, прикрыли кожею и попровадили въ Москву, что на утрешній день многіе изъ свойственныхъ его Полковниковъ послыхавши, бѣжали, куда кто могль, а протчіе были подхвачены, такъ какъ и братья его и жена, и попроважены въ Москву на вѣчное житье.

Сему Гетьману Малая Россія много долженствуетъ, ибо онъ у Его Царскаго Величества всѣмъ измѣнамъ испросилъ прощеніе съ вѣчною амнистіею, Статьямъ Богдана Хмельницкаго подтвержденіе и новыя постановленія, чтобъ не быть въ Малой Россіи Воеводамъ исходатайствовалъ.

ПРИХОДЪ ТУРКОВЪ ВЪ УКРАЙНУ.

По той сторонѣ Днѣпра славолюбный Гетьманъ Дорошенко, опасаясь, чтобъ не попасть въ руки Ханенку и Полякамъ, упросилъ Турецкаго Султана себѣ на помощь, кой самъ, персоною своею, съ Турецкимъ войскомъ и Ханомъ Крымскимъ прибылъ въ Польшу подъ Каменецъ Подольскій, куда въ скорѣ наспѣшилъ и Дорошенко. Граждане того города, видя себя въ осадѣ безъ войска принуждены были, въ двѣ недѣлѣ послѣ осады, мѣсяца Августа 18, отдать городъ Туркамъ, гдѣ, для въѣзду Султана, очищая мѣсто, многіе гробы съ мертвыми тѣлесами выбрашивано и вытаскивано прочь за городъ, а по улицамъ, гдѣ было грязно, дѣланы мосты изъ церковныхъ иконъ; изъ церквей и костеловъ подѣланы мечети; кресты и колокола позбрашиваны. Султанъ, оселясь тамо, посылалъ Визира, Хана и Дорошенка съ войсками разорять Польскіе города и людей брать въ плѣнъ, что продолжалось потоль съ великимъ Польшѣ урономъ, покамѣсть Король не учинилъ съ Туркомъ примирія.

ВЫБОРЪ ВЪ ГЕТЬМАНЫ САМОЙЛОВИЧА.

По сей сторонѣ Днѣпра, между Гетьманствомъ, Генеральные войска Малороссійскаго Старшины, Обозный Петръ Забѣла, Судья Иванъ Самойловичъ, да Иванъ Домонтовичъ, писарь Карпъ Мокріевичъ и Полковники съ протчими Старшинами просили у Государя, чтобы пожаловалъ изволилъ приказать объявить мирные трактаты, учиненные съ Поляками подъ Смоленскимъ, для того что Поляки произнесли было, какъ бы по тѣмъ трактатамъ Малая Россія опять отдана будетъ подъ вѣдѣніе Польское, каковаго слѣдствія опасаясь о себѣ, и Гетьманъ Брюховецкій принужденъ былъ измѣнить. На которое прошеніе отъ ЕгоВеличества послѣдовала имъ милостивая резолюція въ такой силѣ, что, хотя и подлинно такъ было между послами, Князь Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, да отъ Польской стороны Яномъ Гѣнскимъ положено, однакъ, за нарушеніе отъ Польскаго Короля многихъ статей. Его Царское Величество Кіева какъ нынѣ, такъ и вредь никогда не уступитъ и всѣхъ чиновъ Малороссійскихъ, со всѣмъ ихъ войскомъ, подъ своею и наслѣдниковъ своихъ обороною обѣщаваетъ содержать навѣки, а притомъ и дозволилъ избрать полными голосами Гетьмана, и, по Указу Его Царскаго Величества, войско Козацкое, съѣхавшись въ Козацкую Дуброву, между Путивлемъ и Конотопомъ, учинили Раду, на ко-

торой избрали себѣ вольными голосами Гетьмана Ивана Самойловича, Судью Генаральнаго, въ присутствіи Князя Григорія Григоріевича Ромодановскаго и Думнаго Ивана Ивановича Ржевскаго, и присягу свою на вѣрность Его Величеству и Царевичамъ, Феодору Алексѣевичу и Ивану Алексѣевичу, возобновили, съ коими постановлено быть имъ въ подданствѣ при прежнихъ правахъ и вольстяхъ, по Государевымъ Грамотамъ и по Глуховскимъ статьямъ.

ДОНОСЪ РОСЛАВЦА.

Испепелѣвающая у Малороссіянъ отъ древности непостоянства и ненависти искра еще и до тѣхъ поръ не угасла. Только что Самойловичъ подтвержденъ Гетьманомъ, то Полковникъ Стародубовскій, Рославецъ, да Семенъ Адамовичъ, Нѣжинскій протопопъ, вщали на его доносы; однакъ когда ничего доказательнаго, касающагося къ интересу, не сыскалось, то Государь соизволилъ указать прислать ихъ къ Гетьману на судъ войсковый, гдѣ и осуждены они были на смерть; но Гетьманъ, милосердствуя о жизни ихъ, послалъ ихъ въ ссылку въ Сибирь, а согласниковъ ихъ, Полковника Переясловскаго, Думитрашка, и Прилуцкаго, Лазаря Горленка съ товарищи, приказалъ заключить въ тюрьмѣ, а имущество конфисковать въ страхъ другимъ.

ПОХОДЪ ПРОТИВЪ ДОРОШЕНКА.

1674 года Князь Ромодановскій и Окольничей Петръ Димитріевичъ Шкуратовъ, да Малороссійскій Гетьманъ Самойловичъ, съ войсками маршировали на ту сторону Днѣпра противу Дорошенка, которымъ тотчасъ городъ Черкасы, по предводительству Обознаго Генеральнаго отъ стороны Дорошенковой, Ивана Гулака, а Каневъ, по предводительству Якова Лизогуба, и протчіе добровольно покорились.

О семъ услышавъ Петръ Дорошенко, отправилъ тотчасъ, для защищенія Корсуна, семъ полковъ: Корсунскій, Торговицкій, Уманскій, Браславскій, Подольскій, что тожe и Могилевскій, Калнѣцкій и Паволоцкій, подъ командою главнаго командира Григорія Гамалѣя, а самъ, пославши по Орду, заперся въ Чигринѣ.

Татаре, жадничая на деньги, служить всякому охотны, потому тотчасъ, напрошеніе его, рушились съ мѣстъ своихъ, и когда, мимоходомъ чрезъ Рашковъ, обывателямъ многія причинили обиды, то отъ граждань того города прогнаны были; однако Григорій Дорошенко, Браславскій Полковникъ, опять упросилъ ихъ и пошолъ съ ними въ походъ подъ Богуславъ противу Россійскаго войска, и какъ съ перваго разу Россіяне дали имъ баталію, то они принуждены были бѣжать до Лисянки, гдѣ обыватели, склонясь уже на Россійскую сторону, Татарскую старшину побили, а Григорія Дорошенка, взявъ, отдали Гетьману Самойловичу, другой же братъ сего и Гетьмана Дорошенка, Андрей, Полковникъ Паволоцкій съ Компанѣйцами, убѣжали.

Смотря на таковую побѣду надъ войскомъ Дорошенковымъ, всѣ тогосторонніе полки, кромѣ Чигрина и Паволочи, по старательству ихъ же старшинъ, Судіи Генеральнаго, Якова Улѣзка, да Корсунскаго Полковника, Михайла Соловья, Гетьману Самойловичу покорились.

Послѣ сего, оставивъ нѣкоторую часть войска по той сторонѣ Днѣ-

пра, сами, такъ Князь, какъ и Гетманъ, возвратились въ Переясловль, гдѣ, въ постъ святыя четыредесятницы, Козацкая Рада была, на которой какъ тогосторонняя старшина, вышепомянутые Улѣзко и Соловей съ товарищи, такъ и сегосторонные всѣ постановили Гетьману Ивану Самойловичу быть одному Гетьману обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Сіе предъускоряя, Дорошенко прислалъ отъ стороны своей, подъ видомъ желанія быть въ вѣрности Его Царскому Величеству, Ивана Мазепу, съ тѣмъ, чтобъ оная Рада до лѣтняго времени, въ которое и онъ туда прибыть намѣреваетъ, отложена была. Хитрость непостижимая! Онъ дѣлалъ сіе для того, что когда Турчинъ, за которымъ онъ тайнымъ образомъ Полковника Подольскаго и Могилевскаго, Остапа Гоголя, между тѣмъ посылалъ, прийти въ пособіе ему откажется, то онъ и дѣйствительно принужденъ бы былъ Россійскому Государю покориться.

Михайло Ханенко, Запорожскій отъ Королевской Польской стороны Гетьманъ, увидя таковыя происхожденія, а паче, что Государь его, Король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, 1673 года, Ноября 10 дня, умре, а на его мѣсто Коронный Гетьманъ, Янъ Собѣцкій избранъ Королемъ, который думалъ онъ, не столь Козаковъ жаловать будетъ, оставя Польшу, прибылъ въ Переясловль, гдѣ такъ всѣ Гетьманскіе клейноты, какъ и имѣющееся при немъ войско, отдалъ Гетьману Самойловичу, чего для, по общему усовѣтованію, велѣно ему, Ханенку, жить въ Кіевѣ.

Присиѣвшой веснѣ Дорошенкова хитрость тотчасъ открылась. Прибыли къ нему три Солтана съ Татарскимъ войскомъ, къ которымъ присовокупилъ онъ Сердюковъ, Компанейцовъ и Черемисовъ, и со всѣми тѣми Заднѣпрскіе города, въ которыхъ были уже отъ Самойловичи заставы, атаковалъ и зажигалъ, а гражданъ съ женами и дѣтьми отдавалъ въ плѣнъ. Чего для Гетьманъ Самойловичъ въ мѣсяцѣ Маѣ командировалъ Полковника Переясловскаго, Думитрашка (котораго онъ предъ тѣмъ о проступокъ его простивъ, освободилъ изъ тюрьмы), съ двадцатью тысячами Козацкаго войска и двумя полками Великороссійскими, подъ Смѣлую, гдѣ уже Крымскій Султанъ, также съ двадцатью тысячами Татаръ, и Андрей Дорошенко съ войскомъ своимъ, были, и когда они полки Уманскій и Торговицкій тамо аттаковали, то Думитрашко съ войскомъ своимъ тотчасъ наспѣшилъ имъ въ помощь, и Татаръ и Дорошенково войско надъ Ташликомъ такъ разбилъ, что трупами непріятельскими поле почти верстъ на двадцать укрыто было, а кои остались въ живыхъ, взяты Козаками въ плѣнъ.

Для совершеннаго Дорошенка усмиренія, Князь Ромодановскій и Гетьманъ Самойловичъ положили на мѣрѣ собрать всѣ силы и итти прямо въ Чигринъ, въ которомъ онъ сидѣлъ запертой, что того жъ лѣта и въ самое дѣйствіе произвели, осадили его многочисленнымъ войскомъ, однакъ взять города чрезъ двѣ недѣли не въ состояніи, были; а наконецъ, когда услышали, что Турецкой Султанъ самъ, въ персонѣ своей, съ многочисленнымъ войскомъ, и Ханъ Татарскій марширують въ помощь Дорошенку, и Ладыжинъ уже, гдѣ былъ отъ стороны Россійской Полковникъ,

Мурашка, съ небольшою командою осадили, отправили въ помоцъ Мурашкѣ Думатрашка, но тотъ, получа вѣдомость, что Турки уже взяли Баръ, Подгайцовъ, Межибожье и Умань, а Ханъ Крымскій слѣдуетъ на Украину, ретировался въ Каневъ. Въ слѣдъ сего и сами, такъ Князь, какъ и Гетьманъ, оставя Чигринъ, спѣшили въ Черкасы, а оттуда, переправясь чрезъ Днѣпръ, прибыли благополучно въ Малую Россію, за коими Ханъ Крымскій съ Дорошенкомъ сильною рукою гнались даже до самаго Днѣпра.

Ретирада сихъ двоихъ вождевъ всѣмъ тоя стороны городамъ, кои Его Царскому Величеству были въ вѣрности, весьма чувствительна была, и не могли они довольно надивиться о таковой ихъ поступкѣ, что не давъ имъ ни какой помощи и ни наставленія, но, оставя всѣхъ въ жертву Туркамъ и Татарамъ, ретировались на ту сторону Днѣпра.

Сожалѣнія достоинъ былъ многонародной, богатый и крѣпкій городъ, Лисянка, коего жители, видя себя безпомощныхъ, оставя церкви, военные припасы и все имущество свое, бѣжали, куда кто могъ, а Татары, кои предъ тѣмъ его всегда опасались, разорили его до основанія.

Таковому жъ жребію и протчіе Украинскіе подлежали города, но Умань городъ всѣхъ болѣе пострадалъ, ибо жители онаго, надѣясь на множество имѣвшагось въ немъ народа, храбро съ Турками подвизались, такъ что по улицамъ какъ Турецкая, такъ и Христіянская кровь ручьями текла и дороги всѣ трупами завалены были. По взятіи славнаго сего города, Турчинъ вступилъ опять въ землю свою, а Дорошенко оставилъ токмо однихъ Татаръ, съ которыми онъ остальные Украинскіе города, бывшіе въ вѣрности Россійскому Государю, до остатка разорялъ, имущество взымалъ и купечество разграблялъ для награжденія Татарамъ.

Что же принадлежитъ къ Мурашкѣ, кой съ пятью тысячами Козаковъ защищалъ Ладыжинъ, то онъ такъ храбро сражался съ Турками, что когда бы отъ него Ладыжинцы, по прелести Дорошенка и Гоголя, не отступили, въ силу бы Туркамъ можно его взять, чего они ему и не доказали, ибо онъ съ подчиненными своими, не хотя живой отдатись Туркамъ, потоль бился, пока онъ и воины его изнемогли и сами собою померли.

1675 года новый Польскій Король, Янъ Собѣцкій, желая пріобрѣсти опять Польшѣ Украину, прежде коронаціи своей прибылъ туда и бывшихъ тамо Турковъ, какъ-то: въ Бару, Рышковѣ и Могилевѣ, прогналъ прочь, что видя пѣхотное Дорошенково войско, оному Королю покорилось, которое онъ къ себѣ на жалованье принялъ. А протчіе тамошніе жители, такъ знатные, какъ и крестьяне, для лучшаго себѣ спокойства, переходили на жительство на сію сторону Днѣпра.

Тогда жъ Князь Ромодановскій и Гетьманъ Самойловичь опять маршировали на ту сторону Днѣпра для взятья Чигрина и, прибывши къ городу Корсуну, всѣхъ тамошнихъ жителей и Полковника перевели на сію сторону Днѣпра, послѣ чего тотъ городъ Поляки въ лучшое опустошенія оказаніе цѣлому свѣту сожгли.

Гетьманъ Дорошенко, будучи совѣстію мучимъ о таковомъ цѣлой

Украины, единственно причиною его, разореніи и опустошеніи, пригласивъ и помощника своего, Сѣрка, Кошоваго Запорожскаго. Его Царскому Величеству сами собой на вѣрность и подданство присягу учинили и о семъ къ Его Величеству помянутый Дорошенко чрезъ тестя своего писалъ, причемъ, въ знакъ вѣрности, и бывшія при немъ оставленные отъ Турка Яничары нѣсколько человѣкъ въ Москву отослалъ. А между тѣмъ разными способы ласкалъ Запорожцовъ, чтобъ они его обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетьманомъ учинили. Но когда въ томъ ни каковой удачи имѣтъ не могъ, опять, вѣроломный и безсовѣстный славолюбецъ, посылалъ къ Туркамъ и Татарамъ съ прошеніемъ себѣ помощи, однакъ Татары и Турки, разгнѣвавшись на него за отсылку въ Москву Янычаръ, оной дать ему отказались.

1676 года Его Царское Величество, усмотря явный Дорошенковъ обманъ, соизволилъ повелѣтъ всѣмъ войскамъ, такъ Великороссійскимъ, какъ Малороссійскимъ, а притомъ и Смоленскому Дворянству, итти въ походъ подъ Чигринъ, куда тотчасъ отправлена была партія отъ двадцати тысячь человѣкъ, кои его такъ отвсюду атаковали, что ни внутрь, ни внѣ никому войти не можно было; что видя Дорошенко, не имѣющій уже ни откуда себѣ помощи, какъ всѣмъ вѣроломный, принужденъ здатись на пароль, чтобъ токмо жизнію его пожаловано, что ему и учинено. И тако Петръ Дорошенко, Гетьману Самойловичу какъ достоинство Гетьманства, такъ войсковые клейноты и городъ съ аммунипіею, при нижайшемъ своемъ уклонѣ, въ присутствіи Князя, предъ всею армiею, отдалъ и всю свою власть, вмѣстѣ и непостоянство, окончалъ, которому тотчасъ послѣдовало повелѣніе выступить изъ города Чигрина и ступать на жительство на сію сторону Днѣпра въ городъ Сосницу; а въ Чигринъ того жъ времени вступили Великороссійскія и Малороссійскія войска съ Черниговскимъ Полковникомъ, Василіемъ Бурковскимъ.

По побѣдѣ сумазбродниго Украины разорителя, Король Польскій, имѣя всегда въ той сторонѣ претензіи, а паче сожалѣя за Козацкимъ народомъ, кой Польшѣ весьма нуженъ былъ, для привлащенія разными способы Козаковъ къ себѣ, здѣлалъ Полковника Подольскаго, Евстафія Гоголя, Гетьманомъ, хотя уже и небольшое число Козаковъ было тамо, и далъ ему съ Козаками его квартиры въ Литвѣ, на Полѣсьѣ, въ Димерѣ, и всѣмъ имъ производилъ жалованье и давалъ платье изъ скарбу своего.

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ПОСЛѢ МОНАХА СТАЛЪ ОПЯТЬ ГЕТЬМАНОМЪ.

1677 года Турецкій Султанъ. желая пользоватись возмущеніями и замѣшательствомъ Малороссійскаго народа, кой предъ тѣмъ былъ ему опаснымъ, Юрія Хмельницкаго изъ заключенія своего освободилъ умышленно и, подтвердивши его, яко наслѣднаго Гетьмана Запорожскаго, на достоинствѣ Гетьманскомъ, далъ ему еще, для лучшаго уваженія, титулъ именоваться Княземъ Рускимъ, и отправилъ его съ Турецкимъ и Татарскимъ войскомъ, подъ командою Паши Ибраима и Хана Крымскаго, прямо въ Украину, подъ Чигринъ и Кіевъ.

Оный Князь Рускій и Гетьманъ Запорожскій, Юрій Хмельницкій (кой чрезъ сидѣнія свои въ заключеніяхъ и монашество потерялъ), прибывши подъ Чигринъ, сильною рукою доставалъ города, однако бывшее тамо Великороссійское войско и Козаки великой давали отпоръ и, выходя изъ внутрь города, многихъ Татаръ и Турковъ убивали мужественно.

О сей осадѣ Чигрина извѣстясь, Князь Ромодановскій и Гетьманъ Самойловичь отправили, въ помощь осажденнымъ Козакомъ, пѣхоты тысячу пять сотъ человѣкъ, да одинъ Великороссійской полкъ, кои, прибывши туда, пробились вооруженною рукою сквозь неприятеля и вошли въ городъ благополучно. Князь же и Гетманъ, за воспященіемъ Татарскимъ, не могли чрезъ Днѣпръ переправитись сами, а переправлены токмо были одни Козаки ночью, которые по другой сторонѣ Днѣпра въ скорости и здѣлали шанцы, куда, не замедля съ остальнымъ войскомъ, и тѣ оба вожди прибыли и начали пушечною пальбою Турковъ и Татаръ отъ берега прогонять, что продолжалось у нихъ чрезъ цѣлые два дни; и тако Турки, будучи не въ состояніи многочисленному Россійскому войску воспротивитись, принуждены, съ великимъ своихъ урономъ, отступить отъ Чигрина, гдѣ они, за скорою своею ретирадою, оставили весь лагерь и артилерію, Августа 29 дня.

По отходѣ непріятеля городъ Чигринъ, въ которыхъ мѣстахъ былъ разбитъ, подкрѣпили и шанцы заровняли и для защищенія его, въ случаѣ нападенія, оставили Полковника Григорія Карповича Коровку, съ тремя тысячами Козацкаго войска, да Ивана Ивановича Ржевскаго, съ двумя Россійскими полками, тамошнюю жъ Старшину и Козаковъ перевели въ Малую Россію на жительство.

Тако жъ въ городахъ: Черкассахъ, Медвѣдовцѣ, Жаботинѣ, Мошнахъ и Драбовцѣ, которыми предъ тѣмъ Турки завладѣли было, учредили пристойные Россійскіе гарнизоны.

1678 года Султанъ Турецкій, хотя реванжъ свой получить за прошлогодній Россійскими войсками надъ его войскомъ подъ Чигриномъ выигрышъ, приуготовлялся опять туда довольное свое отправить войско, что предусмотря Великороссійскія и Малороссійскія войска, Маія 10 дня рушились къ Чигрину для защищенія онаго.

Многочисленная Турецкая армія, подъ командою Визиря, Кара Мустафы, Іюля 8 го, прибыла туда жъ и разными образы и воинскими хитрости доставала города, однакъ отъ состоящаго въ немъ войска, подъ командою Ржевскаго и Полковника Коровки, часто оттуда съ великимъ ихъ урономъ прогоняема была.

Когда же выступившія въ походъ изъ Малой Россіи войска, совокупясь въ Бужинѣ съ Калмыками и Донскими Козаками, бывшими подъ командою Князя Булата, сближились къ Чигрину, то Капланъ Паша пострѣчалъ ихъ на одной переправѣ, съ которымъ они чрезъ цѣлый день сильное имѣли сраженіе и въ силу на другой день вооруженною рукою переправитись могли, и только что после переправы стали подъ городъ, то Турки, стоящіе на ономъ, съ пушекъ палили по нихъ, и такъ опять обополная чрезъ весь день была баталія. Слѣдующей

ночи, для скорѣйшей Чигрину помощи, отправленъ былъ Черниговскій Полковникъ, Василій Бурковскій, съ немалымъ числомъ войска Великороссійскаго и Малороссійскаго, кое, не взойшовъ еще на верхъ горы, начало между собою дѣлать брань, чѣмъ будучи затревожены Турки, вщали опять палить съ пушекъ по нихъ безпрестанно, что и продолжали до самой зори, а на разсвѣтѣ Россійская армія, принявъ силу Турковъ съ горы, збила и отняла у нихъ двадцать семь пушекъ и другихъ много военныхъ припасовъ; но когда въ слѣдъ за Турками никто изъ арміи не тронулся, то они, оправившись, обратились опять на Россійскую армію и гнали оную до самаго лагеря, съ чувствительнымъ ея урономъ; одинъ токмо Великороссійскій Полковникъ одержался на мѣстѣ противъ непріятеля, окруживши себя рогатками, до котораго после и вся армія собралась въ мѣсто, и дали въ тотъ день Туркамъ сильную баталію. Турки, усмотря непреодолѣнныя Россійскія силы, принуждены уступить и переправиться чрезъ Тясминъ. По уступленію которыхъ Россійское войско приближилось до Чигрина и стало лагеремъ подъ боромъ около озера, примѣчая Турецкія похожденія; но Турки, видя, что отъ Россійской арміи нѣтъ ни какой атаки, ободрясь, начали опять прилѣжнѣе доставать города, для защищенія котораго хотя Гетманъ Самойловичъ и болѣе внутрь его послалъ войска, однакъ то мало ему пособило, ибо Турки день отъ дня сильно штурмуя городъ, во многихъ мѣстахъ стѣны разбили, при чемъ и Ржевской убитъ остался, а напослѣдки городъ совсѣмъ взяли, въ которомъ бывшее войско все почти остріемъ меча пало; а которые люди бѣгомъ спасти себя хотѣли, то, тѣснясь изъ города, на мосту обломились и въ рѣкѣ потонули; тѣ же, кои въ Крѣпости заперлися было, частію спаслись, ибо ночью Сердюки, Малороссійская пѣхота, учиня изъ крѣпости выходъ, непріятеля, стоящаго при плотинѣ, избили и тѣмъ свободный оному войску учинили переходъ, кое, собравшись все вмѣстѣ, на проломъ чрезъ Турецкую армію пошло и благополучно къ своей арміи прибыло; а Сердюки, когда Турки ретировались за Тясминъ, оную крѣпость, со всею амуниціею, подорвали, и тако Чигринъ въ конецъ остался разореннымъ.

23 Іюля, въ понедѣльникъ, на разсвѣтѣ, Россійская армія, утерявши Чигринъ, рушилась обратно къ Днѣпру, и въ маршированіи своемъ безпрестанныя отъ Турковъ имѣла нападенія, однакъ безъ урону своихъ; на другой день, во вторникъ, прибывши къ Днѣпру, стали лагеремъ и окопалися рвомъ, куда въ слѣдъ верховный Визирь, Ханъ Крымскій и Юрій Хмельницкій, со всѣми своими силами прибыли, съ желаніемъ Россійское войско разбить или въ плѣнъ взять до остатка, гдѣ чрезъ цѣлую недѣлю стоя, Россійскую армію атаковали, однакъ успѣть ничего не могли; а наконецъ Козаки, не терпя ихъ хвастовства, съ помощію Божіею, по предводительству Гетмана Самойловича, финальную съ непріятелемъ дали баталію, на которой много знатныхъ Турковъ пало, а подъ Визиремъ двое лошадей убито, и сверхъ ружейной пальбы, Козаки ручнымъ боемъ съ непріятелемъ дрались, каковой Рос-

сійской храбрости и мужества Турчинъ не могучи снести, съ великимъ урономъ своимъ ретировался назадъ, по ретирадѣ которыхъ въ лагерѣ его Козаки многую имѣли добычу.

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ЯНЕНКО.

На прошеніе Юрія Хмельницкаго Визирь оставилъ при немъ нѣсколько легкаго войска изъ Турковъ и Татаръ, съ которыми онъ, да съ товарищемъ своимъ, нѣкорымъ Яненкомъ, городъ Каневъ атаковали и сожгли его со всѣми жительми, протчіе же города, не имѣя себѣ ни откуда защищенія, какъ то: Черкасы, Мошны, Корсунь Жаботинъ и другіе Хмельницкому покорились, и тамъ самъ Хмельницкій съ войскомъ своимъ расположился въ Немѣровѣ, а Яненко въ Корсунѣ, а въ протчихъ городахъ Турки и Татаре стояли.

1679 года помянутый Яненко съ Бѣлгородскими Татарами пробрался подъ Козелецъ и Посовку, гдѣ многихъ людей въ плѣнъ захватили.

Равнымъ образомъ и Юрій Хмельницкій съ четырьмя Султанами Крымскихъ Татаръ вступилъ было въ Малую Россію, а паче въ полкъ Лубенскій, единственно для разоренія, но, увѣдомлясь о собраніи на нихъ Россійскаго войска, такъ какъ и для зимняго времени, уступилъ прочь.

Противу Яненка Гетьманъ Самойловичь послалъ сына своего, Семена, съ Козацкимъ войскомъ, о коего походѣ когда услышалъ Яненко, тотчасъ изъ Корсуна бѣжалъ; онъ же, Семенъ Самуйловичь, прибывъ туда, всѣхъ тамошнихъ жителей Курсунскихъ, Мошенскихъ, Драбовскихъ и Черкаскихъ перевелъ на жительство въ Малую Россію.

Того жъ года издѣланныя Турецкія крѣпости: Кизикерменъ и Таванъ Кошовый Запорожскій, Иванъ Сѣрко, съ Россійскимъ войскомъ разорилъ.

1680 года Ханъ Крымскій съ Татарами около Мерли, въ Слободскихъ полкахъ и далѣе въ Великой Россій многихъ людей плѣнилъ.

1681 года, Апрѣля 7, въ четвертокъ, Царь Федоръ Алексѣевичъ преставился, кой по смерти родителя своего, Государя Царя Алексѣя Михайловича, въ Бозѣ почившаго въ 1676 году, царствовалъ токмо четыре года съ небольшимъ, а на мѣсто его воспріяли престолъ, подъ управленіемъ Царевны и Великой Княжны, Софіи, Алексѣевны. Малолѣтніе Государи Цари, Іоанъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ.

Того жъ года, когда Великороссійскія войска въ великомъ числѣ, подъ командою Князя Голицына, стояли подъ Путивлемъ, то Гетьманъ Самойловичъ съ нѣкоторыми старшинами ѣздилъ къ нимъ для усовѣтованія о примиреніи съ Туркомъ, чтобъ хотя мало народъ успокоилъ себя отъ понесенныхъ многихъ трудовъ, а паче взглядомъ малолѣтнихъ Государей.

1682 и 683 годовъ, когда Король Польскій, Янъ Собѣцкій, ходилъ подъ Вѣну Цесару Христіянскому въ помощь, то Козаки, съ охотнаго войска бывшіе при немъ, тому городу великое учинили пособіе, верховнаго Визира со всею его арміею на голову побѣдили и весь лагерь съ аммуниціею и богатствомъ въ добычь Королю Польскому взяли и благополучно оттуда въ домы свои возвратились.

О ГЕТЬМАНѢ КУНИЦКОМЪ.

1684 года, за возвращеніемъ Короля и Козаковъ оттуда, опредѣлилъ

Король тогосторонной Украины Гетьманомъ нѣкотораго Куницкаго, которой когда съ Козаками и посполитыми людьми вооруженною рукою на Бѣлгородскихъ Татаръ ходилъ и за немногимъ сопротивленіемъ отъ Татаръ бѣжалъ, то Козаки возвратясь оттуда въ домы, убили его.

О ГЕТЬМАНѢ МИГУЛѢ.

1685 года, по убитіи Гетьмана Куницкаго, тѣ Козаки избрали вольными голосами въ Гетьмана себѣ нѣкотораго Мигулу, который около Каменца Подольскаго со всѣхъ городковъ Турковъ прогналъ и Козаками оные города осадилъ.

ДОГОВОРЪ СЪ ПОЛЯКАМИ.

Того жъ года, за соизволеніемъ Монаршимъ, Гетьманъ Самойловичь отъѣхалъ границу отъ Гоголя по Сожъ рѣку до самаго Рославля, и по тѣмъ городамъ поставилъ свои заставы, опредѣляя ихъ къ полку Стародубовскому.

1686 года съ ихъ Царскими Величествами Король Польскій вѣчный миръ заключилъ въ Яворѣ на такой кондиціи, чтобъ Смоленскъ при Россійскомъ Государствѣ оставить вѣчно, что и Цесарь подтвердилъ, а что Гетьманъ по Сожѣ рѣкѣ отъѣхалъ отъ Польши и причислилъ полку Стародубовскому, тому опять по прежнему оставаться при границахъ Польскихъ, а при томъ положено всѣми силами итти войною на Крымъ и не допускать Татарамъ такъ Цесаря, какъ и Польшу, воевать, чего для Косоговъ съ Россійскимъ войскомъ былъ и отправленъ, кой пониже Запорожской Сѣчи и зимовалъ.

ПОХОДЪ ВЪ КРЫМЪ.

1687 года, въ исполненіе трактата, Князь Василий Васильевичь Голицынъ съ Россійскими войсками и Гетьманъ Самойловичь съ Козаками маршировали подъ Перекопъ, гдѣ Татара по всѣмъ степамъ нарочно выжгли травы, да въ тоже время и чрезвычайная суша была. Что по недоброхотству Козацкой старшины, а паче войсковой Генеральной къ Гетьману, причтено въ вину оному Гетьману Самуйловичу, что онъ какъ бы нарочно туда велъ Россійскія войска для изнуренія, хотя и другимъ путемъ войскамъ итти можно было, но онъ, Гетьманъ, какъ бы вовся о томъ не радѣлъ и еще нарекалъ за предпріятія войны съ Татарами.

Россійскія войска, не смотря натаковы суши и безводія, пробрались было уже до Керчекези или до Конской рѣчки, гдѣ, за безводіемъ, когда армія начала вовся изнуряться, то Князь Голицынъ принужденъ былъ возвратиться обратно и, прибывши къ рѣчкѣ Самарѣ, гдѣ нѣсколько фуражу для лошадей сыскать можно было, сталъ для роздыху лагеромъ и отправилъ въ Москву курьера съ увѣдомленіемъ о таковомъ въ арміи происхожденіи, полагая въ томъ всю вину на Гетьмана Малороссійскаго, въ подтвержденіе чего и Генеральная Старшина съ Полковниками, будучи поступками Гетьмана своего недавольны, по усовѣтованію Князя Голицына, написали къ Ихъ Величествамъ доношеніе съ прошеніемъ, по многимъ резонамъ, въ томъ доношеніи прописаннымъ, отставки оному Гетьману, которое, принявъ тамо отъ нихъ, Голицынъ сообщилъ Ихъ Величествамъ.

Отъ Самары рушилась армія къ рѣкѣ Мерли и на берегахъ тоя рѣки опять расположилась лагеромъ,

гдѣ Голицынъ ожидалъ повелѣнія отъ Ихъ Величествъ, куда маршировать съ арміею. Въ Совѣтѣ Ихъ Величествъ опредѣлено было распустить армію, а Голицыну самому пріѣзжать въ Москву къ отвѣту. Но Царевна и Великая Княжна, Софія Алексѣевна, то отмѣнить соизволила и положила вину на Гетьмана посланъ секретной Указъ къ Голицыну о перемѣнѣ онаго Гетьмана и о избраніи другаго на его мѣсто, о чемъ пространнѣе въ гисторіи о жизни блаженныя памяти Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, на Французскомъ языкѣ выпечатанной въ Амстердамѣ и Липскѣ 1742 года.

НИЗЛОЖЕНІЕ САМОЙЛОВИЧА СЪ ГЕТЬМАНСТВА.

Низложеніе Ивана Самойловича съ Гетьманскаго доистоинства слѣдующимъ происходило образомъ: Голицынъ, за полученіемъ таковаго отъ Ихъ Величествъ Указа, повелѣлъ тотчасъ Стрѣлецкому Капитану (коего Гетьманъ, не извѣряясь на Козацкую Старшину, яко она на его заведенія, аренды и излишнее хвастовство, имѣла уже нареканія), для охраненія себя съ ротою отъ Князя Голицына предъ тѣмъ испросилъ, чѣмъ онъ тако жъ Козаковъ противу себя не мало огорчилъ, беречь Гетьмана и, оковавъ его ночью, провесть въ Россійской лагерь въ судебную палатку, гдѣ Голицынъ имѣлъ вооруженныхъ нѣсколько солдатъ въ предосторожность какова либо возмущенія, и приказалъ на разсвѣтѣ военному быти суду.

Какъ скоро Генералитетъ собрался на военной судъ, то нещастной Гетьманъ, на простой телѣгѣ прикрытъ и отвсюду окруженъ вооруженными стрѣльцами, привезенъ туда предъ палатку, въ которую когда его введено, стоялъ онъ безъ шапки и слушалъ Указа Ихъ Царскихъ Величествъ, по прочтеніи котораго нѣкоторые Козацкіе старшины, будучи отъ другихъ научены, начали доказывать ему измѣну, будто бы онъ тайное имѣлъ сношеніе съ Ханомъ Крымскимъ, и для того нарочно въ таковыя мѣста Россійскую армію проводилъ къ изнуренію. Нещастной Гетьманъ хотѣлъ предъ судомъ оправдаться, но ему къ тому и времени не дано и безъ всякаго изслѣдованія обвинено его въ оскорбленіи Ихъ Величествъ, чего для лишено его Гетьманскаго достоинства и опредѣлено, чтобъ онъ и навпредъ ни какихъ чиновъ, ни воинскихъ, ни гражданскихъ достоянъ, не былъ. Въ то время Козацкая Старшина, которая предъ тѣмъ Гетьмана своего весьма высоко почитала и со всякимъ подобострастіемъ къ нему приступала, называя его Ясневельможнымъ, отвращаясь отъ него, бранила въ глаза, называя скурвымъ сыномъ, къ большому печали его приумноженію. Полковникъ Переясловскій, Думитрашко, мстясь за прежній его съ нимъ поступокъ, пришолъ какъ бы отъ ревности къ отечеству въ такую горячность, что въ посредкѣ военнаго суда выхватилъ было саблю и хотѣлъ его растять по поламъ. Но къ сему безумному дѣлу не допустилъ его самъ Князь Голицынъ, объявляя, что Иванъ Самойловичъ приведенъ на военной судъ быть судимымъ по законамъ, а не на судѣ оставаться убитымъ беззаконно.

Гетьманской сынъ, именемъ Григорій, кой съ нѣсколькими тысячьми

Козаковъ стоялъ особливо около Сѣчи Запорожской, по ненависти отъ тоей же Генеральной Старшины былъ въ томъ же обговоренъ; однако сей, столько отъ Козаковъ былъ любимъ, сколько отецъ его ненавидимъ, о взятьи котораго подъ караулъ посланъ ордеръ къ Генералу Леонтію Романовичу Неплюеву, кой надъ Россійскимъ войскомъ, обрѣтающимся около Сѣчи съ Косоговымъ, имѣлъ команду, который, за полученіемъ таковаго ордера, взявъ довольную команду, прибылъ въ лагерь Козацкой, гдѣ стоялъ Григорій Самойловичъ. Нѣкоторые изъ вѣрнѣйшихъ ему Козаковъ, увѣдомлясь о таковомъ происхожденіи, объявили ему, совѣтуя, чтобы онъ побереглъ себя и спрятался, но онъ, или надѣясь на невинность свою, или на вѣрность Козацкой своей команды, убѣгать никуда не похотѣлъ и оставался спокоенъ въ квартирѣ своей.

Неплюевъ съ командою прибылъ къ нему и сообщилъ первѣе повелѣніе объ немъ старшинѣ Козацкой, которая легко на взятье его склонилась и совѣтовала Генералу поступать въ томъ осмотрительно, и стараться первѣе пригласить на то рядовыхъ Козаковъ, чтобъ въ случаѣ не послѣдовало какого замѣшательства. Къ сему Компанейцы тотчасъ согласились, но Сердюки далече отъ того предпріятія состояли, и, не хотя попустить своего шефа въ руки Россійскія, стали было вооруженною рукою округъ полатки его. Неплюевъ многія дѣлалъ имъ бѣщанія и обнадеживанія, естьли они его добровольно отдадутъ въ руки ему. На что они, какъ простой народъ, хотя съ многимъ сопротивленіемъ, наконецъ, согласились; и тако нещастной Григорій, ни въ чемъ невиновный сынъ Гетьманскій, взятъ былъ подъ караулъ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ, которой таковою своею удачею весьма доволенъ былъ къ приобрѣтенію опять повѣренности себѣ, которую было потерялъ онъ чрезъ нещастіе, послѣдовавшее ему въ баталіи съ Султаномъ Нарадиномъ Галга, неподалече Днѣпра. Таковымъ образомъ Князь Голицынъ, имѣя въ рукахъ своихъ отца, и двухъ сыновъ его, Григорія и Якова, ибо сей послѣдній вмѣстѣ былъ съ отцемъ своимъ, отправилъ такъ самаго Гетьмана, какъ и сына одного, Якова, въ ссылку, на Сибирь, гдѣ они, по немногомъ времени, отъ печали и бѣдности безвременно жизнь свою окончали; а Григорій, другой сынъ Гетьманскій, оставался подъ карауломъ въ арміи, которому послѣ, за старательствомъ бывшаго уже тогда Гетьмана Мазепы, въ Сѣвску голову отсѣчено. И таковъ есть неблагополучный Гетьманства Самойловичева чрезъ пятнадцать лѣтъ конецъ.

Каковое же челобитье къ Государямъ отъ старшины на онаго Гетьмана было посылано, оное, для видѣнія всѣмъ истины, подъ симъ сообщается:

ДОНОСЪ НА ГЕТЬМАНА САМОЙЛОВИЧА.

Всепресвѣтлѣйшимъ, Державнѣйшимъ, Великимъ Государемъ и Великимъ Княземъ, Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и Великой Государынѣ, Благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ, Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, Ихъ Царскому Величеству, милостивымъ своимъ Обладателемъ, вѣрные подданные покорно доносютъ.

Что войско Запорожское зѣло скорбно и жалостно есть, что Ихъ Государское святое намѣреніе о посылкѣ силъ Ихъ Монаршескихъ на Крымъ, на которую весь свѣтъ Христіянскій обратилъ очи свои, котораго всѣ ихъ Монаршескія доброхоты съ великимъ желаніемъ надѣялись щастливыхъ, прехвальныхъ, и къ приращенію безсмертныя во вѣки Россійскому Царствію великія славы приличныхъ збытей, не пришло нынѣ къ своему совершенству, въ которомъ дѣлѣ хотя для милости милостивыхъ и милосердыхъ Скипетроносныхъ Государей своихъ, ради было войско Запорожское, при всякой бодрости и радѣніи, служити, однако не могло, за неисправленіемъ Гетманскимъ, который только для слѣпоты очей своихъ и для тягости своей, не былъ и нѣсть угоденъ къ сотворенію должностей, Гетману приличныхъ, другое и не желалъ того, чтобъ надъ Крымомъ Ихъ Монаршескія силы самъ походомъ имѣли одолѣніе, которое нежелательство его можно довести отсюду:

Прежде учиненія еще вѣчнаго миру Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества съ Королевствомъ Польскимъ, всегда онъ, Гетманъ, таковы предложенія, чрезъ посланныхъ и чрезъ гонцовъ своихъ, къ Великимъ Государемъ доносилъ, чтобъ они, Великіе Государи, съ Турками и Татарами перемиріе держали, а съ Поляками не мирились, сказывая, что тотъ миръ ненадобенъ, и для того онъ и села Посожскія, не совѣтовавъ ни съ кѣмъ, велѣлъ было заѣхать, хотя Ихъ Царское Пресвѣтлое Величество ссорити глубоко съ Королевскимъ Величествомъ Польскимъ, дабы тотъ миръ не состоялся, которыхъ селъ Посожскихъ не имѣлъ уступить, хотя бы и многіе ихъ Монаршескіе къ нему были Указы, какъ и не уступалъ ихъ, покамѣсть сами Поляки, по соизволенію Государскому, отобрали.

А какъ миръ уже учинился вѣчной съ Польскою стороною и былъ присланъ отъ Нихъ, Великихъ Государей, въ Батуринъ Ближней Окольничей, Леонтій Романовичъ Неплюевъ, съ тѣмъ мирнымъ извѣстіемъ, тогда запечалился зѣло и былъ печаленъ много, и кромѣ того, что предъ Окольничимъ словами нежелательными, выявливался, говоря: Увидите, что не всякъ изъ вашихъ чиновъ Московскихъ вамъ станетъ благодарить, что разорвали миръ хитростію Польскою съ Государствомъ Турецкимъ и Крымскимъ и хочете войну противу ихъ вщать, при старшинѣ войсковой. Тогда же скоро по отъѣздѣ Окольничаго изъ Батурина многократно таковы же жестокія слова говорилъ: Купила нынѣ Москва себѣ лихо за свои деньги, Ляхомъ данные, и се, что въ томъ, съ Поляками учиненномъ, миру, ищутъ, и что противъ Хана учинятъ, увидите. Жалѣли малой дачи Татарамъ давать, а будутъ большую казну давать, какову Татары похотятъ; и послѣ того бывалъ смутенъ и сердитъ, и таковы жъ слова въ случаяхъ рѣчей поновлялъ, а за тотъ миръ, учиненной между Монархами, не велѣлъ и молебствовати по церквамъ.

А какъ пришла вѣдомость отъ Великихъ Государей въ спискахъ, изъ разныхъ Курантовъ писанныхъ, что Цесарскія войска Будинъ городъ взяли у Турковъ, а Венеціане многіе города у Турковъ же моремъ побрали, и тѣхъ

писемъ не хотѣлъ и слышать, и нынѣ валяются не чтены, а то отъ него исходитъ, что не охочь слыхать вѣстей о побѣдѣ Христіянской надъ Бусурманы; а какъ услышитъ, что Татарове поберутъ людей на Волыни, и тогда зѣло бываетъ веселъ; и колико у него бывало изъ Крыму Мурзъ и посланниковъ Крымскихъ во время перемирия, всегда спрашивалъ и пересказывалъ къ Хану, чтобъ непрестанно подъ Бѣлую Церковь изъ Немирова на Волынъ и Полѣсье загонами Татаровъ подпадывая, въ людехъ Христіянскихъ уронъ чинили Королевству Польскому, въ чемъ явная его измѣна.

Семья его Гетьманская въ нѣкое время говорила женамъ особъ Генеральныхъ: Сердитъ нынѣ и великіе похвалки чинитъ Иванъ мой на Москву; едва того не учинитъ, что учинилъ Иванъ Брюховецкій.

А какъ Королевское Величество въ прошломъ году изъ Волоской земли уступалъ, тогда Бунчужній имѣлъ наодинѣ рѣчь съ Гетьманомъ, и такіе слова изнесъ: Радъ бы Господинъ Гетьманъ, чтобъ Поляки отъ Татаръ въ той земли Волоской осадою утѣснены будучи, помирились, а чай бы Москва и насъ познала и легко не почитала, что мы приобѣщанную и надежную дружбу съ Государствомъ Крымскимъ имѣемъ.

Хотя по Указу Великихъ Государей съ того прошлаго лѣта на сіе съ полками въ нынѣшней походъ готовился воевать Крымъ, и о томъ Великимъ Государемъ докучалъ онъ, Гетьманъ же, чтобъ всѣ силы Монашерскія, сколько ихъ есть, въ сей же походъ были двигнуты, однако не имѣлъ такой истинности, дабы по истинѣ оказалъ свою службу, какъ нынѣ исполнилось, потому что хотя предлагалъ, чтобъ Великихъ Государей великія подняты были силы, а совѣтовалъ съ прилѣжаніемъ, чтобъ ранняго вешняго времени были въ поля выведены, а то не на иную какую прислугу, только на пагубу войска, понеже въ Крымъ и прежде сего кто ни хаживалъ и въ малыхъ собраніяхъ, и то дѣлалъ въ осень, а не по веснѣ.

А вышедъ изъ Батурина и приближившися къ рѣкѣ Ворсклу, хотя полки Козацкіе не всѣ собрались было, предлагалъ накрѣпко вельможному Боярину, его милости, Князю Василью Васильевичу Голицыну, дабы какъ скорѣе въ поля выходилъ, и такъ, по его предложенію и, Бояринъ, его милость, войска, дальнымъ изъ домовъ путемъ утружденныя, отпочиву требуючія, у поля за Самару вывелъ.

А въ тѣхъ поляхъ чтобъ надлежало Гетьману о языкахъ радѣть и за нѣсколико верстъ караулы посылать, и о положеніи поля провѣдывать, того онъ отнюдъ не чинилъ, и Боярину, его милости, хотя хотѣлъ посылать напередъ полки, отсовѣтовалъ и совѣта о томъ отъ старшины не принималъ, и видя около табуровъ пожарами пылающія поля, гасить, хотя многократно ему старшина докучала, не посылалъ и не приказывалъ.

А когда пришли къ Водѣ Конской, и тамъ за тою Водою всѣ поля пожарами выгорѣли, онъ ничего о томъ не радя, хотя Бояринъ, его милость, безъ совѣта общаго рушиться совершенно, не провѣдавъ, сколь далеко выгорѣло за ту рѣку, не совѣтовалъ, подвигся съ полками Козацкими, а после его и Бояринъ,

его милость, подвигъ Монаршескія силы, чая, что онъ извѣстенъ есть о довольствахъ кормовъ конскихъ, и тамъ далѣ поступая, обрѣлось поле всѣ згорѣло.

Того ради, по тѣмъ всѣмъ вышеописаннымъ причинамъ и нежелательствамъ и нерадѣніямъ, многіе чаютъ и совершенно твердятъ, и мы вѣдаемъ, что онъ, Гетьманъ, не хотя совершенно тѣмъ пожаромъ предварить, есть причиною и повелителемъ къ выжегу поль.

Понеже, не доходя Конской Воды, когда и ему въ походѣ болѣзнымъ очамъ солнечной зной докучалъ, говорилъ: Се неразсудная война Московская, коль намъ вредительна! Лишила, де, меня здоровья крайняго; не лучше ль было Москвѣ дома въ покои сидѣть и своихъ рубежей беречь, нежель съ Крымомъ войну сію ненадобную заводить?

А какъ не можно было войскамъ по погорѣлымъ полямъ далѣ итти, онъ, не ища и не промышляя какова способу, какъ бы надъ непріятели, хотя уже меньшими войски, учинить промыслъ, гоня не наславу вѣчную войскъ Московскихъ и Козацкихъ, а защищая Государство Крымское, совершенно на томъ сталъ и совѣтовалъ, чтобъ Бояре, ихъ милости, съ войски возвратились назадъ.

А возвративъ обозы назадъ, то говорилъ: Не сказывалъ ли я, что Москва ничего Крыму не здѣлаетъ? Се нынѣ такъ и есть, и надобно будетъ впредъ гораздо имъ отъ Крымцовъ отдыматись; а творитъ то наругательство съ смѣхомъ.

Нынѣ ни о чемъ не печалится, только такъ говоритъ передъ духовною честною особою: Когда бы мнѣ далъ Богъ сына моего съ Низу цѣлаго сыскать и въ Батуринъ притти, буду, де, знать, что дѣлать; есть у мене дѣла напряженны къ дѣланію иныя.

И то говорилъ чрезъ ту жъ особу: Что мнѣ дѣлать съ тѣми чертями, Москали, какъ они со всѣми войски своими напрутся въ домъ итти? яде, хотѣлъ просить Боярина, чтобъ мнѣ далъ и оставилъ съ пять тысячъ войска, а то для пожданья и отысканія сына моего съ Низу.

И то Пресвѣтлѣйшимъ Великимъ Государемъ буди извѣстно, что онъ, Гетьманъ, самовластно владѣетъ и хочетъ владѣть Малою Россіею, Грамоты Монаршескія, у кого хочетъ, беретъ, и дачи на себя или на дѣтей своихъ оборачиваетъ; къ Царствующему граду Москвѣ, не токмо къ мірскимъ, но и духовнымъ, людямъ ѣздить запрещаетъ, и города Государскіе Малороссійскіе не Государскими, но своими, именуетъ, и людямъ войсковымъ приказываетъ, чтобъ ему, а не Монархамъ, вѣрно служили.

Сверхъ того говорилъ: Когда возвратимся изъ Крымскаго походу, порадѣемъ лучше Малую Россію утвердитъ, и не такъ, какъ стоитъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ.

И сынъ его, Григорій, въ Черниговѣ бранилъ войта и мѣщанъ, и лаючи, смертною казнію грозилъ, что войтъ и мѣщане хотѣли поставить на ратушѣ орла платаного въ то знаменіе, что городъ Черниговъ есть властная Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества отчина, и говорилъ Григорій войту и, мѣщанамъ, такъ: Не будете, мужики, жить на свѣтѣ, что хочете выламаться съ подданства господина отца моего и поддатися Москвѣ, и заказалъ, дабы орла не ставили, и ставить не дерзали.

Тотъ же сынъ говорилъ съ иными хульныя слова о Пресвѣтлѣйшемъ и Превысочайшемъ Домѣ Монаршемъ Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, которыя ихъ досады, хотя и слыхалъ отецъ ихъ, но имъ того не запрещалъ.

Да и то припоминаемъ, что онъ же, Гетьманъ, высылая Михайла, бывшаго Полковника Гадяцкаго, на размѣну съ Татары, давалъ перво-словесной приказъ, а потомъ писалъ своею рукою къ нему, Михайлу, всѣми силами радѣть о утвержденіи силъ своихъ и дружбы съ Государствомъ Крымскимъ, по которому Указу и Михайло говорывалъ: Когда бъ намъ самопалы Козацкіе соединить съ саблями Крымскими, сильны бы были мы противъ всякихъ Монарховъ. И такую рѣчь многократно при Старшинѣ и всѣмъ въ слухъ вносилъ: Не послушала, де, дурная Москва моего совѣту; помирилася съ Поляки; дождусь, де, я того въ скоромъ времени, что будутъ сызнова мене просить, чтобъ я посредникомъ къ примиренію съ Государствомъ Крымскимъ былъ; только жъ знать буду, какъ Государство Крымское съ Москвою мирить; будутъ мене памятовать и вѣдать, какъ и насъ покидать.

Да и то говорилъ: Чертовскую, дурную и гнусную войну Москва взяла на себе, не по себѣ тягость, и вславилися всему свѣту повоевать Государство Крымское, а она сама никогда не сможетъ себя оборонить; лучше бы радѣть при промыслѣ нашемъ, своихъ рубежей беречь, нежели чужое лихо подыматься боронить, понеже, когда еще не переставъ отъ своего намѣренія, похотятъ войну поднять, то пропадутъ.

Самъ отъ многихъ лѣтъ билъ челомъ Великимъ Государемъ, чтобъ чехи подъ Царскимъ знаменіемъ и титломъ или въ Путивлѣ, или въ Сѣвску были дѣланы; а нынѣ, когда изъ Денежнаго Двора на сію дорогу вышли и въ войну выдана плата, не велитъ и не приказываетъ, чтобъ межъ народомъ Малороссійскимъ брана была и всякія купли и продажи дѣйствовались, найпаче посмѣевается, говоря: Изъ одной мѣди много бездѣлья надѣлали, что убогому человѣку ни на что не годится, потому что будто щелуха ломятся.

Степана Гречанаго, Судью Гадяцкаго, безъ вѣдомости и изволенія Государскаго, къ Королевскому Величеству съ тѣмъ посылалъ, чтобъ Мигулу, имянующагося на той тамъ сторонѣ Гетьманомъ, съ его войскомъ самовольнымъ не держалъ, а себе на всякую службу быти готова съ войскомъ Запорожскимъ обѣщая, просилъ, чтобъ ему поволилъ по тѣхъ мѣстъ владѣть городы, осадивъ, пока Хмельницкій владѣлъ.

Іюля въ 4 день самъ мосты на рѣкѣ Самарѣ, войскомъ Окольничаго, Леонтія Романовича, строенные, онъ, Гетьманъ, съ своими полками перешедъ, велѣлъ пожечь, а на той тамъ сторонѣ Боярина со всѣмъ войскомъ оставилъ только два моста, имѣющіе свои къ переправѣ, и принужденъ былъ Бояринъ новые мосты дѣлать, и тотъ его поступокъ измѣнническій учинился подъ войскомъ Государскимъ.

Іюля въ 6 день, призвавъ къ себѣ Дмитрашку, говорилъ: Имѣю, де, вѣдомость, что Ханъ и съ Салтанами и со всею ордою около войска нашего, на Низъ посланнаго, забаву воинскую имѣетъ; токмо не много помедлитъ, самъ Ханъ къ Перекопіи уступитъ и Салтана съ Ордами противъ Поляковъ пошлетъ, и

дадутъ конечно Полякамъ добрую встрѣчу; пусть же Бояры, такія непочтивой матери дѣти, скачутъ и Полякамъ даютъ помощь, а не здоровъ дадуть.

Того жъ дня, пришедъ къ нему, Гетьману, Войтъ Переяславскій, говорилъ: Жалуется, де, Москва приходя, что людей Государскихъ много померло и зѣло много больныхъ лежитъ; а онъ сказалъ: Хотя бы и всѣ пропали, то бъ я о томъ не печалился.

Лошадей сколько къ нему ни приведутъ заблудшихъ Московскихъ и всякихъ, всѣхъ велитъ, своимъ пятномъ перепятнавъ, въ Гадичь отсылать; то его въ семъ явное воровство.

Въ нѣкое время здѣ, въ войскѣ, былъ Гетьманъ съ Полковниками Московскими съ нами всѣми на обѣдѣ у Обознаго; и послѣ обѣда Петръ Борисовъ Полковникъ размолвилъ съ Гамалѣею, и Гамалѣя, знатно въ надежду его, противъ Полковника сказалъ: Что ты меня, Полковникъ, порекаешь? Не саблею, де, насъ взяли. И онъ, Гетьманъ, то слышавъ, ни единого слово Гамалѣи не молвилъ, да и разсмѣялся, а чаять что и похвалилъ.

А послѣ учиненнаго миру, знатно хотя какую въ томъ вреду учинить, посылалъ въ пасѣки Заднѣпрскіе, въ договорѣхъ мирныхъ при Польской сторонѣ оставленные, десятины пчелъ выбирать, и то учинилъ онъ противно, а не по волѣ Государской.

А о земляхъ той стороны Днѣпра говорилъ жестоко: Не такъ, де, то будетъ, какъ Москва съ Поляки въ мирныхъ своихъ договорахъ постановила; учинимъ мы такъ, какъ намъ надобно; по которому своему намѣренію, тому, Гречаному, къ Королевскому Величеству посыланному, о тѣхъ земляхъ и о Посожскихъ селѣхъ, сверхъ договоровъ мирныхъ, упоминаться велѣлъ.

И при таковыхъ своихъ къ Великимъ Государемъ нерадѣніяхъ, и вольности войска Запорожскаго, отъ Великихъ Государей подтвержденные, нарушилъ.

Все одинъ дѣлаетъ; никого къ думѣ не призываетъ; уряды по своему гнѣву отнимаетъ и не по пристойнымъ причинамъ ихъ наказываетъ и въ безчестіе вводитъ, и кого хочетъ безъ суда и безъ доводу напрасно.

За уряды Полковничіе беретъ великіе посулы, и чрезъ то допускаетъ людямъ утѣсненія, чего при иныхъ Гетьманѣхъ не бывало.

Людей старинныхъ войсковыхъ заслуженныхъ всякими своими вымышленными способы тѣснитъ и слова добраго не говоритъ.

А иныхъ мѣлкихъ незаслуженныхъ съ собою поставливая, тѣмъ оказывается, что хочетъ учинитъ, что можетъ.

Въ мельницахъ Козацкихъ нѣтъ Козакамъ воли, ни знатнымъ, ни заслуженнымъ; все на себе забираетъ; что у кого полюбится, возметъ, а что онъ минетъ, то дѣти возьмутъ, и тому только у него приступъ, который посулъ даетъ, а кто не даетъ, хотя бы и годенъ былъ, отрыновенъ бываетъ.

Старшинѣ Генеральной нѣтъ у него чести надлежащей и безопасенія; больше отъ гнѣва и похвальныхъ его словъ мертвы бываютъ, нежели покойны живутъ.

Судейскаго уряду уже отъ четырехъ лѣтъ не отдаетъ, для того, что никого за добраго человѣка не имѣетъ, и хочетъ, чтобъ тотъ су-

дейскій урядъ за великія деньги былъ купленъ.

Государево жалованье, соболинное и обяриное, на двухъ присланное, къ себѣ забралъ; а въ небытіи судей погасло право, и обыдимымъ людямъ нѣтъ управы, и отъ того плачутъ много.

Больше упражняется около домовыхъ вещей, нежели въ самыхъ Монаршескихъ дѣлѣхъ.

Того для тѣхъ ради всѣхъ причинъ и для неспособности его, нѣтъ надежды, чтобъ и впредъ войско Запорожское за его поводомъ къ прислугѣ Монаршеской что похвальное объявило, и желаетъ все войско, и со слезами Господа Бога молитъ, дабы Великіе Государи, для лучшаго управленія Монаршескихъ своихъ дѣлъ и для утоленія многихъ слезъ, изволили указать съ него урядъ Гетьманской снять, а на тотъ урядъ, по правамъ войсковымъ, вольными голосами, повелѣли обрать якова бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка, который бы въ нынѣшней войнѣ нелѣниво, но радѣтельно и вѣрно съ войскомъ, во всякихъ случаяхъ, чинилъ имъ, Великимъ Государемъ, службу, которой перемѣны Гетьмана многіе съ великимъ упокореніемъ, при великой милости Монаршей, просятъ и предлагаютъ, что таковымъ образомъ поступивъ, можетъ быть Крымъ запертъ и вскорѣ силами Государскими и войска Запорожскаго повоеванъ.

И естьли того не будетъ, то подъ симъ Гетьманомъ не можетъ ничего къ славѣ Монаршей оказаться, развѣ бѣдъ, а будетъ то, что отъ его тѣсноты всѣ розно разбредутся, или, избави Богъ, чтобъ въ добрыхъ не учинилось какой порухи.

И о томъ все войско Запорожское бьетъ челомъ, чтобъ, по снятіи его съ Гетьманства, не былъ и не жилъ на Украйнѣ, но со всѣмъ домомъ взять бы его къ Москвѣ, и, яко явной измѣнникъ Ихъ Царскаго Величества и войска Запорожскаго, былъ казненъ.

О томъ челомъ бья Вамъ, Великимъ Государемъ, припамятовали жъ есми его жъ, Гетьмана, измѣнное дѣло: былъ Указъ къ нему отъ Васъ, Великихъ Государей, по прошенію Королевскаго Величества, пустить въ сторону Польской державы хлѣбные запасы, которымъ тогда была тамъ скудость, а онъ преслушавъ тотъ Вашъ Государской Указъ, учинилъ заказы, чтобы въ ту державу никто хлѣбныхъ запасовъ возыть не дерзалъ и здѣсь тамошнимъ людемъ не продавалъ, а только поволилъ было вино да табакъ продавать пріѣзжимъ оттуда чумакамъ, а въ Крымъ и въ городки Турскіе, укрѣпляя тамъ съ собою крѣпкую дружбу, велѣлъ нарочно всякой запасъ возыть, волы, овцы и кони гнать на продажу, съ которыми продажами Малороссійскіе люди непрестанно туда ѣздили, и какъ покой вѣчный у Великихъ Государей съ Королемъ Польскимъ учинился и война оголошена на бусурманъ, и тогда тѣхъ продажъ не уняли, кто хотѣлъ, ѣздилъ туда съ хлѣбными запасы во все лѣто и зимы прошлей занявъ; а хотя кого съ такими продажами и поймали, не наказывали, которымъ образомъ знатно городы Турскіе, надъ Днѣпромъ будучіе, изъ Турской земли хлѣбныхъ присылокъ не имѣющіе, отсюду изъ Малой Россіи учинились обогачены.

И иныхъ многихъ неисчетныхъ его поступковъ немочно и выпи-

сать, только у Превысочайшаго Престола Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества падше, просимъ конечно его Гетьманской перемѣны, понеже, естьли, за тѣми предложеніями посторонними, не имѣла быть на томъ воля Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, то войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ отнюдъ его, яко явнаго недоброхота, соблюдая къ Вамъ, Великимъ Государемъ, свою вѣрную службу, не можемъ терпѣть, и по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ съ нимъ поступити въ скоромъ времени понуждено будетъ, за что, дабы Вашъ Царской Престолъ на насъ не досадовалъ, всепокорно Вашему Пресвѣтлому Величеству бьемъ челомъ со всѣмъ войскомъ.

А чтобъ тѣ всѣ злые его, Гетьманскія, дѣла отъ насъ выписанныя, приняты и вѣра имъ была дана, имена наши руками нашими подписываемъ и въ руки Ясневельможнаго, его милости, ближняго Боярина, Василья Васильевича Голицына, покорно отдаемъ.

Въ табурѣ надъ рѣчкою Коломакомъ, въ лѣто 1687, Іюля 7.

Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества вѣрные подданные, нижайшія подножія:

Василей Борковскій, Обозной войска Вашего Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Генеральный.

Михаилъ Воехевичъ, Судья.

Савва Прокоповъ, Писарь войска Вашего Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Генеральный.

Иванъ Мазепа, Есаулъ войска Запорожскаго Генеральный.

Константинъ Солонина.

Яковъ Лизогубъ.

Григорій Гамалѣя.

Дмитрашко Райча.

Степанъ Петровъ Забѣла.

А внизу написано: Василей Кочубей.

И то потребуетъ высокаго разсужденія, что онъ, по высокому о себѣ разумѣнію, скрытымъ умысломъ своимъ не только въ народѣ семъ, Малороссійскомъ, между которымъ и самъ мѣлко, какъ и иные люди, родился, не кладетъ урожденіемъ и разумомъ никого себѣ равнаго, но и Великороссійскаго Православія всякими чинами гнушаясь, не похотѣлъ ни за кого отдать нынѣшней дочери своей, но изъ за рубежа нарочными способы для того принималъ Князя Четвертенскаго, въ чемъ разсуждаетъ способный имѣти приступъ когда ни есть къ отдѣльному Малой Россіи владѣнію, и таковымъ то знатно намѣреніемъ и печать Юрія Хмельницкаго при себѣ задержалъ, не отсылая къ Великимъ Государемъ, на которой погоня, Княжество Малороссійское, изображено, тому Юрію отъ Турка данное.

А что отъ дѣтей его въ полкахъ Черниговскомъ и Стародубовскомъ бѣдъ дѣется, того и выписать не можно, о чемъ тѣ жъ полчане во время свое совершенно скажутъ.

Между симъ, каковые въ Малой Россіи отъ Козаковъ, кои ординарно всегда перемѣнамъ ради, происходили непорядки и многимъ гражданамъ и самимъ Старшинамъ обыды, довольно изъяснить неможно: многихъ въ смерть убивали, грабили, а иныхъ, спрашивая денегъ, жгли, что и посполитый народъ подданные, кои отъ натуры господина своего любить не могутъ, смотря на таковъ Козацкой безпорядокъ, надъ своими собственными владѣлцами дѣлали.

Въ безвинномъ съ Самойловичемъ согласіи обвинены были: Леонтій Полуботокъ, Лазарь Горленко и нѣякойсь Ярема, Полковникъ Нѣжинскій, но что съ ними послѣдовало, обстоятельнаго въ исторіяхъ нѣтъ изъясненія.

О ГЕТЬМАНѢ МАЗЕПѢ.

По окончаніи таковаго дѣйствія, въ силу Указа, было собраніе новаго Гетьмана въ посродкѣ арміи Россійской, на которомъ, согласно всѣми, избранъ Генеральной Асаулъ коварной, кой, по большой части подъ Самойловичемъ копалъ яму, Иванъ Мазепа, Малороссійскимъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетьманомъ, Іюля 25-го, 1687 года. Хотя сіе достоинство слѣдовало получить Генеральному Обозному, Борковскому, но онъ, по простосердечію своему, или, лучше сказать, по скупости своей, оное проронилъ.

Сей Мазепа былъ природній Польскій шляхтичъ, изъ воеводства Подольскаго. Онъ въ молодыхъ своихъ лѣтѣхъ былъ пажемъ у Польскаго Короля, Яна Казимѣра, гдѣ изучился чрезъвычайно хорошо разныхъ искуствъ, какъ обыкновенно въ Государевыхъ Дворцахъ обучаютъ всегда пажевъ; онъ не токмо умѣлъ хорошо танчить и ѣздить на лошадяхъ, но и много профитовалъ въ политическихъ наукахъ съ тѣми качествами, и сверхъ сего приятнымъ взоромъ былъ онъ любимъ, какъ молодой человѣкъ, и женскимъ поломъ.

Между тѣмъ съ женою нѣкотораго знатнаго Господина имѣлъ тайное согласіе, которое после здѣлалось ему весьма чувствительнымъ; ибо какъ скоро тотъ Господинъ узналъ тое ихъ таинство, схваталъ его и велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту. и пустить въ поля, лошадь же тая была Козацкая и еще къ ѣздѣ не обучена, и яко недавно приведена изъ Украины къ тому Господину, то пущена вольно, бѣжала прямо степами, на Украину жъ, таская за собою и бѣднаго Мазепу, полумертва отъ бою и голоду. Козаки, сыскавъ его на степу, приняли къ себѣ, и такъ онъ между ними и ожился, послѣдуя имъ во многихъ экспедиціяхъ съ отличіемъ отъ протчихъ и отъ мала по малу пришолъ въ знаніе Козацкому Гетьману, а именно, Дорошенку, который опредѣлилъ его въ должность писарскую, и поколику, по воспитанію своему, былъ онъ человѣкъ такъ съ умомъ, какъ и съ куражемъ, то чрезъ то после и самимъ Государямъ пришолъ было въ знаніе, какъ о семъ будетъ ниже сего.

Въ Малой Россіи же началъ онъ жить надежно съ того времени, какъ бывшой тогосторонной Гетьманъ, Дорошенко, прислалъ его въ Переясловль къ Гетьману Самойловичу съ прошеніемъ, чтобы Рада отложена была до лѣта, что происходило въ 1674 году, и уповательно, что онъ въ то время при Дорошенку былъ писаремъ Генеральнымъ; а какъ остался жить здѣсь, то съ уменьшеніемъ чина, взглядомъ преимущества Малой Россіи отъ тогосторонной Украины, произведенъ въ Асаула Генеральнаго.

Новопроизведенный Гетьманъ, Иванъ Мазепа, опасаясь, чтобъ отъ безпорядочныхъ Козацкихъ по Украинѣ поступокъ, не воспослѣдовало бъ какого замѣшательства и бунту, для усмиренія оныхъ испросилъ отъ Князя Голицына нѣсколько Великороссійскихъ полковъ, между коими три тысячи человѣкъ ландмилиціи Смоленской

пѣхоты, а тысяча конницы было, кои чрезъ нѣсколько времени стояли въ Батуринѣ, оберегая и самаго Мазепу,

1688 года городъ Самаръ при рѣкѣ Самарѣ войсками, такъ Великороссійскими, какъ и Малороссійскими, устроенъ.

1689 года, Февраля 1-го дня, для продолженія войны съ Крымскимъ Ханомъ, Россійская армія, подъ командою того же Генерала, Князя Василія Васильевича Голицына, опять рушилась, и въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ прибыла къ Самарѣ, гдѣ Гетьманъ Мазепа со всѣмъ Козацкимъ войскомъ присоединился, и съ тѣми соединенными силами марщировали къ Перекопу пятьма колонгами: первая была авангардія, подъ командою Генерала Алексѣя Симоновича Шеина; вторая правое крыло, состоящее изъ однихъ Козаковъ, подъ командою Гетамана; третья корь де баталія; подъ командою Князя Голицына; четвертая лѣвое крыло, подъ командою Шереметьева; пятая аріергардъ, подъ командою Неплюева. Въ семъ походѣ многіе имѣли отъ Татаръ нападеніе, и однажды Слободскимъ полкамъ, Сумскому и Ахтырскому, подъ командою нѣкотораго Думнаго Дьяка, Емельянова, кой надежно лучше умѣлъ перомъ, нежели шпагою, работать, великой приключили вредъ, и естьли бы Малороссійскіе Сердюки пособія имъ не дали, въ силу бы кто отъ Татарскихъ рукъ спастись моглъ. Наконецъ, Маія 20-го, прибыли подъ Перекопъ и начали сильнымъ образомъ дѣлать приступъ, что видя Татары, употребили хитрость: начали нарочно искать мира, чтобы тѣмъ продолжить время, вѣдая, что такъ многочисленная армія на такомъ мѣстѣ, въ которомъ фуража и воды недостатокъ, долго стоять не можетъ.

Князь Голицынъ тому повѣрилъ и началъ трактовать о мирѣ, но, на предложенныя кондиціи, Татаринъ не согласился, и тѣмъ временемъ дѣйствительно привелъ армію въ изнуреніе, то Голицынъ со стыдомъ и сожалѣніемъ, что чрезъ обманъ Татарскій упустилъ время побѣды, принужденъ ретироваться обратно къ Самарѣ.

Гетьманъ Мазепа, за возвращеніемъ въ Малую Россію изъ походу, принялъ намѣреніе поѣхать въ Москву для засвидѣтельствованія преданности своей Ихъ Величествамъ, что и въ дѣйство произвелъ, и прожилъ тамо, въ Москвѣ, отъ 20-го Іюля по 1-е Октября, пользуясь Высочайшею Ихъ Величествъ милостію.

Въ то время, за измѣну противу Государя Петра Алексѣевича, казнено многихъ Бояръ, какъ то: Щегловитаго и протчихъ, а Голицына сослано въ ссылку на Сибирь.

1690 года Малороссійскіе Козаки, дляо береженія Самары, ходили чрезъ четверть года перемѣнно, а между тѣмъ, по предводительству Полковника Палѣя, пошедши подъ Очаковъ, все предмѣстіе выжгли и многихъ Татаръ въ плѣнъ и скота въ добычь взяли.

О ГЕТЬМАНѢ САМУСѢ.

По той сторонѣ Днѣпра, на Украинѣ, за измертвіемъ Гетьмана Мигулы, Польской Король, Янъ Собѣцкій, жаловалъ Гетьманомъ нѣкоегось Самуся, и далъ ему привилегіи на прежнія Козацкія вольности и всѣ Гетьманскіе клейноты; резиденція же того Гетьмана была въ Винницѣ, надъ Днѣп-

ромъ. Козацкому войску производилось жалованье изъ скарбу Папежскаго.

Въ сіе время многіе Козаки отъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, охотно сами собой собираясь въ мѣсто, ходили по степамъ, нападая на Татаръ и Турковъ, чѣмъ отъ нападеній Татарскихъ всѣ границы, Россійскую и Польскую, защищали.

О СЕМЕНѢ ПАЛѢѢ.

Изъ тѣхъ охотныхъ Козаковъ, именемъ Семенъ Палѣй, родомъ изъ города Борзны, женился въ Хвастовѣ, въ пустомъ тогда городкѣ, кой послѣ, по дозволенію Королевскому, онъ, Палѣй, оселилъ, Поднѣстранскими людьми и, набравъ къ себѣ охотнаго войска, ходилъ съ нимъ военною рукою на Буджакы и разорялъ многія Татарскія села, и Очаковъ дважды аттаковалъ съ великимъ своимъ авантажемъ, и плѣнялъ самихъ знатнѣйшихъ Татаръ, чѣмъ всякія Турецкія и Татарскія на Украинѣ нападенія пресѣклъ, по усмиреніи коихъ жилъ въ Хвастовѣ весьма спокойно, такъ какъ бы удѣльной какой Господинъ, а именовался токмо Полковникомъ Бѣлоцерковскимъ. Войско свое, по дозволенію Королевскому, располагалъ по квартирамъ по всей Украинѣ, съ которой онъ на себя индуктовые зборы взымалъ, что Польской шляхтѣ весьма чувствительно было; чего для приложили они старательство обманомъ взять его къ себѣ, и, учинивъ то, сослали его тотчасъ въ ссылку въ Магдебургъ; однакъ онъ оттуда бѣжалъ и благополучно опять возвратился въ Хвастовъ. И когда Поляки о семъ увѣдали, то упросили Коронпаго Гетьмана вооруженною рукою опять взять его, но онъ, будучи предостороженъ, собравъ охотное войско свое, велѣлъ стать по лѣсамъ въ закрытіи, а самъ заперся въ городкѣ, къ которому когда приступили Поляки и начали доставать, то бывшое въ закрытіи войско Козацкое, сзади напало на Польской обозъ, а онъ спереди на проломъ атаковалъ самыхъ Поляковъ, и такъ сильнымъ порядкомъ всѣхъ атакующихъ его поразилъ и прочь отъ Хвастова прогналъ, а послѣ уже, надѣясь на милость, такъ, Россійскаго Государя, какъ и Короля Польскаго, подъ котораго защитою онъ тамъ и жилъ, оставался спокоенъ и безопасенъ.

Поляки, хотя реванжъ свой одержать надъ Палѣемъ, для взятья онаго отправили вторично одного рейментаря, именемъ Рустича, съ довольнымъ войскомъ, которое Гетьманъ Самусь съ Палѣевымъ войскомъ, при которомъ нѣкоторые и Полковники были, именно: Абазинъ и Искра, подъ Бердычевомъ такъ разбилъ, что въ силу кто спастись моглъ, а Рустичъ самъ одинъ бѣжалъ въ Польшу.

Сіи оба, какъ Самусь, такъ и Палѣй, Гетьмана Мазепу почитали высоко и ему покорялись; но Мазепа, яко Польской шляхтичь, болѣе пріятельствовалъ Полякамъ, нежели имъ двумъ; чего для, по усовѣтованію съ Поляками, сыскалъ причину на Палѣя, а паче будучи и самъ опасенъ въ предпріятіяхъ своихъ отъ него, взялъ его подъ караулъ и сослалъ въ ссылку на Сибирь, какого слѣдствія опасаясь, и Гетьманъ Самусь низложилъ съ себя Гетьманство и отдалъ Мазепѣ булаву и бунчукъ, такъ какъ и привилегіи на вольности Козацкія, а самъ уже послѣ именовался токмо Полковникомъ Богуславскимъ.

СРАЖЕНІЯ СЪ ТАТАРАМИ, ВЗЯТІЕ АЗОВА И ПРОЧІЯ БИТВЫ СЪ ТУРКАМИ.

Въ протчіе слѣдующіе года по 1696 Козаки съ Татарами многія имѣли сраженія и побѣды надъ ними, а паче Очаковъ и Буджакы много отъ Козаковъ претерпѣли, хотя и Татаре, входя внутрь Малой Россіи, а болѣе съ нѣкоторымъ измѣнникомъ, Петрикомъ, многіе Малороссійскіе пограничные города разоряли, пока Борисъ Петровичъ Шереметьевъ съ Великороссійскимъ войскомъ, а Мазепа съ Малороссійскимъ и Запорожскимъ, въ 1695 году, четыре Турецкіе города, какъ то: Кизикирмень, Тавань и протчіе, сильною рукою взяли и всѣхъ почти тамошнихъ Турковъ, съ женами и дѣтьми, плѣнили и въ Москву погнали, съ которыми плѣнниками посыланы были отъ Мазепы Полковники: Гадяцкій, Михайло Бороховичъ, Переяславскій, Иванъ Мировичъ, да Кіевскій, Константинъ Мокіевскій.

1696 Государь Царь Петръ Алексѣевичъ, желая предприятіе свое, начатое еще въ прошломъ годѣ, надъ Азовомъ совершить, многія свои войска, подъ командою Генерала Фельдмаршала Гордона, изволилъ отправить туда, за прибытіемъ котораго подъ Азовъ, Маія 25, городъ осадили, куда и командированные Малороссійскіе Козаки, 15,000, подъ командою Полковника Черниговскаго, Якова Лизогуба, 18 Іюля прибыли и поставлены были внизъ Азова, отъ моря, къ Кубанской Ордѣ, чѣмъ коммуникацію полевымъ Татарамъ съ Азовскими вовся пресѣкли. Когда же изъ города Турки, а отъ поля Татары, на Козацкой обозъ начали дѣлать нападенія, то Козаки, не дожидаясь подкоповъ, охотно соединенными своими силами чрезъ Азовскія стѣны съ Турками великую подняли баталію, и бились чрезъ цѣлой день, хотя и въ страшномъ были огнѣ, оказывая вѣрность свою къ Государю. Когда же, посля многихъ съ Турками сраженій, не смотря ни накакія ихъ воинскія хитрости, Іюля 17, Турецкой одинъ блокадъ подкопали и чрезъ то ночью четыре пушки съ припасами въ добычь получили, то Турки, не могучи болѣе Козацкой хитрости терпѣть, 18-го Іюля начали давать изъ градскихъ стѣнъ знаки къ миру и, наклонивши знамена, просили мира у Государя, и тако, 19-го числа, городъ Азовъ, со всею аммуниціей и припасами, отдали.

За таковой доброй Козацкой поступокъ и храбрость, Его Величество соизволилъ жаловать на всѣхъ Козаковъ 35,000 рублей, а Старшинамъ на каждаго человѣка попятнадцать червонцовъ, Полковнику же Черниговскому, яко правящему тамо за главнаго командира, и протчимъ бывшимъ тамо жъ Полковникамъ, какъ то: Гадяцкому, Михайлу Боруховичу, Прилуцкому, Дмитрію Горленку, и Лубенскому, Льву Свѣчкѣ, жалованы соболіе мѣхи.

Въ то время Гетьманъ Мазепа, съ повелѣнія Его Величества, вмѣстѣ съ Шереметьевымъ, стояли на Коломаку, для примѣчанія Татарскихъ происхожденій и для воспященія ихъ отъ нападеній на границы.

И когда Его Величество, возвращаясь въ Москву, соизволилъ стоять въ Рыбномъ, то и Гетьманъ, для поздравленія Его Величества о по-

бѣдѣ, ѣздилъ туда, гдѣ Его Величество особливѣйшое свое соизволилъ оказать благоволеніе за Козацкую вѣрность и храбрые поступки; тогда Его Величеству Гетьманъ поднеслъ саблю и щитъ съ цѣпью, пребогато дорогими каменьями осаженные.

Между сими происхожденіями Государь Царь Иванъ Алексѣевичъ преставился, а Государъ Царь Петръ одинъ остался на престолѣ, и въ 1697 году, Маія 11-го дня, соизволилъ выѣхать въ иностранныя Государства.

О семъ всемъ пространнѣе въ Житіи онаго Великаго Государя, въ первомъ томѣ, написано.

Выше сего объявлено, что Турецкіе города: Кизикерменъ, Тавань и протчіе остались во владѣніи Россійскомъ, въ которыхъ какъ Великороссійскія, такъ и Малороссійскія войска по части состояли. Турки, желая отмстить прошлогоднишной свой въ Азвѣ уронъ, здѣлали сильной приступъ до Тавани и Кизикерменя, но бывшія тамо войска храбро сопротивлялись, и Турчинъ, не могучи ни какимъ способомъ оныхъ городовъ достать, ретировался со стыдомъ и съ великимъ своихъ урономъ.

Для подкрѣпленія оныхъ городовъ, Князь Долгоруковъ и Гетьманъ Мазепа, въ 1698 году съ арміею ходили и, подкрѣпивъ ихъ, гдѣ надобность указывала, возвратились въ Россію благополучно.

ВОЙНА СЪ ШВЕДАМИ.

И съ сего времени Козацкія войска по 1701 годъ походовъ не имѣли, а въ ономъ, когда Его Величество изволилъ быть въ Швеціи, подъ Ругодевымъ, то есть, Нарвою, то тамо и Козацкія были войска, подъ командою Искры, Полковника Полтавскаго, и, племянника Гетьманскаго, Обидовскаго, Столника и Полковника Нѣжинскаго.

Тако жъ для защищенія Пскова отъ Шведовъ командированъ былъ Полковникъ Гадяцкій, Боруховичь, съ полкомъ своимъ и Запорожскими Козаками, кои, вмѣстѣ съ Репнинымъ, ходили въ походъ подъ Ригу; въ тотъ же походъ рушилъ было, со всѣмъ Малороссійскимъ войскомъ, самъ Гетьманъ Мазепа, по Указу Государеву, но возвратился сподъ Могилева, а туда отправилъ Козаковъ однихъ, 2,000 человѣкъ, подъ командою Миргородскаго Полковника, Данила Апостола, кой, поворотясь сподъ Пскова, вмѣстѣ съ Шереметьевымъ, ходилъ подъ Дерптъ, гдѣ Шведское войско разбили.

Когда въ Польшѣ многія партіи Поляковъ о избраніи Короля между собою были несогласны, и одни придерживались Россійской стороны, а другіе Шведской, то тогда, для усмиренія противныхъ сторонъ частьми и Малороссійскіе полки были командированы, какъ то: въ 1702 году Полковникъ Стародубовскій, Михайло Миклашевскій, съ довольнымъ числомъ Малороссійскихъ Козаковъ, отъ Мазепы посыланъ былъ подъ Быховъ, въ которомъ Шведскіе партизанты заперлись было.

Да въ 1704 году самъ Гетьманъ Мазепа, со всѣмъ Казацкимъ войскомъ, стоялъ подъ Любаремъ, для примѣчанія Польскихъ происхожденій, въ которое время Король Шведскій, Карлъ Двѣнадцатый, Короля Польскаго, Августа Втораго, вступившаго на Королевство помощію Россіянъ, престола лишилъ, а на мѣсто его Станислава Лещинскаго произвелъ и короновалъ.

Потомъ тотъ же Гетьманъ, въ 1705 году, съ войскомъ своимъ былъ въ Польшѣ около Замостья и тамо винтеръ квартиру имѣлъ, Лизогуба же, Черниговскаго Полковника, съ двумя полками, и Антона Танскаго, съ Компанѣйцами, отправилъ на границу Цесарскую, въ воеводство Спиское, для усмиренія противныхъ партій.

Въ которыхъ походахъ отъ Шведовъ Малороссіанъ много пало, какъ то въ 1706 году, Полковникъ Стародубовскій, Миклашевскій, и Андрей Гамалѣя въ Несвѣжу убиты, и Переясловскій Мировичь, со всѣмъ войскомъ, въ Ляховичахъ въ плѣнъ взятъ.

За возвращеніемъ изъ походу, Его Величество, Государь Царь Петръ Алексѣевичь, 1706, Октября 8 дня, Кіевопечерскую крѣпость заложилъ, и Мазепа тутъ же, при Его Величествѣ, былъ, и Козаки пособляли дѣлать крѣпость.

НАЧАЛО ИЗМѢНЫ МАЗЕПИНОЙ.

Сей, какъ выше упомянуто, коварной Польскій шляхтичь, Гетьманъ Мазепа, имѣя злое въ сердцѣ своемъ противъ Государя, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Мазепа былъ у Его Величества въ Москвѣ, соизволилъ сказать, чтобъ онъ старался Козаковъ, своихъ обучить такъ екзерциціи, какъ Нѣмецкіе солдаты обучены, и когда Мазепа, въ отвѣтъ Государю, сказалъ, что сему быть нельзя, потому что онъ у Козаковъ нѣсть такъ самовластной, какъ Его Величество у Россіянъ, за что Государъ Царь тогда на его погрозился, а онъ, злоковарной, принялъ то себѣ съ великимъ чувствованіемъ и отъѣхалъ тотчасъ въ Малую Россію безъ дозволенія Его Величества, однакъ, Государъ, оставя ему то, болѣе о томъ и не думалъ, а онъ съ того времени началъ злоумышлять; и когда воспослѣдовалъ случай быть распрѣ въ Польшѣ, то тое злоумышленіе Мазепино отъ мала по малу начало открываться, ибо онъ началъ злоумышлять къ измѣнѣ, о чемъ, сносясь письмено съ Россійскимъ противникомъ, Лещинскимъ, называя, Государемъ, а Украину наслѣдіемъ его, какъ сіе изъ писемъ его, Мазепы, писанныхъ къ Королю Лещинскому, явствуетъ, открылъ ему то злое свое предприятіе, что когда примѣтили: Судья Генеральный, Василій Кочубей, да Полковникъ Полтавскій, Искра, тотчасъ Его Величеству и доносили; однакъ Государь Царь, надѣясь крѣпко на вѣрность Мазепы, которую онъ какъ можно извнѣ старался оказывать, а думая, что то по нѣякойсь злобѣ на его, Мазепу, отъ тѣхъ особъ дѣлается, соизволилъ оставить безъ изслѣдованія о томъ.

Мазепа, увѣдавъ о доносщикахъ своихъ, велѣлъ ихъ взять подъ караулъ и приказалъ тотчасъ подъ Бѣлою Церквою, близъ села Борщаговки, казнить смертію, отсѣченіемъ головъ, 1708 года.

Послѣ сей беззаконной ексекуціи, опасываясь Мазепа, чтобъ безвременно измѣна его не открылась, во мѣсто того, чтобъ, съ повелѣнія Его Величества, итти съ войскомъ противу Короля Станислава, присоединился, съ единогласными себѣ Козаками, къ Королю Шведскому и ввелъ его со всѣмъ войскомъ, въ Малую Россію, хотя сіе послѣдовало Шведу съ великимъ и чувствительнымъ урономъ.

О ГЕТЬМАНѢ СКОРОПАДСКОМЪ.

А какъ о таковомъ Мазепы предательствѣ Его Величество, Госу-

дарь Царь извѣстился, то, вѣдая, сколь нуженъ Малороссійскому народу вождь, соизволилъ тотчасъ повелѣть пребывающимъ въ вѣрности Малороссійскимъ Старшинамъ и Козакамъ избрать себѣ Гетьмана, что они, по вольностямъ и обыкновеніямъ своимъ, въ мѣсяцѣ Ноябрѣ, въ Глуховѣ, и учинили, и избрали себѣ въ Гетьмана, бывшаго тогда Полковника Стародубовскаго, Ивана Скоропадскаго, въ присутствіи самаго Государя, который, по Высочайшему своему, къ Малороссійскому народу, въ той измѣнѣ невиновному, милосердію, соизволилъ самъ оному, новоизбранному Гетьману вручить войсковыя клейноты и на достоинствѣ его утвердить. Въ слѣдствіе сего, Его Величества распубликованы были по всей Украинѣ Манифесты о поднятіи оружія противъ Шведскаго Короля и богопротивнаго измѣнника, Мазепы, въ которомъ довольно описываются причины измѣны его и худые поступки вездѣ Короля Шведскаго; а въ согласіе тѣхъ Манифестовъ распубликованъ и Гетьманскій Универсалъ, отъ 6 Декабря, 1708 года, который тако гласитъ:

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя, Его Царскаго Величества, войскъ Запорожскихъ Гетьманъ, Иванъ Скоропадскій, Его жъ Царскаго Величества войска Запорожскаго Господамъ Полковникамъ, Обознымъ, Судьямъ, Писарямъ, Асауламъ, полковымъ Сотникомъ, Атаманнѣ Городовой и Курѣнной, зо всѣмъ старшимъ и меньшимъ товарыствомъ, тудежъ Войтамъ, Бурмистрамъ, зо всѣми посполитыми людьми, и всѣмъ обще, якъ духовнаго, такъ и рицерскаго стану, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра обрѣтающимся жителемъ, и кому о томъ вѣдати теперъ и въ потомные часы надлежати будетъ, симъ нашимъ Универсаломъ ознаимуемъ. Достатечне вашимъ милостемъ объявлено въ прошлыхъ поважныхъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя нашего, Грамотахъ и нашихъ Универсалахъ о измѣнѣ богоотступнаго, бывшаго Гетьмана, Мазепы, съ яснымъ выводомъ, съ каковымъ намѣреніемъ и гордымъ умысломъ онъ, измѣнникъ, Его Царскаго Величества и отчизны нашей, тую измѣну и прихиленіе свое до Короля Шведскаго учинилъ, а власне для того, же бы былъ самовластцемъ надъ народомъ нашимъ Малороссійскимъ, отдавши оный подъ несносное намъ ярмо Польское, якожъ тое намѣреніе злостное въ властныхъ его Универсалахъ прелестныхъ, датою 10-го числа Ноеврія писанныхъ и во всѣ полки разосланныхъ, оказалось, которые Универсалы съ тѣхъ же полковъ, по должной своей и неизмѣнной вѣрности, Старшина до рукъ нашихъ поприсылали, и въ тѣхъ Универсалахъ, забувши онъ страху Божого и погордивши милостію Монаршею, о якой онъ и самъ признаваетъ, не встыдился тую жъ измѣну и злость свою предъ всѣмъ свѣтомъ, особливо предъ народомъ нашимъ, тѣмъ барзѣй вымышляти помовысками невдячными и лживыми клеветами, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Превысочайшей достойности и Великороссійскаго народа славы, смѣлъ дотикати. Я могу мовити и ясными показати доводами, же въ тѣхъ его Универсалахъ, альбо рачей срамотныхъ пашквиляхъ, каждаго правдиваго не машъ слова (окромѣ того,

гдѣ онъ, Мазепа, о милости Царскаго Пресвѣтлаго Величества къ себѣ воспоминаетъ); альбовѣмъ на початку въ пашквилѣ своемъ первѣе положилъ, удаючи лживе, якобы Москва, то есть, народъ Великороссійскій, нашему народовѣ, Малороссійскому, завше ненавистна, издавна въ замыслахъ своихъ постановила, народъ нашъ до згубы приводити; а то самая всему народовѣ нашему явная неправда его измѣнничая, поневажъ мы повинны зо всею отлизною нашею славно достойной памяти Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, милость благодарити, же насъ, принявши подъ свою оборону, отъ несносной тиранской неволи Лядской освободилъ, а по немъ и наслѣдниковъ Его жъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Великихъ Государей нашихъ, Православныхъ Монарховъ, милость; Украина, отчизна наша, пришовши по первыхъ войнахъ въ спокойное квѣтнучое и щастливое поваженье, помножилася зданіемъ церквей Божіихъ и Святыхъ обителей и распространилася въ городы, мѣста и въ села, урожаями земными, купецкими гандлями, во всякой изобыловала достатокъ. И не тилько жадной вражды отъ народа Великороссійскаго противно насъ не надѣется, але всякую приязнь, яко отъ единовѣрныхъ, узнаемъ. Подруге: будто Москва (какъ онъ, измѣнникъ, удаетъ), городы наши знищивши, почала въ свою область приводити и отбирати, и, поработивши, изъ мѣстъ выганяти и въ Москву заганяти; и то тако жъ явная всѣмъ неправда, гды жъ, яко Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Великороссійскія не для грабованья и отобранья городовъ нашихъ, але на оборону нашу подъ правленіемъ Его Царскаго Величества, Превысочайшей Особы, отъ наступленія на насъ непріятельскаго, пришли; такъ, за помощію Вышняго, отъ всякаго разоренія и непріятельскаго наступства, которое, по измѣнничомъ его, Мазепы, терпѣти бъ мѣли умыслу, зостали оборонены, а именно: Стародубъ, Почепъ, Погаръ, и Новгородокъ, и жителей съ тѣхъ городовъ не выгоняли, лечь зо всѣми добрами въ цѣлости зостали, которые насъ доброволъне, яко невоенные люди, выѣжжали, тіе знову, за отходомъ неприятельскимъ, въ свои домы повернули, а войска Великороссійскія якъ отлучился неприятель, съ тѣхъ же городовъ проважены. Въ Полтаву тежъ, якъ самому Полковнику тамошнему, старшинѣ и всѣмъ вѣдомо, нижъ жадного Великороссійского войска до сего часу, поколь непріятель зближился, не впроважено. А пишетъ онъ, измѣнникъ, тое въ своемъ пашквилѣ зъ того фундаменту, разумѣючи, же тое южъ учинено, бо онъ въ письмахъ своихъ до Двору Царскаго Пресвѣтлаго Величества самъ совѣтовалъ, удаючи, будто той полкъ, до замѣшанія и бунтовъ склонный, и для того, жебы было войско тамъ впроважено, яко тое явно изъ листовъ его власныхъ, въ Канцеляріи Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества найдуючихся, отъ Его жъ Царскаго Величества и намъ показованныхъ, вѣдомо; однако же той его совѣтъ не принятъ. Такъ же намъ и тіе его ложныя потвари явны, будто, хотѣли, подъ военный часъ, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величеству Указомъ, Воеводъ и кабаки

въ наши Малороссійскіе городы впровадити, чего, по милости Великаго Государя нашего, свободного и вспокойного часу въ нашихъ городахъ не чинено, овшемъ при своихъ вольностяхъ и свободахъ, безъ всякихъ тяжаровъ и податковъ, захованные, естьли бы не его ненасытнымъ Мазепиннымъ лакомствомъ збираня грошей черезъ нигды предъ симъ небывалые тяжкіе походы, народъ нашъ не былъ обтяженъ, безъ воли, и вѣдома Его Царскаго Величества, для приватного его обогаченія. Потрете: явная жъ его, Мазепы, неправда, для покрытья безбожной измѣны вымышленная, будто бы онъ мѣлъ отъ Двору Царскаго Пресвѣтлаго Величества перестороги, же хотятъ его всю Старшину Енеральную и Полковниковъ въ руки прибрати и въ неволю запровадити, а Козаковъ въ драгуны и салдаты устроити, народъ зась посполитый поработити, альбо за Волгу загнати, а нашъ край Великороссійскими людьми осадити. Кто жъ бы, розумъ имѣючій, не моглъ того признати, же то явная вымышленная неправда и плевелы суть вражіе? Альбовѣмъ, яко тое можетъ статься, чтобъ Царскому Величеству, яко Монарсѣ правовѣрно Христіянскому, вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые, по его и предковъ Его Величества милости, отъ часу до часу въ такъ доброе постановленіе естесмы приведены и такъ многія лѣта вѣрно Ему, Великому Государю, служили; а для чего жъ бы такой невынный гнѣвъ на насъ завзяти и права наши ломати, а особливо вѣдаючи тое, же нашъ народъ Малороссійскій въ драгунскіе и солдатскіе службы неспособный, кромѣ своего обыклаго порядка Козацкаго, и для чего такого прикладу не показано не только надъ нашимъ народомъ, але и надъ Слободскими, въ Великороссійскихъ городахъ живучими Козаками, гдѣ непремѣнно удержуются оные при старожитейскихъ своихъ обыклостяхъ и отправуютъ Козацкую, а не драгунскую, службу? Такъ же, якъ тое статися можетъ, жебы Царское Величество Великороссійскихъ своихъ подданныхъ румуючи, змешканья, ихъ въ нашъ край, а насъ оскорбивши, за Волгу пересилать похотѣлъ безъ жадной, побужаючой причины до того и пожитку, а особливо подъ сей часъ военный, то чинити? А такъ явно есть, же то самая неправда и душевредная клевета, которой Мазепа уживаетъ для покрытья своей богомерзкой измѣны, альбовѣмъ онъ тую измѣну не для запобѣганія будто якому укнованному отчизнѣ нашей злу, которой онъ, якъ нигды правдивымъ не былъ сыномъ, такъ барзѣй теперь явнымъ супостатомъ и згубцею стався, учинилъ, але для приватной и треклятой своей чести умышленной, хотячи отчизну нашу въ такій лабиринтъ и пустошенье привести, затягнулъ Короля Шведскаго усиловне, которой любо и ввойшолъ былъ, лечь мужествомъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ войскъ около Стародуба до такого приведенъ былъ положенья, пижъ назадъ уходити на Вольнъ хотѣлъ, и, якъ тое всѣ языки повѣдали, если бы онъ, Мазепа, чрезъ измѣну свою, его знову не удержалъ и не повернулъ. Почетверто: что о посылкахъ войскъ нашихъ на службу Монаршую намѣняетъ, тлумачучи прохирно, будто для згубы и уменшенья народу нашего тое дѣется, и то есть такая жъ

прохирная его ложь, поневажъ мы подъ Его Высокодержавною рукою Монаршею живемо, теди наша должность, за Благочестивую Вѣру, за достоинство Монаршее, за общее добро, противъ общихъ неприятелей ставати, и якъ Великороссійскія войска насъ, подъ часъ потребы, по Указу Монаршему, обороняютъ, такъ и намъ по Его жъ Указу Монаршему, въ военныхъ оказіяхъ и потребахъ помогати имъ надлежитъ, гды жъ за тое маемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества милостивую протекцію и живемо при правахъ и вольностяхъ нашихъ войсковыхъ Пятое: чтобы Свѣтлѣйшій Генералъ Римскаго и Россійскаго Государствъ, Князь, его милость, Александръ Даниловичь Меньциковъ, котораго онъ наругаючися, укорнетъ, чего бы каждому цнотливому не надлежало чинить, и такъ же его милость, Кіевскій Воевода, Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ, съ полками будто для якогось промыслу надъ нимъ, измѣнникомъ, походъ свой съ войскомъ отправовали, и то все фальшивые его такъ же вымыслы, гды жъ, если бы кто зналъ его измѣну, альбо кто хотѣлъ его по Указу Монаршему взяти, то и безъ полковъ латво было учинити; лечь яко Князь, его милость, Александръ Даниловичь, дорогою простою обходилъ неприятеля отъ Гомля на Черниговъ, для свободнѣйшаго совокупленія съ головнымъ войскомъ, после битвы и звитяжства надъ Шведскимъ Генераломъ, Левенгофомъ, а не для якого иншого замыслу ишолъ, такъ и его милость, Димитрій Михайловичь Голицынъ, по власной порадѣ его, измѣнника увойшолъ былъ въ Нѣжинъ съ нѣсколькима полками, бо онъ, Мазепа, удалъ былъ до Двору Его Царскаго Величества ложно, будто во всѣхъ полкахъ Малороссійскихъ бунты повстаютъ, и для постереганья того и для обороны Малороссійскаго краю, оному Воеводѣ тотъ походъ назначенъ, до котораго превротный измѣнникъ обѣщалъ послати Наказнаго отъ себя, съ частью своего войска, и для чего жъ такъ многократне войска наши Малороссійскія съ Великороссійскими совокупно бывали, безъ всякой шкоды и подозрѣнья. Пошесте: аргументъ его измѣнничій барзѣй смѣху годный, а нежели правдивой извѣтъ, будто для того онъ измѣнилъ, же войска Московскія не военныя и отъ Шведа утѣкаютъ; мы засъ самы тому свѣдками зъ многими знатными Полковниками, зъ Старшиною и товарыствомъ войска Запорожскаго, ижъ Великороссійскія войска, при помощи Божеской, не бѣгаютъ отъ Шведа, але отважне его бьютъ и гонятъ, яко то и сего лѣта дѣялося, подъ Добрымъ, гдѣ великая ихъ Шведская сила, подъ Генераломъ Розиномъ, была, а потомъ подъ Мылёвычами на самаго Короля Шведскаго и его переднѣйшую кавалерію збройну часть драгунѣи Великороссійской, при лицу всего войска Шведскаго, съ немалою ихъ шкодою, доситъ отважна была и прогоняла безъ всякой шкоды. Я и самъ былемъ потомъ еще, приводомъ самаго Царскаго Пресвѣтлаго Величества, какъ Шведскій Генералъ Левонгофъ съ войскомъ, въ шестнадцати тысячахъ будучій, отъ десяти тысячей Великороссійскихъ войскъ на голову збитъ, ижъ мало что съ тѣхъ зостало. Въ Ингріи засъ Генералъ Лебекеръ съ дванадцатьма тысячами отъ Пана Адмирала Апраксина збитый на-

голову, а и самаго Короля Шведскаго войско головное въ разныхъ отважныхъ оказіяхъ ажъ до половины умалено и уставичне отъ нападающихъ Царскаго Величества войскъ умаляется, а надѣя, же за помощію Вышняго, и до остатка знесено, изъ отчизны нашей выгнано будетъ, а такъ отчизна наша, край Малороссійской, отъ того згубцы неприятеля и еретыка, котораго измѣнникъ за протектора и оборонцу Церквы нашей Православной отъ безумія, а барзѣй мовыти отъ беззаконія, обралъ, свобождена останетъ, гды жъ войска Великороссійскія не выступаютъ изъ Украины, лечь заступаютъ оную отъ неприятельскаго наступленія, въ чомъ самъ собѣ онъ, измѣнникъ, прекословячи, двояко въ едномъ Универсалѣ пишетъ: въ початку написалъ, будто онъ, его протекторъ, Король Шведскій не на Украину, але въ Москву идетъ, а потомъ освѣдчаетъ, же внутръ Украины вступаетъ, а за нимъ будто и Лещинскій последуетъ; изъ чего явна его неправда, ижъ не для цѣлости милой отчизны нашей, але для разоренія оной, по его злости, призваны и затягнены тіе неприятели наступаютъ, и ежели бы не Господь и Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества высокомоцная десница и воинство намъ помогло, то бы отчизна наша запевне, чрезъ его, проклятаго, по давному въ работу Лядскую пришла, а церквы Божіе въ Лютерскіе костели и въ Римскую Унѣю отъ тѣхъ его протекторовъ обернены были. И якъ то уста его богоотступные отворяются, же тѣхъ Церкви Православной Кафтолической противниковъ и вороговъ и нарушителей правъ и вольностей Польской и Литовской Рѣчи Посполитой, Короля Шведскаго и Лещинскаго называетъ оборонцами церквей Православныхъ и вольностей нашихъ? А заправды, кто тилько подъ Шведскаго Короля протекцію поддался, жаденъ безъ порабованья и разоренья не остался, яко то Польща и Литва, такъ же Саксонѣя, почасти и Шлїонская земля, которые его за протектора приняли и крайную руину понесли, любо Саксонѣя и Шлїонско зъ нимъ единовѣрные суть, однакожъ цѣлкомъ отъ него порабованы и вольности ихъ нарушены, костели зась Римскіе въ Шлїонску на Лютерскіе обернены, и всякіе имъ утиски и неволя учинена, чего жъ мы Православные Христіяне отъ него, яко иновѣрнаго и иноязычнаго, съ которымъ а ни народъ нашъ и границы наши близкости и сполности не маютъ, ожидати себѣ можемъ? И любо бы онъ хотѣлъ оборонити насъ, якая оборона намъ не есть потребна, лечь якъ то можетъ изъ за Балтыцкого моря и въ такой дальней отлеглости живучи, тое чинити и церквей нашихъ, которыхъ онъ есть противникомъ, оборонцею быти? И если бы мы и похотѣли, чего, Боже, не дай, отторгнутися отъ протекціи найпевнѣйшой Всемилостивѣйшаго Монарха нашего Православнаго, то бы мусили въ порабощеніе Ляховъ, а потомъ въ разореніе всѣмъ, якъ и прошлихъ лѣтъ бывало, знову прийти, гды поводомъ Выговскаго и Тетери, такихъ измѣнниковъ, якъ и Мазепа, отъ Высокодержавнѣйшей руки ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества отлучимся, але узнавши потомъ свой упадокъ, знову находили прибѣжище и спасеніе подъ крылами высокопарнаго Орла Всероссійскаго, и такъ, по сей часъ,

за помощію Вышняго, въ благополучномъ мирѣ и поволенію пребывалисьмо. Пре то съ того очивисто всякъ выдѣти можетъ, зъ якою совѣстію измѣнникъ Мазепа во свидѣтельство небо и землю, а на судъ Бога Всемогущаго, призываетъ, будто онъ для добра отчизны нашей, а не для своихъ приватъ тую измѣну учинилъ и до Шведа удался, оставывши Благочестиваго и намъ единовѣрнаго Монарху, котораго милость онъ, врагъ и оступникъ, выхваляетъ, признаючи, же и Князкою честію Римскаго Панства его почтилъ и милостію своею исходатайствовалъ, однакъ и тую милость проклятымъ своимъ неблагодарствіемъ занедбалъ, якъ такимъ вымысломъ вѣрити? Поневажъ жадный въ насъ нигдѣ до того зъ стороны Царскаго Пресвѣтлаго Величества не оказался, и ежели бы тое было въ намѣреніи, то бы и безъ Мазепина соизволенія чинено; и колижбы кольвекъ могли якіе знаки и початки того явитисъ, чего нигды не бывало и никто изъ насъ, опричь милости Царскаго Пресвѣтлаго Величествѣ къ всему Малороссійскому народу не узналъ, яко и теперь, при обранью моемъ на Гетьманство и изъ устъ милостивымъ словомъ и грамотою своею Монаршою, съ подписомъ властной руки, содержать волности, и права наши, всемилостивно обѣщать и асекуровать рачилъ, которыя никогда отъ Его Величества ненарушены, овшемъ маетъ отчизна наша Малороссійская остерегатися отъ того называющагося сыномъ, а рачей мовити выродка, злочестиваго Мазепы, ижъ онъ, по змовѣ зъ Королемъ Шведскимъ и, постановленнымъ отъ него въ Польшѣ на Королевство, Лещинскимъ, хочетъ запродати оную для своего ненасытнаго властолюбія подъ оное черное ярмо Лядское. Альбовѣмъ кому можетъ Король Шведскій, чего Боже не дай, ежели бы взялъ силу, по выходѣ своемъ изъ сихъ краевъ до своей Шведской области, отчизну нашу отдати, кромѣ своего единомысленнаго Станислава Лещинскаго, отъ котораго, яко запевне доходитъ намъ вѣдати, Мазепѣ и сестренцу его, Войнаровскому, уже даны титулы нѣкоторыхъ съ Польши Воеводствъ? А такъ очевидно его клятвопреступленіе въ томъ, ижъ онъ кленется, будто для общаго и лѣпшаго добра, тую измѣну учинилъ. Что тежъ принадлежитъ о пашквильномъ его, Мазепиномъ, дорѣканью, будто намъ отъ Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества нигды данная обѣтница не додержана, и то самая все явная неправда, гды жъ онъ жадного документу въ томъ показати не можетъ, ижъ бы что противнаго правамъ нашимъ, по Указу Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, мѣло дѣятися и о чомъ бы мы упоминатися мѣли у Его Величества, и тое знову неисправлено было. А що онъ причитаетъ до нарушенья правъ, будто Его Царское Пресвѣтлое Величество ему, Мазепѣ, во всѣхъ полкахъ компуты указалъ чинити, и тое належитъ до вѣдомости, ижъ мы той Указъ сами видѣли и чули, въ которомъ выражено было соизволеніе по его жъ доношенію въ Жолквѣ, жебы, и по давнему звычаю и по обыклому соизволенію и постановленію, учинить реестровыхъ Козаковъ, которые бы въ войско ходили, и за тое зъ войсковаго скарбу плату брали, а иншіе, которые бы не были въ реестрѣ, домовство бы управляли;

лечь гды панове Полковники и Старшина напотомъ почали просити, жебы тое отложено, теды присланъ знову инный Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Указъ, жебы того, по общему прошенію нашему, занехано. Такъ и тое всѣмъ вѣдомо, же всѣ поборы и аренды не отъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, але по части зъ общой порады и ухвалы войсковой, по давнему обычаю, на заплату охочого войска постановлены, а больше и по самовольному ненасытному его, Мазепиному, лакомству, съ подвышеніемъ що разъ арендового, порукавычного и статей роковыхъ, на народъ нашъ наложены, яковый излишокъ теперъ, по Указу Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, за моимъ рейментарствомъ оставляется и всякая полегкость народу будетъ учинена. Такъ же и въ томъ онъ, безбожный измѣнникъ, Мазепа, честь Монаршую лживе поноситъ, будто бы всюды кредитъ Россійскаго народа страченъ отъ нездержанія трактатовъ и данныхъ обѣтницъ, гды жъ всему свѣту вѣдомо, же Царское Пресвѣтлое Величество, маючи союзъ съ посторонними Монархами, съ Цесаремъ Римскимъ, съ Королями, Дацкимъ, Польскимъ и Прускимъ, оные свято содержалъ и содержуетъ, и въ томъ славу отъ всей Европы маетъ, же слово свое и договоры ненарушно содержуваетъ, любо отъ иныхъ кольлѣгатовъ Ему, Великому Государю, не содержано. Съ того и зъ инного всего, можетъ каждый вѣрный сынъ отчизны нашей Малороссійской видѣти, ижъ цѣлый помянутый Универсалъ, альбо пашквиль, Мазепинъ, наполненъ неправды и яду смертоносного, лесною облудою прикрытого, не до чого инного тилко до конечной руины нашу отчизну, войско Запорожское и весь народъ, ведетъ, побужаючи, на згубу нашу, ижъ бысмо, нарушивши обѣщанія и присягу свою, повстали и воевали противъ Православнаго нашего Монарха и поддались бы въ неволю тяжкую иновѣрную, еретицкую Шведскую, альбо тежъ Лядскую. Пре то упоминаю и обовязую властей всѣхъ, отъ старшихъ и до найменшихъ, войсковыхъ и посполитыхъ людей, любовію и горливостью отчизны, жонъ и дѣтей, и благонадежнымъ поволеніемъ, а найбарзѣй Вѣрою святою, Православною, страхомъ суда и гнѣва Божія, абысте затыкали уши отъ такихъ всепагубныхъ и прелестныхъ писемъ измѣнника Мазепы, оныхъ не слухали и причетниками его не были, за которую онъ отъ Преосвященныхъ Архіереевъ Малороссійскихъ и всего Собору публичное и со всѣми его единомысленники своими проклятъ и отъ Церквы Божіей отлученъ; овшемъ, абысте ваши милости единостайне всѣ, зъ отвагою здоровья, за Вѣру Православную, за церквы благочестивые и за отчизну свою, при оборонѣ войскъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Великороссійскихъ, стояли на каждомъ мѣстцу, по силѣ своей неприятеля громячи и на становиска до войска его жадныхъ живностей и запасовъ не возили, чимъ бы онаго якъ найскорѣй изъ отчизны своей выгнати и выкоренити, а себѣ миръ и спокойное, подлугъ стародавныхъ волностей нашихъ, мѣшканье одержати могли. А и мы, зъ мѣстца уряду нашего, упевняемъ словомъ нашимъ Гетманскимъ о роковой стацiи и о иныхъ податкахъ, якіе зъ утяженіемъ посполитаго народу отъ Мазепы нало-

жены были, яко вышей намѣнилося, полегкость и ослабу учинити. Що тежъ споминаетъ онъ, безбожный измѣнникъ, о прилучившомся нещастію Батурину и въ немъ кровопролитію, кто жъ иный до того причиною, опрочь его? Поневажъ тамъ будучіе малоразсудные люди, заведенные отъ него противилися своему властному Государевѣ, не хотячи добровольне на лагодное упоминанье и обнадеживанье милостію и жалованьемъ Монаршимъ здатись; овшемъ, ставши при упорѣ и противности, хотѣли городъ той, изо всею войсковою арматою и амуниціею, Королю Шведскому отдати, и, поднесши противъ своего жъ Монарха по непріятельску руку, Государскаго войска отчасти побили, чимъ примушенное войско Царскаго Пресвѣтлаго Величества, подъ командою Свѣтлѣйшаго Генерала Князя, его милости, Менщикова будучое, штурмомъ добывати, а добывши въ тотъ часъ, яко звычай, каждой жолнѣръ на помсту побитой братіи своей, не скоро отъ убійства моглъ быти унятый; однако же, що о жонахъ и дѣтяхъ, о гвалтованьѣ паненъ и о инномъ написано въ измѣнниковомъ Универсалѣ, то самая есть неправда, гды жъ не только тіе, не имѣючіе въ рукахъ оружія, але большая часть Сердюковъ изъ городовыхъ войсковыхъ людей, въ Батуринѣ бывшихъ, напотомъ пощажены и свободно въ домы, по Указу Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, отъ Князя, его милости, Менщикова, отпущены. А жебы и иннымъ, Указу и облудамъ змѣнничимъ Мазепинымъ повинуючимся, таковый припадокъ, и гнѣвъ Монаршій не прилучился, яко того не зычимъ, такъ Христіанско и горливо всѣхъ за часу въ томъ перестерегаемъ, а до единомысленной зъ нами по прежнему вѣрности и склонности подъ высокодержавную и крѣпкую руку Православно Христіянскаго нашего Монарха, взываючи, добраго отъ Господа Бога здоровья и спокойнаго помешканья всѣмъ властемъ, упріймне желаемъ и спріямъ. Данъ въ Лебединѣ, Декабря 8, року 1708.

Подписъ таковъ:

Звышменованный Гетьманъ рукою властною.

По измѣнѣ Мазепы согласники его, уповая на помощь Шведскую, кои стояли тогда вмѣстѣ съ Мазепою въ Ромнахъ, въ городѣ Батуринѣ заперлись было, гдѣ, между протчими, были: Сердюцкій Полковникъ, Чечель, да Генеральной артилеріи Асаулъ, Нѣмчинъ, Фридрикъ Кенигсекъ, коихъ Князь Менщиковъ осадилъ тотчасъ, городъ взялъ и оные, какъ измѣнники, казнены смертію. При взятіи онаго города много невинныхъ людей, не токмо совершеннаго возраста, но и самыхъ малолѣтнихъ, погибло, а притомъ и церквы Божіи самими единовѣрными, по ярости войска, не были ощажены и оставлены впустѣ.

1709 года, когда Король Шведскій съ Мазепою рушился изъ Ромна въ Гадячъ, то и Роменъ отъ Великороссіянъ и Донцовъ много пострадалъ, а Малороссіяне, по присяжной своей къ Государю вѣрности, согласясь одинъ съ другимъ, Шведовъ, квартирующихъ у себя, тайно и явно убивали, а другихъ, какъ можно было, взявъ живыхъ, приводили къ Государю, ибо Его Величество въ Манифестѣ своемъ соизволилъ обѣщать, естьли кто изъ Малороссіянъ приведетъ Швед-

скаго плѣнника, получитъ отъ Государя довольное награжденіе, а именно: за Генерала непріятельской арміи двѣ тысячи рублей, за Полковника тысячу рублей, а за протчихъ Офицеровъ, по пропорціи ихъ чиновъ, за салдата же или драгуна пять рублей.

Для лучшаго жъ о семъ вѣдѣнія каждому Малороссіянину, а паче познанія милости и щедротъ, Его Величествомъ оказанныхъ и оказываемыхъ Малой Россіи, которыми самъ Его Величество въ томъ Манифестѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ изъясняется, выписанъ цѣлой оной Манифестъ (которой и на разныхъ имѣется выпечатанъ языкахъ), кой тако гласитъ:

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичь, Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая, объявляемъ чрезъ сіе вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, войска Запорожскаго Генеральной Старшинѣ, Полковникомъ, Асауломъ, Сотникомъ и куреннымъ Атаманомъ и Козакамъ, и протчимъ всякаго чина, гражданскаго и купеческаго, людямъ и поселянамъ, и всему Малороссійскому народу, симъ Нашимъ, Великаго Государя, Указомъ, что, понеже намъ извѣстно учинилося, како непріятель Нашъ, Король Шведскій, видя изнеможеніе силъ своихъ, и не имѣя надежды оружіемъ противо численныхъ Нашихъ храбрыхъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ войскъ стояти, и побѣду по гордому своему предвосприятію надъ оными, тако жъ и надъ землями Нашими, получити, когдѣ по претерпѣнномъ многомъ уронѣ войскъ своихъ у Смоленскаго рубежа, принужденъ былъ поворотитися, не вступя во оные и скорымъ и коварнымъ своимъ походомъ, хотя упредить войско Наше, въ Малороссійской край, по призыву и присылкѣ измѣнника Мазепы вошедши, оной завоевать и, городы знатнѣйшія взявъ, во оныя засѣсть, и потомъ сію землю тяжкими податьми, и налогами, и плѣненіемъ людей, даже до конечнаго разоренія привесть, какъ онъ то и въ Коронѣ Польской, и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и въ Саксоніи, въ которыя подъ образомъ защитителя, вошелъ, тако жъ учинилъ, и дабы потомъ сію Малороссійскую землю, по истощеніи оной, отдать подъ иго Польское и въ порабощеніе Лещинскому, незаконно отъ него выбранному Королю, которому онъ то обѣщалъ, въ учиненномъ съ нимъ союзѣ, дабы на мѣсто Курляндіи, Жмундіи и Лифляндіи Польской, которыя Лещинскій Шведу уступить обѣщалъ, оному сей Малороссійскій край, завоевавъ, отдать, а измѣнника Мазепу въ Украйнѣ самовластнымъ Княземъ надъ вами учинить, въ чемъ онъ отъ него, измѣнника богоотступнаго, бывшаго Гетьмана Мазепы, былъ обнадеженъ, что онъ ему въ томъ его намѣреніи допоможетъ, какъ то послѣди измѣны его явилось, который, забывъ страхъ Божій и присягу свою, при крестномъ цѣлованіи Намъ, Великому Государю, учиненную и превысокую къ себѣ Нашу милость, безъ всякой данной къ тому причины, измѣнилъ, и пришелъ къ Королю Шведскому, объявя напередъ о себѣ Генеральной Старшинѣ и Полковникомъ, при немъ будучимъ, будто имѣетъ Нашъ, Царскаго Величества, Указъ итти противъ непріяте-

ля для войсковаго промыслу съ нѣсколькими Компанѣйскими полками, и когда перейшолъ рѣку Десну, то приближился къ войску Шведскому, поставилъ войско при немъ будучое въ строй батали и потомъ объявилъ Старшинѣ злое свое намѣреніе, что пришелъ не биться съ оными, но подъ протекцію Его Королевскую, когда уже то войско, по его соглашенію, отъ Шведа окружено было. Такожъ онъ, измѣнникъ Мазепа, пошедъ къ Шведу, оставилъ въ городѣ Батуринѣ Сердюцкаго Полковника, Чечеля, да Нѣмчина, Фридриха Кениксека, и съ ними нѣсколько полковъ Сердюцкихъ, да изъ городовыхъ полковъ не малое число Козаковъ, въ гарнизонѣ, и подкупя ихъ деньгами, приказалъ имъ Нашихъ, Царскаго Величества, ратныхъ людей не впускать, въ томъ намѣреніи, дабы тотъ городъ и въ немъ обрѣтающійся войска Запорожскаго великой пушечной снарядъ Королю Шведскому, со многимъ числомъ пороху и свинцу и иныхъ припасовъ, отдать, дабы онъ тѣмъ противъ насъ воевати и Малороссійской край поработить моглъ, что Мы, увѣдавъ, отправили къ тому городу Генерала Нашего отъ кавалеріи, Князя Менщикова, съ частію войска, которой, пришедъ къ оному, посылалъ неоднократно отъ себя съ Нашимъ, Великаго Государя, Указомъ къ помянутому Полковнику, Чечелю, и Фридриху и ко всему гарнизону, говорить, чтобъ они войски Наши въ тотъ городъ пустили добровольно, безъ всякаго сопротивленія, объявляя имъ измѣну Мазепину, но они, по наущенію помянутаго измѣнника Мазепы, слушать того не похотѣли, и по Нашихъ, Царскаго Величества, войскахъ стрѣляли; того ради вышеписанной Генералъ Нашъ, Князь Менщиковъ, по Нашему Указу, учинилъ къ тому городу приступъ, и оной, милостію Божіею, приступомъ взялъ, и тѣ единомышленники Мазепины, за учиненную Намъ, Великому Государю, противность и измѣну, воспріимутъ достойную казнь. И тако, видя онъ, Король Шведской, то свое намѣреніе храбрыми оружія Нашего поступками пресѣкаемо и знатное войское свое зъ Генераломъ Левенгоуптомъ Нашимъ, Царскаго Величества, собственнымъ приводомъ съ помощію Вышняго, на голову побито, что отъ шестнадцати тысячей онаго и трехъ тысячей человѣкъ не ушло, гдѣ всѣ пушки и знамены и протчіе воинскіе клейноты и обозъ свой, въ осьми тысячахъ возахъ состоящей, со многими именіи, въ Польшѣ, и Литвѣ, и въ Курляндіи награбленными, въ добычу нашимъ оной и съ полторы тысячи знатныхъ, полоняниковъ оставилъ. Тако жъ, сверхъ того, въ Ингріи войско его, Шведское, побито, подъ командою Генералъ-Майора Лебекера, въ двѣнадцати тысячахъ состоячое, прошедшаго мѣсяца Октоврія въ 12 день, а именно, когда тотъ Лебекеръ, переправясь рѣку Неву, сталъ межъ Санктпетербургомъ и Нарвою, хотя тамо вредъ учинить войскамъ нашимъ и уѣздамъ, то наши войска, подъ командою Адмирала Нашего, Апраксина, ему тотъ путь къ возвращенію паки чрезъ Неву заступили и пересѣкли, для чего тотъ Генералъ Лебекеръ, видя себѣ опасность, приближился къ берегу морскому и здѣлалъ транжаментъ, во ономъ сталъ и послалъ къ Адмиралу Шведскому, въ бли-

зости съ флотомъ корабельнымъ обрѣтающемуся, прося, чтобъ его съ людьми на флотъ перевезъ и тако отъ конечной погибели спасъ, и потомъ, видя оный Лебекеръ, войска Наши мужественно на себе наступающіи, не видя инаго спасенія, велѣлъ всей конницѣ своей, которой было при немъ шесть тысячей, лошади свои пострелять и все войско въ мѣлкихъ судахъ, съ флоту Шведскаго присланныхъ, на кораблѣ вывозить, что увѣдавъ Наши войска, мужественно на транжаментъ непріятельской наступя, оной взяли, и войска Шведскаго съ двѣ тысячи человѣкъ во ономъ найденнаго, трупомъ положили, многіе же, которые въ тѣ суда сѣсть и уѣхать не могли, въ морѣ потонули, а иные по лѣсамъ разбѣжались и тамо побиты, и многое число въ полонъ оныхъ наши взяли, и весь обозъ ихъ получили, и тако все то войско разрушено. Такожъ усмотря онъ, Король Шведской, непрестанной здѣсь свой ущербъ въ войскахъ своихъ, и когда Стародубъ, Почепъ, Погаръ и Новгородокъ Сѣверской, по введеніи въ оные гарнизоновъ, не дерзалъ добывать, принужденъ въ цѣлости и незацѣпляя, оставить, потерявъ при Стародубѣ и въ протчихъ мѣстахъ въ Украйнѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которыхъ какъ Великороссійскія Наши войска, такъ и вѣрные Наши подданные, Малороссійскаго народу жители, побили и въ полонъ побрали, отъ чего былъ онъ въ такое состояніе приведенъ, что намѣренъ былъ бѣжатъ для спасенія своего паки назадъ, въ Польшу, на Волынъ, какъ вcѣ полонники и перебѣщики изъ войска его сказывали, ежели бъ отъ проклятаго измѣнника Мазепы, отъ того бѣгу не удержанъ и въ Украйнѣ обнадеживаніемъ его не оставленъ. И въ такомъ безсиліи себе усмотря, Король Шведской и потерявъ надежду гордо въ мысляхъ своихъ напередъ сего крѣпко положенной уже побѣды, воспріемлетъ прибѣжище къ слабымъ способамъ, а именно: издавая къ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ Малороссійскому народу прелестныя свои письма, въ образъ пашквилевъ, въ которыхъ не устыждается Нашу Высокую Особу и славу безчестными клеветы и фальшивостьми ругати, и во первыхъ, парекати, будто Мы, Великій Государь, сію войну на него безъ притчинъ праведныхъ начали и немилосердно подданныхъ его мучить указали, которое все на насъ явственная ложь есть, ибо какъ Мы сію войну ради обороны Государствъ Нашихъ и привращенія отъ предковъ его, за мирными договоры отлученныхъ отъ Россійскаго Государства неправедно многихъ, вѣковѣчныхъ наслѣдныхъ земель, а именю: Ижерской, и Карельской, и подъ игомъ его стенящихъ Православныхъ церквей подданныхъ Нашихъ благочестивыхъ, изъ которыхъ многіе насильно въ Лютерскую Вѣру превращены, тако жъ и особливо за учиненныя собственной Особѣ Нашей и Посломъ Нашимъ безчестія въ Ригѣ, отъ Губернатора Далберта, на котораго онъ, Король Шведскій, Намъ, по прошенію Нашему, ни какой обороны и управы не далъ, но во всемъ тотъ его къ Намъ безчестный учинокъ оправдалъ, и Мы тако ту войну, по обычаю всѣхъ и иныхъ Христіанскихъ Потентантовъ, по предшествующихъ многихъ добродѣтельныхъ способахъ и учиненныхъ про-

тестаціяхъ на него, Короля Шведскаго, начали, и никогда подданнымъ его мученія ни какова чинить не повелѣвали, но найпаче плѣнные ихъ у насъ во всякой ослабѣ и безъ утѣсненія пребываютъ и по Христіянскому обычаю содержатся, хотя онъ, Король Шведскій, Нашихъ плѣнниковъ Великороссійскаго и Малороссійскаго народа, изъ которыхъ большая часть, за паролемъ неправедно задержаны, у себя мучительски держитъ, и гладомъ томитъ, и помирати допускаетъ, и ни на какую розмѣну, ни на окупъ не позволяетъ, хотя ему оное отъ насъ, по Христіянскому обычаю, сожалѣя о вѣрныхъ своихъ подданныхъ, многократно предложено есть, но что злѣе того, по Фраустатскомъ бою взятыхъ нашихъ въ полонъ Великороссійскаго народа ратныхъ людей, Генералы его на третой день посля взятья, ниже у бусурменъ слыханнымъ образомъ тиранскимъ, ругательно посѣчь и поколоть повелѣли, а иннымъ Нашимъ людямъ, взявъ оныхъ онъ, Король Шведскій, имъ пальцы у рукъ обрубить и тако ихъ отпустить повелѣлъ; тако жъ, когда на часть одну Малороссійскихъ войскъ, въ Великой Польшѣ бывшихъ, напалъ и оную разбилъ, которые, видя изнеможеніе свое, оружіе положа, пощады отъ него просили, но онъ въ ругательство сему Малороссійскому народу, оныхъ обшедъ и оружіе инныхъ обравъ, немилосердо палками, а не оружіемъ, побить ихъ повелѣлъ, какъ и нынѣ въ нѣсколькихъ деревняхъ многихъ поселянъ, не сопротивляющихся ему, съ женами и дѣтьми порубить повелѣлъ, а въ церквахъ Благочестивыхъ войска Шведскіе, въ поруганіе Православію, лошадей своихъ ставятъ. Изъ чего довольно его, Короля Шведскаго, зѣлную злобу и желательство къ кровопролитію Православныхъ Христіянъ Великороссійскаго и Малороссійскаго народа, и ненависть ко Благочестію, всѣмъ усмотрѣть возможно. Второе: объявляетъ онъ, Король Шведской, прельстительно всѣмъ Малороссійскаго народа жителямъ, дабы они спокойно со всѣми своими пожитки въ домахъ своихъ жили и отправляли торговлю и протчее, но подъ сею ласкою прикрытъ есть ядъ смертоносный его злокварнаго намѣренія, ибо тѣмъ образомъ приманя оныхъ, хощетъ онъ ихъ потомъ ограбя и отъ всего имѣнія лишивъ, употребить то на пропитаніе, гладомъ тающему своему войску, дабы тако удобнѣе моглъ собственными имѣніи Нашихъ подданныхъ вышеобъявленнымъ образомъ поработить ихъ Лещинскому и измѣннику Мазепѣ, и отъ Вѣры Православной и церквей Христіянскихъ отлучить, обращая оные въ кирки свои Лютерскія и Униацкія, какъ онъ то въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ чинилъ, и церквы Православныя грабилъ и оскверняти допущалъ, а именно: въ Минску, въ Борисовѣ, а особливо въ Могилевѣ, какъ оттуду въ войско Наше Могилевскіе Благочестивые монахи и священники заподлинно со слезами писали, послѣдовавшія мерзости, запустѣнія, которыя Шведы тамо чинили, что и всѣхъ церквей потери, и оклады Святыхъ иконъ сребные ободрали и ограбили, а которые и сохранены были, о тѣхъ мученіемъ духовныхъ довѣдався, побрали, по церквамъ вовремя службы Божіей съ собаками ходили и, что наивящшее всего,

и ужаснѣе, въ церквѣ соборной Могилевской Святѣйшій Сакраментъ тѣла Христова, на землю выброся и оный потырь похитя, вино изъ оного пили; тако жъ и народъ Сліонскій и Саксонскій, Польскій и Литовскій, такимъ же прельщеніемъ обманулъ и назвался имъ оборонителемъ, и вольностей ихъ защитникомъ, потомъ же ограбя ихъ до основанія, ихъ же награбленнымъ имѣніемъ войско свое учредя, оныхъ самихъ воевалъ и до основанія разорилъ, и права и вольности ихъ переломалъ, и въ Слезіи больше семидесяти Римскихъ костеловъ Лютерскими въ неволю учинилъ. Того ради повелѣваемъ, напоминаемъ и престерегаемъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, всѣхъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа, милостиво, дабы сихъ прелестей непріятельскихъ, тако жъ и богоотступнаго измѣнника Мазепы прелестныхъ писемъ не слушали, и отъ непріятельскихъ набѣговъ, въ которыхъ мѣстахъ войскъ Нашихъ не прилучится, въ ихъ наступленіи укрывались съ имѣніемъ своимъ въ безопасныя мѣста, и того смотрѣли, чтобъ къ поживленію непріятелю ничего не оставалося, дабы отъ того непріятель вящше истощенъ быть моглъ и изъ Малороссійскаго краю какъ наискорѣе выступить принужденъ былъ, какъ и отъ Смоленскихъ границъ онъ принужденъ отступить съ великимъ урономъ. Сей же коварной непріятель нашъ хощетъ, въ тѣхъ же своихъ прелестныхъ письмахъ внушить народу Малороссійскому, будто бъ оного прежнія права и вольности отъ Насъ, Великаго Государя, ущерблены и городы ихъ отъ Воеводъ и войскъ Нашихъ завладѣны, напоминая имъ, дабы мыслили о своихъ прежнихъ и старыхъ вольностяхъ, и то можетъ каждый разумной изъ Малороссійскаго народу признать, что то самая явная ложь и токмо ради возмущенія всѣянные непріятельскіе плевелы, ибо какъ сначала Отецъ Нашъ, блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, при принятіи подъ высокодержавную свою Царскаго Величества руку Малороссійскаго народу, по постановленнымъ пактамъ, оному привиліи и вольности поволилъ и утвердилъ, тако оные и донынѣ отъ Насъ, Великаго Государя, имъ, безъ всякаго нарушенія и ущербу, свято содержаны бываютъ, и ни одно мѣсто сверхъ оного постановленія войски Нашими Великороссійскими, до сего военнаго случая, не осажено; а которыя для обороны отъ непріятеля осажены, и съ тѣхъ, по изгнаніи непріятельскомъ и отдаленіи онаго, паки люди Великороссійскіе выведены будутъ, какъ то изъ Почепа и Погара уже учинено, а въ которыхъ нынѣ и есть, и изъ тѣхъ тако жъ, по отдаленіи отъ оныхъ непріятельскомъ, Великороссійскіи гарнизоны выведены будутъ; и можемъ непостыдно рещи, что никоторой народъ подъ солнцемъ такими свободами и правиліями и вольностію похвалитися не можетъ, какъ по Нашей Царскаго Величества милости Малоросійской; ибо ни единаго пѣнязя въ казну Нашу во всемъ Малороссійскомъ краю съ нихъ брать Мы не повелѣваемъ, но милостиво ихъ призираемъ съ своими войски и иждивеніи, Малороссійской край, святыя Православныя церквы, и монастыри, и городы

и жилища ихъ отъ бусурманскаго и еретическаго наступленія обороняемъ. А что неприятель напоминаетъ народу Малороссійскому думать о прежнихъ и старыхъ своихъ вольностяхъ, и то всѣмъ старымъ жителямъ сего народу, чаю самимъ младымъ, отъ отцовъ ихъ извѣстно, какія они до приступленія подъ высокодержавнѣйшую Отца Нашего, блаженныя памяти Великаго Государя, Его Царскаго Величества, руку, вольности и привилегіи, какъ по свѣтскимъ дѣлемъ и житіи своемъ, такъ наипаче во отправленіи Благочестивой Вѣры, имѣли, и коль тяжко утѣсняемы подъ Польскимъ игомъ были, и какими несносными обидами и ругательствы сей народъ отъ нихъ мученъ, и какъ церквы Святыя въ костелы Рымскіе и Уніяцкіе превращены были. И тако онъ, Король Шведской напоминаніемъ тѣхъ старыхъ вольностей и самъ явно народу Малороссійскому свое коварное намѣреніе явилъ, что онъ ихъ паки въ Польское и Лещинскаго, тако жъ и измѣнника Мазепы, порабощеніе привесть намѣренъ. Что же принадлежитъ о той фальшивой укоризнѣ неприятельской, будто, по Указу Нашему, Малороссійскаго народа домы и пожитки попалены и разорены, и то все подлоги неприятельскіе, къ возмущенію Малороссійскаго народа вымышленные, ибо Мы войскамъ своимъ Великороссійскимъ подъ смертною казнію запретили Малороссійскому народу ни какого разоренія и обидъ отнюдъ не чинить, за что уже нѣкоторые самовольные преступники при Почепѣ и смертію казнены, а ежели что малою отъ жилищъ ихъ или хлѣба пожечь принуждены были, по крайней нуждѣ, дабы неприятелю къ пропитанію то не досталось и дабы онъ тѣмъ принужденъ былъ безъ жилища и пищи погибать, что уже и учинилося было при Стародубѣ, ежели бъ тотъ измѣнникъ Мазепа далѣе его не потягнулъ, о чемъ выше пространнѣе изъявлено. И то все Мы, Великій Государь, тѣмъ, кто такой убытокъ претерпѣлъ, обѣщаемъ, по изгнаніи неприятельскомъ изъ земель нашихъ, милостію своею наградить, и чтобъ тѣмъ претерпѣннымъ своимъ убиткамъ писали оные и подавали росписи, и тако бъ, видя вѣрные Наши подданные Малороссійскаго народа, сіи лжи неприятельскія, а Нашу къ себѣ Государскую милость и оборону отчизны своей, отъ всѣхъ прелестей неприятельскихъ уши затыкали и не внимали; тако жъ, ежели какіе прелестные Универсалы или подсылки отъ бывшаго Гетьмана богоотступнаго и измѣнника Мазепы гдѣ явятся, и тѣхъ бы отнюдь, яко измѣнничихъ, не слушали и по нихъ не исполняли, но приносили бъ ихъ къ Намъ, Великому Государю, и трудились бы оному неприятелю и сообщнику его, измѣннику Мазепѣ, хотящимъ церквы Святыя и весь Малороссійскій край Благочестія лишить и поработить, всякую шкоду приключать, и загонами и по лѣсамъ и переправамъ людей ихъ убивать, и за Вѣру Православную, за Святыя церквы и за отчизну свою, мужественно противъ оныхъ стоять, а отъ нападенія онаго изъ городовъ, некрѣпкихъ селъ и деревень, въ наступленіе неприятельское жители бъ сами особами своими, съ женами, и дѣтьми, и пожитки укрывалися и неприятелю отнюдъ никакихъ живностей и

хлѣба, и никакой харчи не оставляли, а особлико ни по какимъ Универсаламъ Короля Шведскаго и вора измѣнника Мазепы на продажу и такъ не привозить, подъ опасеніемъ за то смертныя казни, но чинили бъ надъ ними, неприятели, всякой военной промыслъ, дабы его, при храбрыхъ войскахъ Нашихъ, Великороссійскихъ и Малороссійскихъ, съ помощію Божіею, какъ наискорѣе, побѣдить, и Малороссійской край, отчизну свою, отъ нападенія и разоренія и отъ намѣреннаго порабощенія освободить и изъ онаго изгнать. Чего ради Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, и сами, высокою своею особою, на оборону Малороссійскому народу, сюда, въ войско Наше, прибыли. При семъ же объявляемъ, что, кто изъ Малороссійскаго народа, изъ неприятельскаго войска возметъ въ полонъ Генерала, тому за онаго дать двѣ тысячи рублевъ, за Полковника тысячу, рублевъ, а за иныхъ Офицеровъ за каждаго, по рощету, противъ чина ихъ, и за рядовыхъ рейтаръ, солдатъ и драгунъ по пяти рублей, а за убіеніе каждаго неприятеля, по свидѣтельству явному, по три рубли, изъ казны Нашей давать укажемъ, и сіи Указы, за Нашею Государскою печатью, выдать, и оные по городамъ, при ратушахъ, а по селамъ, по церквамъ, прибить и всему Малороссійскому народу прочитать повелѣваемъ. Данъ въ Глуховѣ, 1708 году, Ноября въ 8 день.

Миргородскій Полковникъ, Данило Апостолъ, да Иванъ Сулима, лестію Мазепы и страхомъ уведенные, сыскавъ удобное время, съ пути убѣжали и пришли прямо къ Государю, за что отъ Его Величества милость и благоволеніе получили и остались при своихъ рангахъ и маетностяхъ по прежнему.

Притомъ Его Величество, соболѣзнуя о Малороссіянахъ, чтобъ лестью Мазепы не были заводимы, опять соизволилъ милостивымъ своимъ Манифестомъ народу опубликовать въ такой силѣ:

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичь, Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая, объявляемъ Малороссійскаго народа, духовнаго и мирскаго чина, людемъ, а особливо войска Нашего Запорожскаго Старшинѣ Генеральной, Полковникамъ, Сотникамъ, и Асауламъ, Атаманамъ, городовымъ и куреннымъ, и всѣмъ Козакамъ, тако жъ и посполству, вѣрнымъ подданнымъ нашимъ. Чаемъ, что уже всѣмъ то вѣдомо, како мы въ нѣсколькихъ грамотахъ нашихъ, тако жъ и Гетьманъ нашъ войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иванъ Ильичь Скоропадскій, въ Универсалѣхъ своихъ отвѣтныхъ о измѣнѣ богоотступнаго вора, измѣнника, бывшаго Гетьмана Мазепы, вамъ ясными доводами доказывали, что оной богоотступникъ оную для собственной своей тщетной славы и властолюбія учинилъ и Шведа для того въ Украйну призвалъ, дабы поработить сей Малороссійскій народъ паки подъ древное ярмо Польское, и церквы Божіи лишить благочестія и привесть въ Унѣю, хотя оный въ пашквиляхъ своихъ, во образъ Универсаловъ, за рукою съ печатью своею, для возмущенія народу Малороссійскаго, выданныхъ, съ богоотступною совѣстію

клянется, будто для общей пользы народа Малороссійскаго и содержанія волностей ихъ, и чтобы оному не быть ни подъ нашею, ни подъ Полскою властію, но содержатись особливо свободному, въ чемъ, будто, ему отъ Короля Шведскаго обѣщаніе дано. Но нынѣ та его богомерзская ложь объявилась явна, что онъ какъ все въ томъ пашквилѣ своемъ фальшиво, такъ и сіе ложно пишетъ, прельщая народъ Малороссійскій, ибо отъ него, измѣнника, посланной къ Лещинскому шпегъ, Роменской житель, Хлюсъ, имяно сего Генваря мѣсяца пойманъ въ мѣстечкѣ Лисянкѣ и привезенъ въ Кіевъ, у котораго, между инными, найденъ его, измѣнника Мазепы, листъ, за рукою его и печатью, къ развратнику отчизны своей, отъ Шведскаго Короля, къ вверженному на Королевство Польское, Станиславу Лещинскому, по Польску писанной, которой подлинной Мы, для лучшего извѣстія и увѣренія, къ Гетьману войска Нашего Запорожскаго, Ивану Ильичу Скоропадскому, послали, оной объявить въ войскѣ нашемъ Запорожскомъ и по всѣмъ полкамъ, а присемъ, переписавъ оный для лучшего выразумѣнія на Россійской языкъ, списокъ съ онаго приложить повелѣли, въ которомъ онъ пишетъ, призывая того, Лещинскаго, на отобранье Малороссійскаго края, будто, по общему желанію всея Украйны, называя его себѣ Государемъ, а себя его вѣрнымъ подданнымъ, а Украйну наслѣдіемъ его, Лещинскаго, и потому явно, съ какою совѣстію оный богомерзкій измѣнникъ, предаетъ себя Всевышняго суду, будто оный измѣну свою учинилъ для пользы Малороссійскаго края и содержанія вольностей, и чтобъ имъ, будто, ни подъ Нашею, ни подъ Полскою властію не быть, но особливо свободными остаться. А нынѣ, по тѣмъ его, богоотступнаго измѣнника, письмамъ, явилась явная ложь и предательство подъ Польское иго Малороссійскаго народу; а и сверхъ сего Намъ отъ вѣрныхъ особъ извѣстно, что оный, желая себя подъ Полскую областѣ поддать, получилъ уже отъ Лещинскаго за то себѣ гоноръ Воеводства въ Полшѣ, титулъ Княженія Сѣверскаго. Какою же безбожною злобою оный измѣнникъ, Мазепа, къ Малороссійскому народу, духовнаго и мірскаго чина, дышетъ, то явно изъ послѣдующаго объявленія, что въ селѣ Коренцѣ шпегъ, отъ него жъ, измѣнника Мазепы, посланный, Менской сотни Козакъ, Григорій Пархомовъ, и привезенъ въ нашъ главной квартеръ въ Сумы, гдѣ, по роспросу и розыску сказалъ, будто посланъ онъ отъ Мазепы съ письмомъ къ Преосвященному Архіепископу Черниговскому и Глуховскому, Сотнику Туранскому, Князю Четвертинскому, и къ Атаману Глуховскому, Карпечѣ, которыя письма, будто, въ навечеріи Рождества Христова, отдалъ Архіерею, чрезъ служебника его, а прочимъ самимъ; и какъ помянутые, Князь Четвертинскій, и Атаманъ, и служебникъ Архіерейскій, оному представлены, то имъ тотъ шпегъ и въ глаза говорилъ. Но Мы, Великій Государь, милосердуя объ оныхъ подданныхъ своихъ, не повѣря тѣмъ доношеніямъ, велѣли того шпега въ томъ пытать, съ которой пытки объявилъ оный шпегъ, что посланъ онъ нарочно отъ Мазепы въ Глуховъ,

а писемъ съ нимъ къ онымъ особамъ не было послано, а обѣщаны ему отъ него, Мазепы, деньги, дабы, когда пойманъ будетъ, сказалъ нарочно, будто онъ отъ него съ письмами къ вышеписаннымъ особамъ посланъ и оныя письма имъ будто отдалъ, дабы ихъ тѣмъ привесть въ Нашу, Великаго Государя, немилость; которой шпегъ, для подлиннаго увѣдомленія той злости измѣнника Мазепы, посланъ къ подданному Нашему, Гетьману Ивану Ильичу Скоропадскому, и ко всему войску Запорожскому, и велѣно онаго, по объявленіи всѣмъ, казнить смертію. И тако надлежитъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа, видя сію явную измѣну богоотступника Мазепы, къ предательству отчизны всей, въ Полское несносное ярмо намѣряемую, тако жъ и желательство къ погубленію знатныхъ особъ, духовныхъ и мірскихъ, Малороссійскаго народу, отъ его, Мазепиныхъ, прелестей остерегатись и оныхъ отнюдь не слушать, но, гдѣ могутъ, непріятелю Шведу, и измѣннику Мазепѣ, и единомысленникамъ его приключать всякой вредъ, и при войскахъ Нашихъ Великороссійскихъ стояти противъ непріятеля мужественно, и гдѣ отъ него, Мазепы, и отъ Шведовъ какія подсылки или шпеги явятся съ письмами или безъ писемъ, такожъ и къ нимъ посланные, тѣхъ ловить и къ Намъ, Великому Государю, присылать, за которую свою вѣрность воспріимутъ отъ Насъ, Великаго Государя, милость, и награжденіе, и крѣпкую оборону. Данъ въ Сумахъ Генваря 21-го, 1709 году.

Въ подлинно печатной Грамотѣ только печать Государя.

СПИСОКЪ СЪ ЛИСТА ИЗМѢННИКА МАЗЕПЫ, ПИСАНАГО КЪ ЛЕЩИНСКОМУ.

Найяснѣйшій, милостивый Король, Государъ мой милостивый.

Уже то второй листъ изображеніемъ подданской моей униженности къ Вашей Королевской милости посылая, сумнѣваюся, ежели могъ прежній въ такомъ замѣшанномъ состояніи дѣлъ въ своемъ пути дойти; а какъ я въ прежнемъ желаемымъ усердіемъ и публичнымъ всей Украины ожиданіемъ покорно просилъ Вашей Королевской Милости, дабы, по освобожденію наслѣдія своего, непобѣдимую изволилъ подать десницу, такъ и нынѣ паки тожъ самое повторяю и ожидаю счастливаго и скораго Вашей Королевской Милости прибытія, чтобъ мы могли соединеннымъ оружіемъ умыслы злыя непріятельскаго Московскаго намѣренія, въ началѣ усмирить дракона, а наипаче нынѣ, когда начала Москва грамотами своими простой бунтовати народъ и гражданскую сочинять войну; и хотя оный еще ни какого не имѣлъ виду, однако жъ тѣ искры, утаенныя въ пеплѣ, надобно бъ временно загасить, чтобъ изъ нихъ къ публичному вреду какой не произошелъ огонь, для чего, яко овцы въ лимбѣ (сирѣчь, въ притворѣ адскомъ или чистцѣ), ожидаемъ пришествія Вашей Королевской Милости, аки избавителя нашего, и прося о томъ покорно, лобызаю тысячекратно непобѣдимую Вашу десницу.

Вашей Королевской Милости, моего милостиваго Государя, вѣрный подданный и слуга нижайшій,

Янъ Мазепа Гетьманъ.

Изъ Ромна. Декабря въ 5 д., 1708 году.

ПОБѢДА ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.

Тогожъ, 1709 года, Іюня 27-д., Его Царское Величество Шведскаго Короля и все его войско подъ Полтавою такъ знатно побѣдилъ, что слава побѣды его на весь свѣтъ распространилась; онъ же самъ Король и съ нимъ измѣнникъ Мазепа спаслися побѣгомъ въ Турецкую землю, въ Бендеры, кой прожилъ тамо чрезъ полтора года, покамѣсть въ свою землю со стыдомъ возвратился, а вѣроломный Мазепа въ Бендерахъ и жизнь свою окончалъ. При той Полтавской баталіи весь Шведскій богажъ и амуниція Россійскому Государю достались въ добычь, а остальное Шведское войско, со всѣмъ Генералитетомъ и офицерами, подъ Переволочною плѣнены и въ Москву взяты.

На сей баталіи былъ засланный иногда отъ Мазепы въ ссылку, Семенъ Палѣй, коего Государь, какъ скоро измѣна Мазепы открылась, освободить приказалъ, и хотя уже онъ, Палѣй, слабъ былъ, однако мужественно еще подвизался противъ неприятеля.

ПОХОДЪ ВЪ ТУРЦІЮ.

1711 года Государь Царь Петръ Великій, за нарушеніе Турками съ Россіею примирія, чрезъ принятіе Шведскаго Короля въ свою протекцію, соизволилъ, со всѣмъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ войскомъ, имѣть походъ подъ Прутъ; а что тамо воспослѣдовало, Россійскіе и другіе иностранные гисторіи описываютъ. Однакъ о семъ здѣсь предложить за нужно почитаю, что, по заключенному послѣ Прутской акціи съ Турками миру, Государь тогостороннюю Украйну, Козацкую землю, съ которою Гетьманъ Хмельницкій подъ высокую Россійскую Державу пришолъ, соизволилъ, со всѣмъ народомъ, кромѣ нѣкоторыхъ знатныхъ Козаковъ, коимъ внутръ Малороссіи, оставя тамо жительства свои, изыти повелѣно, обратно Польшѣ возвратилъ, съ тою токмо кондиціею, чтобъ Православная Греко-Россійская Вѣра, которую тотъ народъ содержалъ, не была утѣсняема, но нынѣ сея Вѣры тамо уже и слѣда почти нѣтъ, а народъ всей той Украйны приведенъ въ Унію.

О ВВЕДЕНІИ ШЕСТИ ПОЛКОВЪ НА ДОВОЛСТВО МАЛОРОССІЙСКОЕ.

По возвращеніи войскъ 1712 года изъ подъ Прута, Фельдмаршалъ, Борисъ Петровичь Шереметьевъ, уговорилъ Гетьмана Скоропадскаго, чтобъ дозволилъ дивизіи его въ Малой Россіи перезимовать, по какому дозволенію, когда полки стали на винтеръ-квартерахъ, многія обывателямъ причинили обиды насильнымъ взятьемъ провіанта и фуража, о чемъ, когда, по зашедшимъ отъ всѣхъ Малороссійскихъ полковъ жалобамъ, Гетьманъ взнеслъ къ Государю челобитную, то отъ Его Величества воспослѣдовало въ резолюцію шести драгунскимъ полкамъ быть всегда въ Малой Россіи на безденежномъ довольствіи, съ якого времени въ Малой Россіи такъ консистенскіе дачи, какъ и Комисары для збору оныхъ учреждены, а до того времени какъ Великороссійскихъ полковъ на квартирахъ, такъ и довольствія на нихъ, не бывало.

Хотя же таковыя бремена на Малороссійскій народъ были наложены, однако Козаки отъ службы и походовъ не были никогда свободны, и тотчасъ, для здѣла-

нія линіи отъ стороны Кубанской Орды, многое число изъ каждаго полку, подъ командою Генеральнаго Хорунжаго, Ивана Сулимы, ходило подъ Царицынъ въ 1716 году.

А потомъ въ 1721 году Его Величество Государь Царь Петръ Алексѣевичь, на прошеніе Правительствующаго Сената, именемъ всего Государства, титулъ Петра Великаго и Императора Всероссійскаго и Отца Отечества соизволилъ принять.

КОМАНДИРОВАНІЕ ДЛЯ ДѢЛАНІЯ ЛАДОЖСКАГО КАНАЛА И УЧРЕЖДЕНІЕ ВЪ МАЛОРОССІИ ПРИ ГЕТЬМАНѢ СКОРОПАДСКОМЪ КОЛЛЕГІИ.

По Указу Его Императорскаго Величества, Малороссійскаго войска двѣнадцать тысячь, подъ командами Полковниковъ: Черниговскаго, Павла Полуботка, Лубенскаго, Андрея Марковича, да вышепомянутаго Хорунжаго Генеральнаго, Ивана Сулимы, разными дорогами, командировано было до Ладоги для дѣланія канала, кой Малороссіянамъ и нынѣ чувствителенъ; но всего чувствительнѣе было, когда въ бытность Гетьмана Скоропадскаго съ нѣкоторою Генеральною Старшиною, Полковниками и Бунчуковыми Товарищами, въ 1722 году, въ Москвѣ, для поздравленія Его Величества съ заключеніемъ мира съ Шведомъ и воспріятіемъ Императорскаго титула, вручено ему, за собственною Его Величества рукою, письмо объ учрежденіи въ Малой Россіи, при Гетьманскомъ правленіи, Коллегіи для тайныхъ дѣлъ и верхней апеляціи, и прочаго, что уповательно послѣдовало по проекту Князя Менщикова, въ отмщеніе Гетьману за челобитье на него къ Государю о напрасномъ завладѣніи многихъ мѣстъ въ Стародубовскомъ полку, по причинѣ Почеповской надачи, которая ему отъ того жъ Гетьмана, за согласіемъ Генеральной Старшины, въ разсужденіи благодѣтельствъ его, Менщикова, въ Малой Россіи послѣдовала было.

ПОХОДЪ ВЪ ПЕРСІЮ.

Въ томъ же году, сверхъ канальной работы, былъ походъ въ Дербентъ Персидскаго Государства, въ которомъ Малороссійскаго войска было десять тысячь, подъ командою правящаго за главнаго Командира, Миргородскаго Полковника, Данила Апостола, при которомъ были въ командѣ Полковники: Кіевскій, Антонъ Танскій, и Прилуцкій, Игнатъ Галаганъ.

Учрежденіе небывалаго въ Малой Россіи, Коллегіи, привело Гетьмана Скоропадскаго въ болѣзнь, отъ которой онъ, за прибытіемъ въ Глуховъ изъ Москвы, Іюля 3-го, 1722 года, и жизнь свою окончилъ, въ вѣрности Его Императорскому Величеству, и погребенъ въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, иждивеніемъ его состроенномъ.

МЕЖДУГЕТЬМАНСТВО.

За измертвіемъ онаго, повелѣно Сенатскимъ Указомъ Малороссійскія править дѣла, вмѣсто Гетьмана, Черниговскому Полковнику, Павлу Полуботку, съ Генеральною Старшиною, а 20-го Іюля новоучрежденной Коллегіи Президентъ, Бригадиръ Вельяминовъ, прибылъ въ Глуховъ, и какъ скоро оная Коллегія теченіе свое возымѣла, то и несносные Малороссійскому народу наложены поборы.

И когда таковыхъ тяжестей Малороссійской народъ снесть былъ не

въ состоянiи, то Генеральная Старшина, наблюдая цѣлость своего отечества, просили Его Величества дозволенiя послать къ Его же Величеству Депутатовъ, которое имъ на прошенiе ихъ воспослѣдовало, и тако 1723 года, въ мѣсяцѣ Iюнѣ, вышепомянутый Полковникъ Черниговскiй, Полуботокъ, да съ нимъ Судья Генеральный, Иванъ Чарнышъ, и Генеральный Писарь, Семенъ Савичь, отъѣхали въ Санктпетербургъ, съ тѣмъ, чтобъ просить Его Императорскаго Величества о подтвержденiи статей Хмельницкаго и Высокомонаршихъ Грамотъ, на вольности Козацкiя данныхъ, и о дозволенiи избрать Гетьмана вольными голосами; но прогнѣваное Небо болѣе Государя привело къ огорченiю на Малую Россiю, нежели къ милосердiю. Его Величество приказалъ тѣхъ Депутатовъ арестовать, а имѣнiе ихъ, описавъ, попечатать; сему жребiю подвержены были: Асаулъ Генеральный, Василiй Жураковскiй, и Бунчужный, Яковъ Лизогубъ.

На мѣсто сихъ арестованныхъ къ правленiю въ Генеральной Канцелярiй отъ Бригадира Александра Ивановича Румянцова опредѣлены были: Иванъ Левенецъ, Полтавскiй Полковникъ, да Сотникъ Глуховскiй, Иванъ Мануйловичь, и Федоръ Потребичь Гречаный.

Сихъ временъ Малороссiйскiе Козаки первѣе двѣнадцать тысячь, подъ командою Полковника Миргородскаго, Данила Апостола, ходили на Коломакъ, а потомъ десять тысячь, подъ командою Полковника Лубенскаго, Адрея Марковича, на Сулакъ, гдѣ крѣпость подкрѣпили и на той рѣкѣ плотину здѣлали, куда, въ перемѣну симъ, 1724 года, опять Малороссiйскаго войска десять тысячь, подъ командою Полковника Гадяцкаго, Гаврила Милорадовича, командировано.

Сего года, изъ Малороссiйскихъ въ Петербургѣ арестантовъ, ищущихъ пользы своего отчества, первѣе Полуботокъ, потомъ Кирпичь, правящiй за Полковника Переясловскаго, тако жъ Дмитрий Володковскiй, Регентъ Генеральной Канцелярiи, жизнь свою окончили.

Остальные же арестанты: Полковникъ Миргородскiй, Апостолъ (ибо сей, послѣ Коломацкаго походу, въ 1724 году, взятъ въ Санктпетербургъ и посаженъ подъ арестъ), Иванъ Чарнышъ, Семенъ Савичь, Василь Жураковскiй и Яковъ Лизогубъ съ протчими, по умертвiи Государя, Петра Великаго, коего преставленiе въ 1725 году, Генваря 28 дня, съ чувствительнымъ всѣхъ соболѣзнованiемъ воспослѣдовало, съ повелѣнiя Ея Величества, Императрицы, Екатерины Алексѣевны, отпущены на волю, изъ которыхъ Писарь Савичь тамъ же свободнымъ уже умре. Полковникъ Апостолъ прибылъ въ свой полкъ благополучно, прочiи же оставлены были еще тамъ до Указу; имѣнiя жъ ихъ, прежде приарестованныя, возвращены всѣмъ въ цѣлости обратно.

ГИЛЯНСКIЙ ПОХОДЪ.

А чтобы никто безъ чуствованiя гнѣва, отъ Высочайшей власти послѣдовавшаго чрезъ измѣну Мазепы, хотя бѣдной народъ въ томъ никогда виновнымъ не былъ, въ Малой Россiй не оставался, то почти всѣ Бунчуковые Товарищи, коихъ съ Значковыми Товарищами было до двухъ тысячь человѣкъ, подъ командою бывшаго Корсунскаго

Полковника, Кандыбы, командированы въ Гилянскій походъ, далѣе Дербента, гдѣ они вовся и не нужны были, однакъ изъ нихъ нѣкоторые прожили тамо отъ трехъ до пяти лѣтъ; съ тѣми жъ товарищами и рядовыхъ Козаковъ пять тысячь было подъ командою Обознаго Полковаго Прилуцкаго, Михайла Огроновича.

Сія ненадобность нещастныхъ Малороссіянъ въ такихъ походахъ можетъ доказатись изъ сего, что въ 1726 году былъ Указъ таковъ, чтобъ на Сулакъ въ походъ выслат Козаковъ десять тысячь, или, вмѣсто похода, заплатить деньгами; но когда Генеральная Старшина усовѣтовала лучше итить въ походъ, нежели платить деньги, то на взнесенное о семъ въ Сенатъ доношеніе послѣдовала резолюція оставаться Козакамъ въ домахъ и заплатить за каждаго по четыре рубли, почему въ Малороссійскую Коллегію и заплачено сорокъ тысячь рублей.

Уничтоженіе Коллегіи.

По преставленіи, въ 1727 году, Мая 1-го, Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны, когда Петръ Алексѣевичь, сынъ Царевича, Алексѣя Петровича, а внукъ Государя Императора Петра Великаго, на Всероссійскій вступилъ престолъ, то, имѣя Высочайшее свое о народѣ Малороссійскомъ благоволеніе, Его Императорское Величество соизволилъ тотчасъ повелѣть Коллегію Малороссійскую и зборы, на людей наложенные, отставить и, по древнимъ Козацкимъ вольностямъ, вольными голосами избрат Гетьмана, которое избраніе въ Глуховѣ, по Указу Его Величества, за собраніемъ духовныхъ и мірскихъ чиновъ и рядовыхъ Козаковъ, въ присутствіи Государева Министра, Федора Васильевича Наумова, Октября 1 дня, было, и избранъ вольными голосами Гетьманомъ Малороссійскимъ Полковникъ Миргородскій, Данило Павловичь Апостолъ, коему тогда жъ публично отъ Министра и всѣ Гетьманскіе клейноты препоручены.

О Гетьманѣ Апостолѣ.

И какъ въ 1728 году Высочайшая, Императора Петра Втораго, Коронація въ Москвѣ была, то Гетьманъ Апостолъ, съ нѣкоторою Генеральною Старшиною, Полковниками и Бунчуковыми Товарищами, для засвидѣтельствованія преданности своей и поздравленія Его Величества, ѣздилъ туда и, на прошеніе подтвержденія вольностей Козацкихъ по пунктамъ Гетьмана Хмельницкаго, таковые рѣшительные послѣдовали пункты:

1.

Суду и расправѣ быть въ Малой Россіи по вольностямъ и правамъ Малороссійскимъ, точію въ Генеральномъ Судѣ тремъ Великороссійскимъ персонамъ быть, чтобъ волокиты и неправости въ судѣ томъ челобитчикамъ чинено не было.

2.

Избранію Гетьмана въ Малой Россіи быть съ Указу Государева и по прежнимъ вольностямъ и обыкновеніямъ.

3.

Гетьману одному Генеральной Старшины, Полковниковъ, Полковой Старшины и Сотниковъ не ставить, а выбирать въ такіе чины вольными голосами людей вѣрныхъ

и неподозрительныхъ и заслуженныхъ, и доносить о томъ къ Государю, и кромѣ Православныхъ Христіянъ въ войскѣ Малороссійскомъ иныхъ нѣкоторыхъ Вѣръ, да и новокрещеннымъ и иноземцамъ, начальными людьми не быть.

4.

Городу Коропу быть повсегда на Генеральную артилерію.

5.

Великороссійскимъ полкамъ въ Малой Россіи быть и на квартирахъ стоять, провіантъ и фуражъ получать, для охраненія имъ границъ.

6.

Компанейскимъ полкамъ быть тремъ, и то только было бъ въ полку по пятисотъ человѣкъ.

7.

Коллегію Малороссійскую и зборы, отъ оной Коллегіи установленные, отставить, а собирать зборы по давнимъ Малороссійскимъ обыкновеніямъ со всѣхъ, не обходя никого, въ скарбъ войсковой, и онаго збора безъ Указу никуда не употреблять.

8.

Имѣній Козацкихъ за службы и купленныхъ послѣ Козаковъ у женъ и дѣтей ихъ не отнимать.

9.

На булаву Гетманскую ключь Гадяцкій со всѣми мѣстечками и доходами принадлежать по прежнему повиненъ.

10.

Маетности, которыя на чиновниковъ Малороссійскихъ и до Ратушъ, тако жъ и на Канцеляріи, Войсковую и Суда Генеральнаго, по крѣпостямъ и по грамотамъ надлежали, и нынѣ жъ по тому быть; а буде такія маетности въ другія руки отошли, то отобрать оныя и чиновные на чины, а ратушные къ Ратушамъ, возвратить по прежнему.

11.

Гетьманскую Резиденцію изъ Глухова перевесть, гдѣ бъ удобнѣе Гетьманъ усмотрѣть могль мѣсто, очемъ впредь Указъ учиненъ будетъ.

12.

Бѣглыхъ крестьянъ Великороссійскихъ, въ Малой Россіи никому отнюдъ не принимать и ихъ у себя не держать.

13.

Индуктѣ въ Малой Россіи быть на откупѣ и излишняго ничего индуктарамъ не имать.

14.

Малороссійскимъ купцамъ въ пограничные города, въ мирное время, съ незаповѣдными товары и изъ за границы въ Малую Россію, проѣздъ имѣть свободный, тако жъ и Жидамъ на ярмарки въ Малую Россію пріѣжать дозволяется, точію имъ своимъ товаромъ, врознь, локтями и фунтами, не продавать, а продавать оптомъ, и Жидамъ же въ Малой Россіи не жить.

15.

Маетности и другія недвижимыя имѣнія Великороссіянамъ въ Малой Россіи покупать, а Малороссіянамъ въ Великой Россіи, свободно.

16.

Раскольщикамъ, въ Стародубовскомъ и Черниговскомъ полкахъ населившимся, жить имъ тамъ подъ окладомъ Государевымъ по прежнему.

17.

О городѣ Котельвѣ, что онъ надлежалъ до Гадяцкаго полку, а нынѣ къ слободамъ присовокупленъ, впредь учинено будетъ рѣшеніе.

18.

Въ Малой Россіи монастырямъ, попамъ и всякаго духовнаго чина людемъ, Козачьихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и мірскаго чина людямъ никакими здѣлками не давать и не укрѣплять за монастыри и попы.

19.

Гетьману безъ Указу и вѣдома Государева съ окрестными Государями ни о чемъ не списываться и жадныхъ пересылокъ не чинить, и пословъ съ худымъ дѣломъ не принимать, по давнимъ статьямъ Богдана Хмельницкаго.

20.

Права Магдебурскія и Саксонскія, которыми судятся Малороссіяне, перевесть на Руской языкъ въ одну книгу, и такъ ихъ сочинить, чтобъ одного права другому противнаго или несогласнаго не было.

И по полученіи таковыхъ пунктовъ и жалованной на Гетьманство грамоты, съ великимъ жалованьемъ Государевымъ, Гетьманъ повернулся въ Малую Россію, Октября 1-го дня.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ, ДАЧИ ДВОРОВЪ НА РАНГИ, И ОСТАВЛЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ЗБОРОВЪ.

Для собранія же въ Малой Россіи зборовъ, въ 1729 году опредѣленъ Генеральной Подскарбій, которымъ во первыхъ жалованъ тогда Полковникъ Лубенскій, Андрей Марковичъ, и въ присутствіе къ нему одинъ изъ Великороссійскихъ, Подполковникъ Иванъ Мякининъ, опредѣленъ.

И съ сего времени Генеральной Старшинѣ опредѣлены, для содержанія себя, по чинамъ ихъ дворы, а именно: Обозному Генеральному, коимъ тогда жалованъ Яковъ Лизогубъ, 400, Судьямъ, Кандыбѣ и Забѣлѣ, тако жъ и Подскарбію, по 300, Писарю Генеральному, Михайлу Турковскому, 300, Асауламъ, Хорунжему и Бунчучному, по 200 дворовъ.

1730 году, Генваря 29 дня, Государь Петръ Вторый, Императоръ Всероссійскій, съ воспы умре въ Москвѣ, а на мѣсто его возведена на Всероссійскій Императорскій престолъ, вдовствующая Герцогиня Курляндская, дочь Государя Царя Ивана Алексѣевича, Анна Іоанновна, и коронована въ Москвѣ, Апрѣля 28 числа.

Сія Всемилостивѣйшая Государыня, призирая милостивымъ своимъ окомъ на Малороссіямъ, тотчасъ соизволила повелѣть: собираемые въ Малой Россій зборы, какъ то: съ пчелъ и табаку десятину, вѣсовые, мостовые, за погребеніе и съ перевозовъ, отставить и въ скарбъ войсковый не взимать.

1731 года Гетьманъ Апостолъ, по Указу, былъ въ Москвѣ, гдѣ ему отъ Ея Величества жалована кавалерія Александра Невскаго.

ДѢЛАНІЕ ЛИНІИ И ПОХОДЪ ВЪ ПОЛЬШУ.

Того жъ года, по Указу Ея Величества, для дѣланія линій, командировано было Малороссійскихъ Козаковъ 20,000, да изъ посполитыхъ 10,000, подъ командою Кіевскаго Полковника, Танскаго, подъ берестовую, внизу Днѣпра, отъ гра-

ницы Татарской, гдѣ оные Малороссіяне города и крѣпости дѣлали на имя Государины Императрицы, Анны, и Сестрицѣ Ея Величества, Царевенъ Екатерины и Параскевіи.

Куда мало послѣ и всѣ Малороссійскіе полки движеніе имѣли для отвращенія Татарскихъ нападеній.

Для окончанія той же вышепомянутой линіи опять толикимъ же числомъ Козаковъ и мужиковъ, 1732 года, командировано, подъ командою Полковника Прилуцкаго, Игната Галагана, на Орель.

Сего году, Августа 28, Царица Евдокія Федоровна, Петра Перваго Императора первая супруга, преставилась.

Да въ 1733 году третично туда жъ Козаковъ десять тысячъ и мужиковъ столько жъ посылано, подъ командою Полковника Лубенскаго, Петра Апостола; сверхъ сего въ томъ году, когда Король Польскій, Августъ Второй, умре, ходили Козаки съ Великороссійскими войсками, для усмиренія партизановъ Короля Станислава Лещинскаго, въ Польшу, двумя партіями, одна подъ командою Обознаго Генеральнаго, Якова Лизогуба, а другая подъ командою Полковника Прилуцкаго, Галагана; изъ Россійскихъ же надъ первою партіею главный Командиръ былъ Генералъ Фельдмаршалъ Фонъ Минихъ, а надъ другою Генералъ Лейтенантъ Князь Шаховской.

1734 года, Генваря 17, Гетьманъ и Кавалеръ, Данило Апостолъ, въ вѣрности къ Россійскому Престолу умре въ Глуховѣ. А погребенъ, съ знатною церемоніею, въ Сорочинцахъ, полку Миргородскаго, въ церкви, иждивеніемъ его состроенной.

МЕЖДУ ГЕТЬМАНСТВОМЪ.

За измертвіемъ Малороссійскаго Гетьмана повелѣно Князю Шаховскому принять правленіе Малороссійскихъ дѣлъ до Указу, кой послѣднихъ чиселъ Февраля съ Польского походу и прибылъ въ Глуховъ, а потомъ вскорѣ присланы печатные Ея Императорскаго Величества Указы о имѣющемъ быть въ Малой Россіи, по пунктамъ Богдана Хмельницкаго, Гетьманѣ, а до избранія онаго правленіе Малороссійскихъ дѣлъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи содержать тремъ Великороссійскимъ и тремъ Малороссійскимъ персонамъ, въ томъ числѣ, изъ Великороссійскихъ, Князю Шаховскому, а изъ Малороссійскихъ, Обозному Генеральному, Якову Лизогубу, быть первыми.

1736 былъ походъ подъ Азовъ и въ Крымъ, подъ руководствомъ Генерала Фельдмаршала Фонъ Миниха, въ которомъ походѣ многое число и Малороссійскихъ Козаковъ было.

Въ семъ году, Мая 27, Князь Шаховской, возвратясь изъ Санктпетербурга въ Глуховъ, скончался, а на мѣсто его присланъ былъ, Іюля 12 дня, Князь Иванъ Федоровичь Борятинскій; однакъ, сего, мало посля, въ томъ же году перемѣнилъ Генералъ Александръ Ивановичь Румянцовъ.

1737 году, Іюля 2 дня, Фельдмаршалъ Минихъ, съ многочисленнымъ отъ разнаго народа войскомъ, въ томъ числѣ и Козаковъ было Малороссійскихъ пять тысячъ, а Запорожцовъ четыре тысячи, подъ командою Обознаго Генеральнаго, Якова Лизогуба, Турецкую крѣпость, Очаковъ, благополучно взялъ,

и многихъ знатныхъ Турковъ, какъ то Сераскиръ Пашу, главнокомандующаго, съ четырьмя Пашами и иныхъ мужеска и женска полу Турковъ безъ числа плѣнилъ, гдѣ армія Россійская многія богатства въ добычу себѣ получила.

Въ сей благополучно взятой крѣпости оставлено такъ Россійскаго войска довольнымъ числомъ, какъ и Козаковъ до семи тысячей подъ командою Генерала Штофеля, а армія Россійская оттуда возвратилась, Іюля 5 дня, въ свою землю, о чемъ увѣдавши Турки, въ семидесяти тысячахъ человѣкъ и съ сильною артилеріею, пришли подъ Очаковъ, для отобранія онаго обратно; однакъ, хотя и многое время разными способами доставали его, одержать были не въ состояніи, а наконецъ контраминами Россійскими цѣлая ихъ армія подорвана, пропала, въ томъ времени, какъ солдаты, такъ и Козаки, бѣгущихъ Турковъ многихъ рубили, а лагерь ихъ со всѣмъ богажемъ и экипажемъ достался въ добычу солдатамъ и Козакамъ.

Сверхъ сего, того жъ, года былъ походъ въ Крымъ подъ руководствомъ Генерала Фельдмаршала Лесія, при которомъ Козаковъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ довольное число было.

Въ выше прописанныхъ походахъ Генералъ Румянцовъ съ дивизіею своею тако жъ обрѣтался, а между тѣмъ правленіе въ Глуховѣ Малороссійскихъ дѣлъ имѣлъ Князь Иванъ Федоровичь Боратинскій; но когда онъ, 1738 году, Февраля 18 дня, умре, то опять Генералъ Румянцовъ принялъ тоже правленіе.

Того жъ года Генералъ Фельдмаршалъ Лессій съ войсками Россійскими и Козацкими, ходилъ въ Крымъ, гдѣ Перекопъ, Кимбургъ, Бакчисарай, Карасовъ и прочіе города разорили и многихъ Татаръ и Турковъ въ плѣнъ взяли; однакъ, за возвращеніемъ изъ Крыму, на Гайманъ долинѣ съ Татарами великое было сраженіе, на которомъ и командующій Козацкимъ войскомъ, Бунчучный Генеральный, Семенъ Галецкій, Іюля 8, отъ Татаръ убитъ.

А Генералъ Фельдмаршалъ Минихъ тогда жъ, съ другою Россійскою арміею, въ которой тако жъ много Козаковъ было, ходилъ въ походъ къ Днѣстру, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ Бендеры взять, однакъ въ семъ удачи ему не было.

1739 Генералъ Румянцовъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, зимовалъ въ Переясловлѣ, гдѣ и правленіе Малороссійскихъ нужнѣйшихъ дѣлъ было, при которыхъ правящій за Генеральнаго Писаря былъ тогда Андрей Безбородько, а при правленіи въ Глуховѣ въ Генеральной Канцеляріи засѣданіе имѣлъ Маіоръ Гвардіи, Иванъ Афанасьевичь Шиповъ, съ Генеральною Старшиною.

Сего жъ года, Августа 17, Фельдмаршалъ Минихъ, съ Россійскою арміею и Козаками, подъ деревнею Ступчанами, неподалече отъ Хотина, надъ Турецкою арміею, состоящею въ ста тысячахъ человѣкъ, знатную одержалъ побѣду, а потомъ, Августа 19, и славный городъ Хотинъ благополучно одержалъ и взялъ въ немъ самихъ Главнокомандующихъ Турковъ и другихъ до двухъ тысячей ста двадцати одного человѣковъ въ плѣнъ, гдѣ пушекъ и мортиръ разнаго сорту, тако жъ пороху, свинцу, и пушечныхъ ядеръ и другихъ военныхъ припасовъ, многимъ числомъ въ добычу досталось.

Сверхъ сего, въ томъ же году, были еще съ Татарами и Турками, въ Перекопѣ и внутри Крыму, многія сраженія, командующу надъ войсками Генералу Фельдмаршалу Лессію, въ коихъ всѣхъ походахъ какъ Малороссійскіе Козаки, такъ и Запорожскіе не дремали, пока того жъ года, Сентября 18, съ Турками дѣйствительный заключенъ миръ, по которому, въ 1740 году, Генералъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, полномочнымъ Посломъ въ Константинополь къ Портѣ Оттоманской, отправленъ, а на мѣсто его на правленіе въ Глуховъ, Октября 17, прибылъ Генералъ Аншефъ Кейтъ.

Въ сихъ Турецкихъ походахъ Малороссійскій народъ сколько нуждъ и обидъ внутрь и внѣ Малой Россіи понесъ, свѣту извѣстно: онъ не токмо самъ, персоною своею, по присяжной своей должности, службу Государеву несъ, но и скотъ и имущество его въ тѣхъ же походахъ арміи великимъ пособіемъ были, яко на всѣ военныя тяжести изъ Малой Россіи до нѣсколько тысячей быковъ взято безъ платежа, а къ нимъ и погонщиковъ до двадцати тысячь человѣкъ, изъ коихъ рѣдко кто возвратился въ домъ свой. Въ тѣхъ же самихъ походахъ служащихъ Малороссіянъ и домы не были свободны и чрезъ чуръ какъ отъ переходящихъ, такъ и стоящихъ въ Малой Россіи армейскихъ полковъ были утѣсняемы разными способы, какъ насильнымъ и безденежнымъ взиманіемъ фуража и провіанта, такъ и приключеніемъ остальнымъ въ домѣхъ людямъ разныхъ боевъ, о чемъ хотя къ армейскимъ командирамъ и многія заносимы были жалобы, однакъ ничего бѣдные Малороссіане въ удовольство себѣ получить не могли.

А между тѣмъ, по проекту Фельдмаршала Миниха, тѣ же одни Малороссіяне полонили Днѣпръ, зачавъ отъ Кіева до самой почти линіи, гдѣ многія тысячи народа отъ хлада и глада погибли, а пользы чрезъ то Государству ни какой не принесли.

Того жъ 1740 года, Октября 18, Государыня Императрица, Анна Іоановна, преставилась, а по смерти ея каковое въ Россійскомъ Государствѣ по 24-е Ноября, 1741 года, было правленіе, и кто на Всероссійскій Престолъ былъ возведенъ, иностранныя Исторіи довольно описываютъ, такъ какъ и нынѣшней, благополучно царствующей, Монархини, Императрицы Екатерины Алексѣевны, публикованный во всемъ Государствѣ, печатный 1764 года, Августа 17, Манифестъ доказываетъ.

1741 года, Апрѣля 27. Генералъ Губернаторъ Кіевскій, Михайло Леонтьевъ, прибылъ въ Глуховъ на правленіе, а Генералъ Кейтъ, 29 того жъ мѣсяца, въ Санктпетербургъ отъѣхалъ.

Однакъ, оной Генералъ Губернаторъ токмо чрезъ полгода правленіе Малороссійскихъ дѣлъ содержалъ, ибо Октября первыхъ чиселъ Тайный Совѣтникъ Неплюевъ перемѣнилъ его, а онъ по прежнему остался въ Кіевѣ на губерніи Губернаторомъ.

Сего жъ года, Ноября 24, Елисавета Петровна, дочь Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго недовѣдомыми судьбы Божіи, въ удивленіе всему свѣту, Всероосійскій отеческій наслѣдственный соизволила воспринять престолъ, съ радостнымъ вож-

дѣленіемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Ея Величества.

По таковомъ божественномъ дѣйствіи, Тайный Совѣтникъ Неплюевъ, Декабря 3, изъ Глухова позванъ въ Санктпетербургъ, а на его мѣсто прибыль тогда жъ Генералъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ.

1742 года, Ея Императорское Величество, Елисавета Первая, Апрѣля 25, въ Москвѣ коронацію воспріять соизволила. Въ томъ году, по представленію Генерала Бутурлина, а по проекту умершаго Князя Шаховскаго, Указомъ изъ Сената, учреждена въ Малой Россіи Коммиссія Экономіи, отъ которой всѣ Малороссійскіе, кромѣ Кіева, Чернигова, Переясловля, Нѣжина, Глухова и полковыхъ городовъ, города, мѣстечки, села и деревни описаны и въ вѣдомство оной Коммиссіи приняты.

Въ прошломъ еще году война со Шведами объявлена. Чего для въ семъ году къ Шведскимъ границамъ тотчасъ отправлено было Малороссійскаго войска шесть тысячь человѣкъ, подъ командою Гадяцкаго Полковника, Петра Галецкаго. Іюня первыхъ чиселъ Генералъ Иванъ Бибиковъ на правленіе въ Глуховъ пріѣхалъ. Ея Императорское Величество, имѣя благоволеніе Малороссійской народъ содержать при его вольностяхъ, первое оказать соизволила милосердіе чрезъ публикованный печатный Указъ, чтобъ Малороссіянъ ни какими образы никому въ вѣчное холопство не крѣпить и на крѣпостныхъ женахъ и дѣвкахъ подневолею не женить, а кто изъ нихъ добровольно женится, такихъ и по женамъ не крѣпить и крѣпостямъ на ихъ быть недѣйствительнымъ.

1744 года, когда Ея Императорское Величество въ Малой Россіи быть соизволила, то всѣ Малороссійскіе чины, отъ высшаго до низшаго, со отверстымъ радости сердцемъ, Ея Величеству дѣлали встрѣчу и, взявъ отъ Великороссійскихъ границъ, съ пристойною церемоніею, проводили въ Кіевъ и обратно, а между тѣмъ когда Ея Величество соизволила быть въ Глуховѣ, слѣдуя въ Кіевъ, то Генеральная Малороссійская Старшина и Бунчуковые товарищи всеподданнѣйшее поднесли челобитье съ прошеніемъ въ Малую Россію Гетьмана, ибо частые перемѣнные правители правленіямъ не весьма полезны и скучны. На какое ихъ прошеніе пожалованіемъ Гетьмана, Ея Величество Всемилостивѣйше ихъ обнадежила.

О семъ Гетьмана прошеніи всѣ Малороссійскіе Полковники, а особо каждой, по опредѣленнымъ мѣстамъ, отъ Глухова до Кіева, стоящіе, со всѣми полку своего Козаками, Полковою Старшиною и Сотниками, въ благополучномъ Ея Величества шествіи, подносили челобитныя, которыя до резолюціи милостиво и приняты.

1745 года содержащій правленіе въ Глуховѣ, Генералъ Бибиковъ, Великороссійскимъ Правителемъ и себѣ не токмо присутствіемъ, но и жизнію былъ конецъ, ибо какъ скоро Депутаты изъ Малой Россіи въ Санктпетербургъ съ прошеніемъ Гетьмана прибыли, коими были Обозный: Генеральный Яковъ Лизогубъ, Хорунжій Генеральный Николай Ханенко, да Бунчуковый Товарищъ Василей Гудовичъ, то между прочимъ, въ 1747 году, имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Мая отъ 5 числа состоявщимся,

въ Сенатъ, велѣно о учрежденіи въ Малой Россіи Гетьмана, по прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и обыкновеніямъ, на основаніи прежде бывшаго Гетьмана Скоропадскаго, потребныя распоряженія учинить немедленно.

Въ силѣ сего Указа Сенатъ Ея Императорскому Величеству, Мая 12 дня, 1747 года, подалъ докладъ, а по оному, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, въ Сенатъ, Октября 16 дня, таковъ жъ послѣдовалъ Указъ:

По поданному Намъ отъ Сената докладу Мая 12 числа, прошлаго 1747 года, для выборовъ въ Малую Россію Гетьмана, указали Мы отправить нашей Лейбъ-Компаніи Подпоручика и Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Камергера, Графа Ивана Гендрикова, о чемъ данъ отъ Насъ Указъ Нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; и того ради повелѣваемъ Нашему Сенату какъ о выборѣ Гетьмановъ, такъ и всѣ прочія Малороссійскія дѣла отдать изъ Сената въ оную Коллегію, по прежнему," что и учинено.

Да по имянному жъ Указу тогда жъ изъ Сената велѣно всѣ драгунскіе полки и Генералитетъ командующихъ надъ оными и полевую аптеку, кромѣ гарнизонныхъ полковъ, вывесть изъ Малой Россіи на три года, провіанта и фуража на оныхъ не собирать и деньгами за то не имать, а по прошествіи тѣхъ трехъ лѣтъ, на указные полки не на полной комплетъ, но на наличное число людей и лошадей, собирать по штатной цѣнѣ деньгами, а не натурою, индуктовыя деньги, въ Малой Россіи собираемыя, которыхъ въ годъ въ казну собирается двадцать семь тысячь рублей, на бѣдныхъ и убогихъ людей Малороссійскихъ отдавать чрезъ три года, яко въ тѣхъ годахъ недородъ хлѣба и саранчи довольно было, тако жъ и падежъ скотской; конскіе Государевы заводы изъ Малой Россіи вывесть въ Великороссію и впредь тѣмъ уже въ Малой Россіи не бывать; во всей Малой Россіи всякаго званія людямъ впредь чрезъ два года, на половину Козаковъ, горѣлку курить, и протчія многія Малой Россіи пользы и облегченія отъ Высочайшей милости и щедротъ Ея Величества учинены, какъ то и сіе между прочими: не наряжать и не высылать Малороссіянъ ни на какія крѣпости и ретраншаментовъ подчинкии работы, не имать съ нихъ подводъ къ перевозкѣ съ Украинскойлиніи артилеріи и прочаго, новсе то исправлять одними Великороссійскими людьми, каковъ Указъ въ Сенатъ состоялся Февраля 4-го, 1749 году.

Изъ Иностранной Коллегіи Указъ въ Малую Россію, отъ 16-го Декабря, состоялся съ тѣмъ объявленіемъ, что Полномочный Министръ, Генералъ Гендриковъ, для избранія Гетьмана отравленъ въ Малую Россію; тогда жъ и Малороссійскіе Депутаты: Хорунжій Генеральный, Ханенко, да Бунчуковый Товарищъ, Гудовичъ (ибо первый, Лизогубъ, въ Санктпетербургѣ, Генваря 25 го дня, сего жъ 1749 года, умре), милостиво, съ особливѣшимъ Ея Императорскаго Величества жалованьемъ, какъ иностранные Послы, отпущены; ибо они, при отпускѣ ихъ въ Малую Россію, нарочитою отъ Ея Величества авдіенціею были почтены.

1750 года помянутые депутаты прибыли въ Глуховъ, Генваря 3-го

числа, а въ слѣдъ за ними, Генваря 16, и Генералъ Маіоръ Графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ прибыть изволилъ.

По прибытіи котораго тотчасъ какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, дано знать, чтобъ, для избранія Гетьмана, на 15 число Февраля, собрались въ Глуховъ.

ИЗБРАНІЕ ВЪ ГЕТЬМАНЫ ГРАФА РАЗУМОВСКАГО.

За собраніемъ которыхъ, Февраля 12, началась элекція особливымъ противъ прежнихъ порядковъ происхожденіемъ. На которой избранъ Малороссійскимъ Гетьманомъ Его Сіятельство, Графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, яко природный Малой Россіи сынъ.

А какимъ образомъ оная элекція происходила, изъ нижеслѣдующаго видѣть можно

ОПИСАНІЕ ЦЕРЕМОНІИ ВЪ ИЗБРАНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЦКАГО ГЕТЬМАНА, ВЪ ГОРОДѢ ГЛУХОВѢ БЫВШЕЙ 1750 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 22.

Означеннаго числа для знанія всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ, до города Глухова съѣхавшимся, къ собранію ихъ въ городъ Глуховъ, чинены были съ пушечной пальбы три сигнала.

1-й сигналъ по отбитіи утренней зори, по которому Великороссійской Глуховской гарнизонный полкъ изъзадѣ западной стороны театра, здѣланнаго для избранія Гетьманскаго, между церквами Живоначальныя Троицы и Чудотворца Николая, въ парадъ поставленъ былъ.

Потомъ Малороссійскіе всѣ полки, въ которыхъ состояло до пяты тысячъ рядовыхъ Козаковъ (кои уже до того сигнала прибралась за городомъ и стояли въ готовности), шли съ ружьемъ и при сабляхъ, строемъ пѣшо, въ городъ, съ распущенными полковыми и сотенными знаменами и съ полковою музыкою, играя маршъ и съ боемъ на литаврахъ, по войсковому порядку, слѣдующимъ образомъ:

По старшинству Полковниковъ:

1-й Полкъ Лубенскій; при немъ командовалъ того жъ полку Полковникъ Петръ Апостолъ, съ полковою и сотенною Старшиною, и сотни онаго полку слѣдовали одна за другою порядочно.

2-й Полкъ Миргородскій; при немъ командовалъ того жъ полку Полковникъ Василій Капнистъ, а шелъ вышеписаннымъ военнымъ порядкомъ.

3-й Полкъ Гадяцкій; при немъ командовалъ того жъ полку Полковникъ Петръ Галецкій, съ полковою Старшиною и Сотниками.

4-й Полкъ Переясловскій; при немъ командовалъ того жъ полку Полковникъ Семенъ Сулима, съ полковою Старшиною и Сотниками.

5-й Полкъ Прилуцкій; при немъ командовалъ Полковникъ того полку Григорій Галаганъ, съ полковою Старшиною и Сотниками.

6-й Полкъ Стародубовскій; при немъ командовалъ того жъ полку Полковникъ Федоръ Максимовичъ, съ полковою и сотенною Старшиною.

7-й Полкъ Нѣжинскій, при немъ командовалъ Полковникъ того полку Семенъ Кочубей, съ полковою и сотенною Старшиною.

8-й Полкъ Черниговскій; при немъ командовалъ Полковникъ того полку Иванъ Божичъ, съ полковою и сотенною Старшиною.

9 й Полкъ Кіевскій; при немъ командовала полковая того полку

Старшина, за неимѣніемъ Полковника.

10-й Полкъ Полтавскій; при немъ командовала того полку полковая Старшина, за бытьемъ въ то время онаго полку Полковника, Андрея Горленка, въ С.-Петербургѣ.

Которые Малороссійскіе полки, пришедъ въ городъ, къ устроенному для избранія Гетьмана театру, поставлены вокругъ онаго театра шеренгами такимъ образомъ:

Съ правой стороны отъ Глуховскаго гарнизоннаго полку полки: Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій и Переяславскій; съ лѣвой стороны отъ тогожъ гарнизоннаго полку, Прилуцкій, Стародубскій, Нѣжинскій и Черниговскій; а Кіевскій и Полтавскій полки, за недостаткомъ и тѣснотою мѣста, поставлены по мостовой улицѣ, и тѣми Малороссійскими полками командовалъ Есаулъ войсковый Генеральный, Яковъ Якубовичь.

2-й сигналъ въ 9 часу съ полуночи, по которому Генеральная Малороссійская Старшина, Бунчуковые Товарищи и прочая Малороссійская Шляхта знатная, собрались въ дворѣ къ Его Сіятельству Господину Генералу Маіору, Лейбъ Компаніи Подпоручику, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Дѣйствительному Каммергеру и ордена Святаго Александра Невскаго и Святыя Анны Кавалеру, Графу Ивану Симоновичу Гендрикову, а Преосвященный Архіепископъ, Митрополитъ Кіевскій, Тимофѣй Щербацкій, Архимандритъ Печерскій, Іосифъ Оранскій и прочее трехъ Малороссійскихъ Епархій духовенство, съѣхались въ церковь Чудотворца Николая, а Епископъ Черниговскій, Амвросій Дубневичь, тутъ же въ Глуховѣ будучи, за болѣзнію своею въ той церемоніи не былъ.

Въ десятомъ по утру часу третій пушечной сигналъ.

Послѣ онаго изъ двора Его Сіятельства, Графа Гендрикова, къ тому жъ театру съ тріумфальною церемоніею слѣдовали Компанѣйскихъ полковъ одинъ Старшина, за нимъ шестнадцать человѣкъ выборныхъ Компанѣйцовъ съ ружьемъ шли пѣшо, а за ними Гетьманская войсковая музыка и литаврщикъ въ убранствѣ на лошадяхъ ѣхали, съ играніемъ на трубахъ и съ боемъ на литаврахъ; за ними, въ богатой каретѣ цугомъ, ѣхали Иностранной Коллегіи Секретарь, Стефанъ Писаревъ, держа въ рукахъ, на большомъ вызолоченномъ блюдѣ, Ея Императорскаго Величества Высочайшую Грамоту, которой Грамотѣ отъ всѣхъ полковъ отдавана честь наклоненными знаменами, ружьемъ, играньемъ музыки и боемъ на литаврахъ; вкругъ той кареты, по обѣимъ сторонамъ, шли, съ ружьемъ, гарнизонные гранадеры, двѣнадцать человѣкъ.

За тою каретою несены Гетьманскіе клейноты:

1:

Большой штандаръ или знамя подъ Россійскимъ гербомъ, который данъ былъ отъ блаженныя памяти Великаго Государя Императора, Петра Втораго, умершему Гетьману, Данилу Апостолу, несенъ Бунчуковымъ Товарищемъ, Иваномъ Гамалѣею; по обѣимъ сторонамъ того шли два знатные Бунчуковые Товарищи, за нимъ ассистовалъ Хорунжій Генеральный, Николай Ханенко; въ заключеніе двѣнадцать человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей,

2.

Потомъ несена была Гетьманская булава, на красной бархатной подушкѣ, золотымъ позументомъ обложенной, по рогамъ золотыя кисти, двумя Бунчуковыми Товарищи, Яковомъ Марковичемъ, да Федоромъ Ширяемъ; за ними асистовали: Судья Генеральный Якимъ Горленко, Подскарбій Генеральный Михайло Скоропадскій, и Писарь Генеральный Андрей Безбородько; въ заключеніе 24 человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей.

3.

Гетьманской бунчукъ, на бархатной же подушкѣ, золотымъ позументомъ обложенной, кисти золотыя на рогахъ, несенъ двумя Бунчуковыми Товарищи, Ильею Лизогубомъ, да Петромъ Чарнолуцкимъ; ассистовалъ Бунчучный Генеральный Демьянъ Оболонскій, а за нимъ всѣ Бунчуковые Товарищи и протчое знатное Малороссійское Шляхетство.

4.

Большая Гетьманская печать, на такой же бархатной подушкѣ, несена двумя Бунчуковыми Товарищи, Петромъ и Григоріемъ Горленками; ассистовалъ Писарь Суда Генеральнаго, Иванъ Пиковецъ; по обѣмъ сторонамъ его два Бунчуковые Товарищи, Иванъ Журавка, да Илья Журманъ; за ними шли Войсковой Генеральной Канцеляріи и Суда Генеральнаго Канцеляристы.

5.

Войсковой прапоръ, несенъ Бунчуковымъ Товарищемъ, Павломъ Мокриевичемъ; за нимъ слѣдовали войсковые Товарищи.

За тѣми Гетьманскими клейнотами ѣхалъ въ каретѣ цугомъ Его Сіятельство, Графъ Гендриковъ, съ надлежащою отъ свиты его ассистенціею.

Въ заключеніе того 16 человѣкъ выборныхъ Компанѣйцовъ, при одномъ ихъ Старшинѣ, слѣдовали съ ружьемъ пѣшо.

И отъ двора Его Сіятельста Графа Гендрикова до церкви Троицкой, по обѣимъ сторонамъ улицы, Компанѣйцы и Жолдаки при ружьѣ стояли, дабы шествію церемоніи отъ народа помѣшательства не было.

На театрѣ Гетьмановскаго избранія Высочайшая Государственная Грамота положена на изготовленномъ столѣ, красною камкою покрытомъ, съ правой стороны Гетьманскіе клейноты на такомъ же столѣ, съ лѣвой стороны и отъ правой стороны близъ грамоты вышепомянутой большой штандартъ держалъ тотъ же Бунчуковой Товарищъ, который его и несъ; и съ той же стороны Митрополитъ Кіевскій и все духовенство во священныхъ одѣяніяхъ стояли, а близъ Гетьманскихъ клейнотовъ съ лѣвой стороны Генеральная Малороссійская Старшина, Бунчуковые жъ Товарищи и все прочее Малороссійское Шляхетство, по обѣимѣ сторонамъ театра стояли; помянутый же Графъ и Кавалеръ, Гендриковъ, стоялъ въ своемъ строевомъ платьѣ, по срединѣ театра, который театръ здѣланъ былъ въ три большіе градуса и по градусамъ обведенъ перилами, и первой высшой градусъ покрытъ былъ весь краснымъ Французскимъ сукномъ, а другой гарусною красною камкою.

При которомъ многонародномъ, духовныхъ и мірскихъ чиновъ, собраніи, Графъ Гендриковъ въ слухъ

всѣмъ велегласно объявилъ слѣдующею рѣчью, что Ея Императорское Величество, по прошенію всего Малороссійскаго народа, Всемилостивѣйше соизволяетъ быть по прежнему во всей Малороссіи Гетьману и повелѣваетъ избрать межъ себя Гетьмана по Малороссійскимъ своимъ правамъ и вольностямъ, вольными голосами, для котораго избранія онъ съ Высокомонаршею Грамотою въ Малую Россію присланъ.

Потомъ Высокомонаршая Грамота предписаннымъ Иностранной Коллегіи Секретаремъ всему собранію велегласно чтена, и оная состоитъ въ такой силѣ:

Божіею поспѣшествующею милостію мы, Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ Малороссійскаго народа, духовнымъ и мірскимъ, войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра Генеральной Старшинѣ, Полковникамъ, Бунчуковымъ Товарищамъ, Полковой Старшинѣ, Сотникамъ и Городовой Старшинѣ, Козакамъ и всему посполитству, коимъ образомъ Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, во особливое уваженіе и разсужденіе тѣ приключенныя и тягостныя обстоятельства приняли, которыя нашъ вѣрноподданный Малороссійскій народъ и принадлежащія къ оному земли, отъ нѣсколькихъ лѣтъ, а наипаче во время минувшей съ Оттоманскою Портою, претерпѣвать принуждены были, въ такомъ разсужденіи Мы, Великая Государыня, милосердуя о васъ, Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, и о благосостояніи всего Малороссійскаго народа, Наше Материнское попеченіе и призрѣніе имѣя, дабы сей, изъ давныхъ временъ къ Нашей Имперіи благоприсоединенный Малороссійскій народъ, отъ имѣвшихъ донынѣ тягостей и налоговъ облегченъ и свобожденъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше охраненъ и содержанъ быть могъ, яко же и по учиненномъ къ Намъ о томъ всеподданѣйшемъ отъ Малороссійской Старшины, именемъ всего того народа, прошенію, Высочайше и Всемилостивѣйше соизволили повелѣть, отнынѣ быть во всей Малой Россіи Гетьману по прежнему и на такомъ основаніи, какъ отъ Нашего любезнѣйшаго родителя, блаженныя и высокославныя памяти, Государя Императора Петра Великаго, бывшій Гетьманъ, Иванъ Скоропадскій, учрежденъ былъ. Въ слѣдствіе такого Нашего Всемилостивѣйшаго соизволенія, для избранія его, Гетьмана, съ Малороссійскаго народа, по прежнимъ вашимъ обыкновеніямъ, вольными голосами, отправленъ съ сею Нашею Императорскою Грамотою въ Глуховъ Нашей Лейбъ Компаніи Подпоручикъ и Ея Императорскаго Величества, Нашей Любезнѣйшей Племянницы, Великой Княгини, Камергеръ и Кавалеръ, Графъ Иванъ Гендриковъ, который при томъ избраніи Гетьмана присутствовать будетъ и о Нашемъ изволеніи вамъ объявитъ; а вамъ, Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, духовнымъ и мірскимъ, чрезъ сіе Всемилостивѣйше повелѣваемъ для того съѣхаться въ Глуховъ и быть изо всѣхъ полковъ Полковникамъ и Старшинѣ полковой, Бунчуковымъ и

Значковымъ Товарищамъ, въ такое время, какъ упомянутый Графъ Гендриковъ назначитъ, и при немъ выбрать вамъ себѣ Гетьмана, по прежнымъ своимъ обыкновеніямъ, кого благопристойно будетъ, изъ вѣрныхъ, знатныхъ и искусныхъ особъ. А впрочемъ, Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ тому новоизбранному Гетьману, и всѣмъ вамъ, Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, Малороссійскому народу, всѣ вольности, и права, и привилегіи, которыя вы отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую Гетьмана Богдана Хмельницкаго съ войскомъ Запорожскимъ, и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, и потомъ при Государствованіи Нашего Родителя, блаженныя и высокославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать, и васъ, вѣрныхъ Своихъ подданныхъ, отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять и весь Малороссійской народъ въ непремѣнной Своей милости содержать, въ чемъ бы вамъ, вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, на Нашу Императорскаго Величества милость быть благонадежнымъ. Данъ въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1749, Декабря 15, государствованія Нашего девятаго года.

Подлинная подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕЛИСАВЕТЪ.

Секретарь Стефанъ Писаревъ.

На оной печать большая подъ кустодіею.

И по прочтеніи оной Всемилостивѣйшей Грамоты, за таковое Ея Императорскаго Величества къ Малороссійскому народу милосердіе, Преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ говорено устное благодареніе; по окончаніи же того, Его Сіятельство, Графъ Гендриковъ, на всѣ четыре стороны велегласно всѣмъ въ слухъ объявилъ, кого именно въ Малую Россію желаютъ себѣ Гетьмана?

На что всѣ духовные чины, Генеральная Старшина, Полковники, Бунчуковые Товарищи и всѣ протчіе и рядовые Козаки единогласно учинили возгласъ и желаніе быть въ Малой Россіи Гетьманомъ Ея Императорскаго Величества, Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полку Подполковнику, Академіи Наукъ Президенту, Ея Императорскаго Величества Дѣйствительному Камергеру, Орденовъ Святаго Александра и Святыя Анны Кавалеру, Графу, Его Сіятельству, Кирилу Григорьевичу Разумовскому, яко природному Малороссійскому патріоту, что трекратнымъ желаніемъ подтвердили.

Потомъ упоминаемый Графъ Гендриковъ, о избраніи въ Малую Россію Гетьмана, ко всѣмъ чинамъ учинилъ поздравленіе и, въ знакъ того избранія, изъ пушекъ и мортировъ сто одинъ разъ, а послѣ того и во всѣхъ полкахъ съ мѣлкаго ружья бѣглымъ огнемъ выпаливали.

Послѣ того, Высочайшая Государственная Грамота, а за оною и всѣ Гетьманскіе клейноты понесены порядкомъ въ церковь Святителя Николая, куда духовные чины, Графъ Гендриковъ и Малороссійская большая Старшина пошли, где первѣе говорена проповѣдь Архидіякономъ Софѣйскимъ, Манасіемъ Максимовичемъ, а потомъ о Высочайшемъ Ея Император-

скаго Величества здравіи благодарственное, съ трекратною пушечною и всѣхъ полковъ мѣлкого ружья бѣглымъ огнемъ пальбою, отправлено молебствіе.

И по окончаніи молебствія Высочайшая Грамота и всѣ Гетманскіе клейноты изъ церкви Святителя Николая понесены съ такоюжъ триумфальною церемоніею, какъ выше показано, обратно до двора Его Сіятельства, Графа Гендрикова, а за оными клейнотами и всѣ Малороссійскіе полки шли, паки помянутымъ же порядкомъ, отъ двора Графа Гендрикова до прежнихъ мѣстъ въ поле, и тамъ уже распущены полки.

Въ знакъ котораго торжественнаго въ народѣ Малароссійскомъ благополучія, Его Сіятельству, Графу Гендрикову, отъ Малороссійской Генеральной Старшины и всего народа поднесено десять тысячей, а свитѣ его три тысячи рублей, которые взяты были изъ скарбу войсковаго; нынѣ же Сенатскимъ Указомъ велѣно послѣднія три тысячи собравъ съ тѣхъ, кои на томъ избраніи были, возвратить въ скарбъ войсковой.

Потомъ Малороссійской Генеральной Старшины Полковниковъ и протчихъ чиновъ и шляхетства у онаго Генерала, Графа Гендрикова, былъ публичный и довольный столъ, и сначала того трактамента, ажъ до девятаго часа съ полудня пушечная и мортирная ежечасная производилась пальба; на рядовыхъ же Малороссійскихъ Козаковъ роздано вина простого за двѣсти рублей.

И за такое Высочайшое народа Малороссійскаго помилованіе, къ Ея Императорскому Величеству отъ Малороссійскаго краю со всеподданнѣйшимъ благодареніемъ и для поздравленія ясневельможнаго Гетмана и прошенія его въ Малую Россію, отправлены въ Санктпетербургъ посланными Бунчучный Генеральный, Демянъ Оболонскій, Полковникъ Нѣжинскій, Семенъ Кочубей, и Бунчуковый Товарищъ, Илія Журманъ, да Писаръ Суда Войсковаго Генеральнаго, Иванъ Пиковецъ.

За прибытіемъ вышеприсанныхъ Депутатовъ въ Санктпетербургъ, новоизобранный Малороссійскій Гетманъ, Графъ Кирилъ Григоріевичъ Разумовскій, того жъ 750 года, Апрѣля 24-го дня, торжественно отъ Ея Императорскаго Величества конфирмованъ, и 5-го числа Іюня Имяннымъ отъ Ея Величества Указомъ въ Иностранную Коллегію и въ Сенатъ Гетманомъ объявленъ, и ему, Гетману, всѣ въ Малой Россіи на урядъ Гетманской надлежащія маетности и Почепъ съ уѣздомъ, кой отъ Гетмана Скоропадскаго отданъ былъ уже Князю Менщикову, отданы, а притомъ повелѣно въ Малой Россіи доходы всѣ собирать и употреблять по прежнимъ Малороссійскимъ обыкновеніямъ, конскіе Государевы заводы изъ урядовыхъ Гетманскихъ маетностей и полотняную фабрику изъ Почепа и изъ Малой Россіи вывесть, Великороссійскимъ Членамъ въ Генеральной Канцеляріи, въ Судѣ Генеральномъ, въ Коммисіи Экономіи, въ счетной и въ Коммисіи объ обидахъ, впредь уже не быть, и Министерскую Канцелярію отставить, о прочая.

Тотъ же Малороссійскій Гетманъ Имяннымъ Указомъ пожалованъ Фельдмаршаломъ и велѣно ему имѣть засѣданіе въ публич-

ныхъ мѣстахъ отъ пожалованія его въ тотъ чинъ, по старшинству съ Генералами Фельдмаршалами, кои прежде бывшіе Гетьманы не инако были почитаемы, какъ Фельдмаршалы, ибо они въ бытность свою у Государей имѣли всегда мѣсто выше Генераловъ Аншефовъ, а сверхъ того и сію отъ протчихъ, какъ иностранные, имѣли жъ отличность, что когда они бывали въ Москвѣ, или Петербургѣ, то опредѣлялась имъ для чести ихъ на караулъ цѣлая рота солдатъ, Капитанъ и Поручикъ съ знамемъ и барабаны стояли и зорю порядочно отбивали, хотя и въ присутствіи самаго Государя.

Того жъ года, съ особливѣйшаго Ея Величества благоволенія, послѣдовала Грамота о возобновленіи разореннаго города Батурина и о перенесеніи въ оный по прежнему Гетьманскаго правленія, въ такой силѣ:

Нашимъ Имяннымъ Высочайшимъ, заподписаніемъ собственныя Нашея руки, Указомъ, отъ 24-го сего Іюля Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ даннымъ, Всемилостивѣйше повелѣли Мы Вамъ, Нашему Гетьману, резиденцію свою имѣть въ Батуринѣ, такъ, какъ и прежніе Гетьманы оную тамъ же имѣли, и бывшій тамо городъ возобновить, и при заложеніи онаго учинить освященіе по церковному обыкновенію, о чемъ вамъ чрезъ сіе знать дается, а о томъ же въ Наши Синодъ и Сенатъ изъ Нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ сообщено. Іюля 31-го, 1750 году.

Въ подлинномъ подпись тако:

По Ея Императорскаго Величества Указу:

Графъ Алексѣй Бестужевъ Рюминъ.

Графъ Михайло Воронцовъ.

1751 году, Февраля 24-го, Ея Императорское Величество Гетьману Разумовскому войсковые клейноты пребогатые и изряднымъ искуствомъ здѣланные, алмазами и другими дорогими каменми осаженные, какъ-то: булаву, бунчукъ, печать и знамя, жаловать и вручить публично соизволила.

Сего года, Іюня 30-го числа, Гетьманъ Графъ Разумовскій изъ Петербурга прибылъ въ Малую Россію и имѣлъ въѣздъ свой въ Глуховъ весьма торжественно, съ встрѣчью отъ всѣхъ Генеральныхъ Старшинъ, Полковниковъ и протчихъ знатныхъ особъ, такъ какъ и рядовыхъ Козаковъ до шести тысячъ человѣкъ, съ произвожденіемъ пальбы изъ пушекъ и мѣлкаго ружья.

За благополучнымъ же Его Сіятельства прибытіемъ въ Глуховъ, для внушенія Высокомонаршей Грамоты, данной на достоинство Гетьманское и для торжественнаго принятія имъ въ Малой Россіи онаго Гетьманскаго достоинства, слѣдующая, Іюля 31 дня была, церемонія:

По пробытіи утренней зори, данъ изъ трехъ пушекъ сигналъ, по которому всѣ Малороссійскіе полки въ двѣ шеренги отъ самаго Гетьманскаго дому, что на Веригинѣ, ажъ до самой церквы Святаго Николая въ городѣ, поставлены были при ружѣ пѣшо, да при той же церкви съ правой стороны и гарнизонный полкъ въ парадѣ по ихъ регули стоялъ; и какъ третій сигналъ изъ пушекъ въ 9-мъ часу учиненъ, то первѣе всего изъ двора Гетьманскаго начала выступать войсковая музыка, играя маршъ, за нею шестьдесятъ человѣкъ Компанѣйцовъ выборныхъ

людей, за ними въ слѣдъ сорокъ человѣкъ Запорожскихъ Козаковъ, потомъ ведена лошадь въ богатомъ убранствѣ, съ серебряными литаврами, двумя конюхами; по сторонамъ тѣхъ литавръ Бунчуковыхъ Товарищей шесть человѣкъ; Бунчучный Генеральный на лошади везъ бунчукъ, за нимъ слѣдовали двѣнадцать человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей; большое національное знамя везъ на лошади Хорунжій Генеральный, Ханенко, и оное пѣшіе два Бунчуковые Товарищи поддерживали; за нимъ двѣнадцать человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей въ богатой каретѣ цугомъ, везлъ печать Генеральный Писарь, Безбородько; по сторонамъ той кареты шесть человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей, позади шли шесть человѣкъ лакеевъ въ богатомъ платьѣ; за ними въ открытой коляскѣ богатой парою лошадей везлъ Генеральный Подскарбій, Скоропадскій, на бархатной подушкѣ булаву, по сторонамъ которой ѣхали шесть человѣкъ Бунчуковыхъ Товарищей, такъ же по сторонамъ и позади коляски лакеи; въ богатой каретѣ цугомъ везлъ на богатой бархатной съ золотыми кистями подушкѣ Высокомонаршую Грамоту Совѣтникъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, предъ тою каретою два гайдука, позади четыре лакея, Бунчуковыхъ Товарищей двѣнадцать человѣкъ; послѣ сего изволилъ ѣхать Ясневельможный Гетьманъ въ пребогатой каретѣ цугомъ, богато убраннымъ, предъ каретою на лошади конюшій, за нимъ четыре скорохода, восемъ лакеевъ пѣши, по сторонамъ четыре гайдука; за каретою ѣхали два гвардіи сержанты, съ правой стороны Асаулъ Генеральный, Якубовичъ, двѣнадцатъ Бунчуковыхъ Товарищей и сорокъ человѣкъ Запорожскихъ Козаковъ; шестьдесятъ человѣкъ Компанѣйцовъ заключали церемонію.

И тѣ всѣ знаки и грамота внесены въ церковь Святаго Николая, и предъ молебствіемъ оная Грамота въ голосъ чтена тако:

Божіею споспѣшествующею Милостію Мы, Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же, Малороссійскому народу, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, милосердуя о Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа, имѣя о благосостояніи онаго матернее попеченіе и призрѣніе, дабы сей изъ давныхъ временъ къ Нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ былъ управляемъ, и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ, на всеподданѣйшое отъ Малороссійской Старшины, именемъ всего народа, прошеніе, Высочайше и Всемилостивѣйше соизволили, по прежнему обыкновенію вольными голосами избрать Гетьмана, яко то при предкахъ нашихъ, Всероссійскихъ Монархахъ Императорахъ было; въ слѣдствіе же того Нашего Всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію Нашего Императорскаго Величества Генерала Майора, Лейбъ Компаніи Подпоручика и Ея Императорскаго Вы-

сочества Нашей любезной Племянницы, Великой Княгини, Камергера и Орденовъ Святаго Александра и Святыя Анны Кавалера, Графа Ивана Гендрикова, 22 Февраля, прошлаго 1750 года, въ Глуховѣ, отъ всѣхъ обще Малороссійскихъ чиновъ и народа единогласно избранъ Гетьманомъ природный Малороссіянинъ, Нашъ Дѣйствительный Камергеръ, Академіи Наукъ Президентъ и Нашей гвардіи Измайловскаго полку Подполковникъ, и Орденовъ Святаго Александра, Бѣлаго Орла, и Святыя Анны Кавалеръ, Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, и съ онымъ выборомъ, подписаннымъ отъ всѣхъ, при томъ бывшихъ Духовныхъ персонъ, Старшинъ и другихъ чиновъ, руками, для испрошенія Всевысочайшей Нашей конфирмаціи, присланы: Генеральный Бунчучный, Демянъ Оболонскій, Нѣжинскій Полковникъ, Семенъ Кочубей, и Бунчуковый Товарищъ, Илія Журманъ, да при нихъ Суда Войсковаго Генеральнаго Писарь, Иванъ Пиковецъ. И Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того, по повелѣнію Нашему общаго вольными голосами Малороссійскаго избранія, и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его, Графа Разумовскаго, Гетьманомъ Всемилостивѣйше конфирмовали, и, по учиненіи Намъ, Великой Государынѣ, въ вѣрности своей предъ Святымъ Евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь, въ Придворной Нашей церкви, при Нашемъ Канцлерѣ, Дѣйствительномъ Тайномъ Совѣтникѣ, Сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ Орденовъ Кавалерѣ, Графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ Рюминѣ, присяги, войсковые клейноты: булава, знамя, бунчукъ, печать и литавры, отъ Насъ получилъ; послѣ чего онъ, подданный Нашъ, Гетьманъ Графъ Разумовскій, просилъ Наше Императорское Величество, дабы Мы пожаловали его на урядъ Гетьманскій и на маетности, на булаву опредѣленное, жалованною Нашею Грамотою, и Мы Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская, Наше Императорское Величество, призирая на то подданнаго Нашего Гетьмана, прошеніе и вѣдая его къ Нашему Императорскому Величеству по прежде засвидѣтельствованнымъ при Дворѣ Нашемъ по чину своему прилѣжности и благоповеденіе, такожде въ Гвардіи Нашей и въ Академіи Наукъ, заслугамъ, ревности къ добропорядочному управленію, и по учиненному нынѣ вновь въ вѣрностии службѣ обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную Грамоту на утвержденіе того уряду Гетьманскаго дать, и силою сей Нашей Императорскаго Величества жалованной Грамоты соизволяемъ ему, подданому Нашему, Гетьману, войсковую армату или артилерію и данные Гетьманскаго достоинства знаки имѣть такъ, какъ прежніе Гетьманы, въ вѣрности своей къ Намъ бывшіе, содержали, воинскія, гражданскія и всякія въ Малой Россіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ Державу Дѣда Нашего, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и

Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, Гетьманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и по Нашимъ Императорскаго Величества Указамъ опредѣленнымъ, и впредь опредѣляемымъ, и къ ему присылаемымъ, безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго. А маетностми, на булаву опредѣленными, противъ иныхъ подданныхъ Нашихъ Гетьмановъ, владѣть со всякою пристойною повинностію, и дабы видя онъ, подданный Нашъ, Гетьманъ, къ себѣ сію Нашу милость, служилъ Нашему Императорскому Величеству и Нашимъ Наслѣдникамъ вѣрно и постоянно, со всѣмъ, подъ правленіемъ его Гетьманскимъ обрѣтающимся подданнымъ Нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ противъ всѣхъ Нашихъ непріятелей, во всемъ согласуя вышеимянованной присягѣ, которую, онъ, Гетьманъ, при крестномъ цѣлованіи, за подписаніемъ руки своея, далъ, за что Наша, Великой Государыни, Нашего Императорскаго Величества, милость и призрѣніе и впредь отъ него, подданнаго Нашего, отъемлема не будетъ, но наипаче умножится, и для объявленія вящшей къ нему, подданному Нашему, Гетьману, Нашей милости и утверждения, сію Грамоту собственною Нашего Императорскаго Величества рукою подписали и Нашею Государственною печатью утвердить повелѣли. Дана въ резиденціи Нашей въ Санктпетербургѣ, Мая 22 дня, лѣта отъ Рождества Христова 1751 году, Государствованія Нашего 10 года.

На подлинной подпись Ея Императорскаго Величества руки тако:

ЕЛИСАВЕТЪ.

На оной печать вѣсистая въ золотомъ большомъ ящикѣ.

По прочтеніи сей Грамоты благодарственное отправилось молебствіе, съ пушечною и изъ мѣлкаго ружья отъ всѣхъ полковъ пальбою.

По окончаніи сего опять вышеписаннымъ образомъ проважена Грамота и клейноты ко двору Его Ясневельможности, у котораго тогда жъ и публичный для всѣхъ знатныхъ господъ былъ столъ.

Сколь ни великолѣпное и славное сего Гетьмана какъ избраніе, такъ и вступленіе его на правленіе, а сверхъ сего и содержаніе всего не противъ протчихъ Гетьмановъ дому чрезъ всю бытность его было, что иныхъ ко удивленію, а другихъ въ зависть приводило, столь окончаніе онаго Гетьманскаго уряду Малой Россіи неполезное; но о семъ, такъ какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

КРАТКОМУ ОПИСАНІЮ О КОЗАЦКОМЪ МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРОДѢ,

СОЧ. П. СИМОНОВСКАГО.

(Числа 1 и 2 означаютъ столбцы, а прочія самыя страницы.)

В.

Г.

Д.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Указатель составленъ Г. Кандидатомъ Московскаго Университета, *Александромъ Клевановымъ*.